

MIND

В НОМЕРЕ ОБСУЖДАЮТСЯ ПРОБЛЕМЫ:

- Peacebuilding Strategy in Training of Young Scientists in conditions of Informational Risks;
- Separation of Powers Principle in the States of XXI Century: Constitutional Approach;
- Налоговое администрирование и уголовное судопроизводство по делам об экономических правонарушениях;
- On the Principle of Unity of Interpretation of Treaty Norms in International Law;
- Жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесі және оның құқық субъектілігі туралы даулар;
- Обзоры научных мероприятий.

ҚҰҚЫҚ және МЕМЛЕКЕТ ПРАВО и ГОСУДАРСТВО LAW and STATE

№ 1 (102), 2024

В НОМЕРЕ ОБСУЖДАЮТСЯ ПРОБЛЕМЫ:

- Peacebuilding Strategy in Training of Young Scientists in conditions of Informational Risks;
- Separation of Powers Principle in the States of XXI Century: Constitutional Approach;
- Налоговое администрирование и уголовное судопроизводство по делам об экономических правонарушениях;
- On the Principle of Unity of Interpretation of Treaty Norms in International Law;
- Жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесі және оның құқық субъектілігі туралы даулар;
- Обзоры научных мероприятий.

Maqsut Narikbayev University. «ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТ» ҒЫЛЫМИ-АҚПАРАТТЫҚ ЖУРНАЛЫ, 1997 ж. БЕРІ ШЫҒАРЫЛАДЫ, ШЫҒУ ЖИІЛІГІ – ЖЫЛЫНА 4 САН.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕСІ:

1. Сарсембаев М.А. (төраға) – з.ғ.д., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының профессоры (Астана қ.);
2. Әбдіров Н.М. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Орталық сайлау комиссиясының Төрағасы (Астана қ.);
3. Әбдірайым Б.Ж. – з.ғ.д., профессор, «Астана Медицина Университеті» АҚ Директорлар Кеңесінің төрағасы, Қазақстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының корреспондент-мүшесі (Астана қ.);
4. Авакян С.А. – з.ғ.д., профессор, М.В. Ломоносов ат. ММУ конституциялық және муниципалдық құқық кафедрасының меңгерушісі (Мәскеу қ., РФ);
5. Асанов Ж.Қ. – з.ғ.д., Қазақстан Республикасы Парламенті Сенаты Төрағасының орынбасары (Астана қ.);
6. Ахпанов А.Н. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университетінің қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының профессоры (Астана қ.);
7. Белых В.С. – з.ғ.д., профессор, Еуразиялық салыстырмалы және халықаралық кәсіпкерлік құқық ғылыми-зерттеу орталығының директоры, В.Ф. Яковлев атындағы Орал мемлекеттік заң университеті кәсіпкерлік құқық кафедрасының меңгерушісі (Екатеринбург қ., РФ);
8. Борчашвили И.Ш. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Кешірім жасау мәселелері жөніндегі комиссияның мүшесі (Астана қ.);
9. Дәуітбаев А.К. – з.ғ.д., Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің экс-мүшесі, Қазақстан Республикасының экс-Бас прокуроры (Астана қ.);
10. Дәуленов М.М. – PhD, «Нархоз Университеті» КАҚ Президенті, Басқарма төрағасы (Алматы қ.);
11. Дулатбеков Н.О. – з.ғ.д., профессор, Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды университетінің ректоры, Қазақстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының корреспондент-мүшесі (Қарағанды қ.);
12. Зиемблицкий, Бартош – PhD, Вроцлав экономикалық университеті (Вроцлав қ., Польша);
13. Козловски, Артур – доктор хабиле, профессор, Вроцлав университеті (Вроцлав қ., Польша);
14. Малько А.В. – з.ғ.д., профессор, Ресей Федерациясының еңбек сіңірген ғылым қайраткері (Саратов қ., РФ);
15. Мелкевич, Бьярн – з.ғ.д., құқық профессоры (teluwig), Лаваль Университеті профессоры (Квебек қ., Канада);
16. Мороз С.П. – з.ғ.д., профессор, Каспий Университеті «Әділет» Жоғары құқық мектебінің деканы (Алматы қ.);
17. Нурмағамбетов А.М. – з.ғ.д., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті конституциялық және азаматтық құқық кафедрасының профессоры (Астана қ.);
18. Понкин И.В. – з.ғ.д., Ресей Федерациясы Президенті жанындағы Ресей халық шаруашылығы және мемлекеттік қызмет академиясы, мемлекеттік және муниципалдық басқару кафедрасының профессоры (Мәскеу қ., РФ);
19. Рогов И.И. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Адам құқықтары жөніндегі комиссияның төрағасы, Қазақстан Республикасынан Құқық арқылы демократия үшін Еуропалық Комиссияның (Венеция комиссиясы) мүшесі, Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің экс-Төрағасы (Астана қ.);
20. Россинская Е.Р. – з.ғ.д., профессор, Сот сараптамалары институтының директоры, О.Е. Кутафин ат. Мәскеу мемлекеттік заң университеті сот сараптамалары кафедрасының меңгерушісі (Мәскеу қ., РФ);
21. Саидов А.Х. – з.ғ.д., профессор, Өзбекстан Республикасы Адам құқықтары жөніндегі ұлттық орталықтың директоры, Өзбекстан Олий Мажлисі Заң шығару палатасының (Парламентінің) Демократиялық институттар, мемлекеттік емес ұйымдар және азаматтардың өзін-өзі басқару органдары комитетінің төрағасы, Өзбекстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының академигі (Ташкент қ., Өзбекстан);
22. Стоилев Я.Б. – Болгарияның Конституциялық Сотының судьясы, құқық докторы, Фулие Климент Охридский ат. София университетінің профессоры (София қ., Болгария);
23. Тоғжанов Е.Л. – саясат.ғ.д., з.ғ.к., Ақтөбе облысының экс-әкімі, Қазақстан Республикасы Премьер-Министрінің экс-орынбасары (Ақтөбе қ.);
24. Шакиров А.О. – з.ғ.к., Қазақстан Республикасы Парламенті Сенатының экс-депутаты (Астана қ.);
25. Шапала Н.К. – з.ғ.д., Украина Жоғары білім академиясының академигі, Украина Конституциялық сотының экс- төрағасы (Киев қ., Украина).

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА МҮШЕЛЕРІ:

1. Дидкин А.Б. (бас редактор) – фил.ғ.д., з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Associate professor (Астана қ.);
2. Абдрасулова Г.Э. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
3. Аубакирова И.У. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.);
4. Ахмади М.А. – PhD, Maqsut Narikbayev University ғылыми қызмет және зерттеулер жөніндегі Вице-Провосты, Assistant professor (Астана қ.);
5. Бектибаева О.С. – PhD, Maqsut Narikbayev University Құқық жоғары мектебінің директоры (деканы) (Астана қ.);
6. Биебаева А.Ә. – з.ғ.к., доцент, ҚР Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы Қылмыстық-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының директоры (Астана қ.);
7. Возняк О.А. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
8. Джекеебаев Ч.У. – з.ғ.к., Жеке сот орындаушыларының республикалық палатасы жанындағы Оқу орталығы директорының орынбасары (Астана қ.);
9. Естеміров М.А. – PhD, Сулейман Демирель Университетінің қауымдастырылған профессоры (Алматы қ.);
10. Ешниязов Н.С. – PhD, Maqsut Narikbayev University Халықаралық құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.);
11. Жұмағұлов М.И. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің мүшесі (Астана қ.);
12. Жүсіпов А.Д. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
13. Идрышева С.К. – Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
14. Калишева Ж.Г. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Professor Emeritus, Заңгерлерді бағалау және сертификаттау бюросының басшысы (Астана қ.);
15. Қаудыров Т.Е. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
16. Ким К.В. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
17. Қоғамов М.Ш. – з.ғ.д., профессор, Maqsut Narikbayev University қылмыстық сот төрелігі және ғылыми сараптама саласындағы ғылыми жобалардың жетекшісі (Астана қ.);
18. Лозовая О.В. – PhD, Maqsut Narikbayev University Халықаралық құқық департаментінің Teaching professor, Құқық жоғары мектебі директорының (деканының) ғылым, жоғары оқу орнынан кейінгі білім және даму жөніндегі орынбасары (Астана қ.);
19. Малиновский В.А. – з.ғ.д., «Нархоз Университеті» КАҚ профессоры (Алматы қ.);
20. Мельник Р.С. – з.ғ.д., Associate professor, Maqsut Narikbayev University әкімшілік және неміс құқығы ғылыми мектебінің директоры (Астана қ.);
21. Нарікбаев Т.М. – Maqsut Narikbayev University Басқарма Төрағасы (Астана қ.);
22. Ногайбай З.М. – құқық докторы, кеңесші, White & Case Kazakhstan (Астана қ.);
23. Нуртаев Р.Т. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
24. Оразбаева Ә.А. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
25. Пен С.Г. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Провосты (Ректоры) (Астана қ.);
26. Подопригора Р.А. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының судьясы (Астана қ.);
27. Саялин С.В. – құқық докторы, КИМЭП Университетінің Құқық мектебі қауымдастырылған деканы, қауымдастырылған профессор (Алматы қ.);
28. Сейтенов Қ.Қ. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының бірінші проректоры (Астана қ.);
29. Темірбеков Ж.Р. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
30. Телина Ш.В. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі (Астана қ.);
31. Ударцев С.Ф. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының судьясы (Астана қ.);
32. Хасенов М.Х. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.);
33. Шапақ Ұ.Ш. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісінің депутаты (Астана қ.).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

1. Сарсембаев М.А. (председатель) – д.ю.н., профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
2. Абдилов Н.М. – д.ю.н., профессор, Председатель Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан (г. Астана);
3. Абдраимов Б.Ж. – д.ю.н., профессор, Председатель Совета директоров АО «Медицинский Университет Астана», член-корреспондент Национальной Академии Наук Республики Казахстан (г. Астана);
4. Авакьян С.А. – д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ);
5. Асанов Ж.К. – к.ю.н., заместитель Председателя Сената Парламента Республики Казахстан (г. Астана);
6. Ахпанов А.Н. – д.ю.н., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
7. Бельых В.С. – д.ю.н., профессор, фЕвразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права, зав. кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург, РФ);
8. Борчашвили И.Ш. – д.ю.н., профессор, член Комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Казахстан (г. Астана);
9. Даулбаев А.К. – к.ю.н., экс-член Конституционного совета Республики Казахстан, экс-Генеральный прокурор Республики Казахстан (г. Астана);
10. Дауленов М.М. – PhD, Президент, Председатель правления НАО «Университет Нархоз» (г. Алматы);
11. Дулатбеков Н.О. – д.ю.н., профессор, Ректор Карагандинского университета им. Е.А. Букетова, член-корреспондент Национальной Академии Наук Республики Казахстан (г. Караганда);
12. Зиемблицкий, Бартош – PhD, Экономический университет во Вроцлаве (г. Вроцлав, Польша);
13. Козловски, Артур – доктор хабил, профессор, Вроцлавский Университет (г. Вроцлав, Польша);
14. Малько А.В. – д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Саратов, РФ);
15. Мелкевик, Бьярн – д.ю.н., профессор (tenure) права, профессор Университета Лавала (г. Квебек, Канада);
16. Мороз С.П. – д.ю.н., профессор, декан Высшей школы права «Әділет» Каспийского Университета (г. Алматы);
17. Нурмагамбетов А.М. – д.ю.н., профессор кафедры конституционного и гражданского права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
18. Понкин И.В. – д.ю.н., профессор кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва, РФ);
19. Рогов И.И. – д.ю.н., профессор, Председатель Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) от Республики Казахстан, экс-Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан (г. Астана);
20. Россинская Е.Р. – д.ю.н., профессор, директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, РФ);
21. Саидов А.С. – д.ю.н., профессор, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, председатель Комитета по демократическим инсти-тутам, негосударственным организациям и органам самоуправления граждан Законодательной палаты Олий Мажлиса (Парламента) Узбекистана, академик Национальной Академии Наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан);
22. Стоилов Я.Б. – судья Конституционного Суда Болгарии, доктор права, профессор Софийского университета им. Святого Климента Охридского (г. София, Болгария);
23. Тугжанов Е.Л. – д.политн., к.ю.н., экс-аким Актюбинской области, экс-заместитель Премьер-Министра Республики Казахстан (г. Актюбе);
24. Шакиров А.О. – к.ю.н., экс-депутат Сената Парламента Республики Казахстан (г. Астана);
25. Шаптала Н.К. – д.ю.н., профессор, академик Академии высшего образования Украины, экс-Председатель Конституционного Суда Украины (г. Киев, Украина).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

1. Дидикин А.Б. (главный редактор) – д.фил.н., к.ю.н., Associate professor Департамента публичного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
2. Абдрасуллова Г.Э. – к.ю.н., Teaching professor Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
3. Аубакирова И.У. – д.ю.н., Assistant professor Департамента публичного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
4. Ахмади М.А. – PhD, Assistant professor, Вице-Провост по научной деятельности и исследованиям Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
5. Бектибаева О.С. – PhD, директор (декан) Высшей школы права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
6. Биебаева А.А. – к.ю.н., доцент, директор Научно-образовательного центра уголовно-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде РК (г. Астана);
7. Возняк О.А. – к.ю.н., Teaching professor Департамента уголовного правосудия Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
8. Джекеебаев Ч.У. – к.ю.н., заместитель директора Учебного центра при Республиканской палате частных судебных исполнителей (г. Астана);
9. Естемиров М.А. – PhD, ассоциированный профессор Университета Сулеймана Демиреля (г. Алматы);
10. Ешениязов Н.С. – PhD, Assistant professor Департамента международного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
11. Жумагулов М.И. – д.ю.н., профессор, член Высшего Судебного Совета Республики Казахстан (г. Астана);
12. Жусупов А.Д. – д.ю.н., Teaching professor Департамента публичного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
13. Идрышева С.К. – д.ю.н., Professor Emeritus Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
14. Калишева Ж.Г. – к.ю.н., Professor Emeritus Департамента публичного права, руководитель Бюро по оценке и сертификации юристов Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
15. Каудыров Т.Е. – д.ю.н., Teaching professor Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
16. Ким К.В. – к.ю.н., Professor Emeritus Департамента Уголовного правосудия Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
17. Когамов М.Ч. – д.ю.н., профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам уголовного правосудия и научной экспертизы Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
18. Лозовава О.В. – PhD, Teaching professor Департамента международного права, заместитель директора (декана) по науке, послевузовскому обучению и развитию Высшей школы права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
19. Малиновский В.А. – д.ю.н., профессор НАО «Университет Нархоз» (г. Алматы);
20. Мельник Р.С. – д.ю.н., Associate professor, директор Научной школы административного и немецкого права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
21. Нарикбаев Т.М. – к.ю.н., Председатель Правления Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
22. Ногайбай З.М. – доктор права, советник, White & Case Kazakhstan (г. Астана);
23. Нуртаев Р.Т. – д.ю.н., Professor Emeritus Департамента уголовного правосудия Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
24. Оразбаева А.А. – к.ю.н., Teaching professor Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
25. Пен С.Г. – к.ю.н., Провост (Ректор) Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
26. Подопригора Р.А. – д.ю.н., профессор, судья Конституционного Суда Республики Казахстан (г. Астана);
27. Саяпин С.В. – доктор права, ассоциированный профессор, ассоциированный декан Школы права Университета КИМЭП (г. Алматы);
28. Сейтенов К.К. – д.ю.н., профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (г. Астана);
29. Темирбеков Ж.Р. – PhD, Teaching professor Департамента публичного права Высшей школы права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
30. Тлепина Ш.В. – д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
31. Ударцев С.Ф. – д.ю.н., профессор, судья Конституционного Суда Республики Казахстан (г. Астана);
32. Хасенов М.Х. – PhD, Assistant professor Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
33. Шапақ У.Ш. – д.ю.н., Профессор, депутат Мажлиса Парламента Республики Казахстан (г. Астана).

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

1. Sarsembayev M.A. (chairman) – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of International Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
2. Abdirov M.N. – Doctor of Juridical Science, Professor, Chairman of the Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan (Astana);
3. Abdraimov B.Zh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Chairman of the Board of Directors of Astana Medical University, Member of the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan (Astana);
4. Avakyan S.A. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law at Lomonosov Moscow State University (Moscow, the Russian Federation);
5. Asanov Zh.K. – Candidate of Legal Sciences, Deputy Chairman of the Senate of the Parliament of the Republic of Kazakhstan (Astana);
6. Akhpanov A.N. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Criminal Law disciplines at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
7. Belykh V.S. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Eurasian research center for comparative and international commercial law, Head of the Department of Commercial Law at V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg, the Russian Federation);
8. Borchashvili I.Sh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Member of the Commission on Pardons under the President of the Republic of Kazakhstan (Astana);
9. Daubayev A.K. – Candidate of Legal Sciences, former Member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, former Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan (Astana);
10. Daulenov M.M. – Ph.D., President, Chairman of the Board of NJSC «Narxoz University» (Almaty);
11. Dulatbekov N.O. – Doctor of Juridical Science, Professor, Rector of Academician E.A. Buketov Karaganda University, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (Karaganda);
12. Ziemlicki, Bartosz – Ph.D., Wrocław University of Economics and Business (Wrocław, Poland);
13. Kozłowski, Artur – Dr. Hab., Professor, University of Wrocław (Wrocław, Poland);
14. Malko A.V. – Doctor of Juridical Science, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Saratov, the Russian Federation);
15. Melkevik, Bjarne – Doctor in Law, Professor (tenure) of Laval University (Quebec, Canada);
16. Moroz S.P. – Doctor of Juridical Science, Professor, Dean of the “Adilet” Higher School of Law at Caspian University (Almaty);
17. Nurmagambetov A.M. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
18. Ponkin I.V. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Public and Municipal Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, the Russian Federation);
19. Rogov I.I. – Doctor of Juridical Science, Professor, Chairman of the Human Rights Commission under the President of the Republic of Kazakhstan, member of the European Commission for Democracy through Law (the Venice Commission) of the Council of Europe representing Kazakhstan, former Chairman of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan (Astana);
20. Rossinskaya Ye.R. – Doctor of Juridical Science, Professor, Director of the Institute of Judicial Expertise, Head of the Forensic Expertise Department at Kutafin Moscow State Law University (Moscow, the Russian Federation);
21. Saidov A.Kh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Chairman of the Committee for democracy institutes, non-governmental bodies and civil self-government bodies of Legislative Chamber of Uzbekistan, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);
22. Stoilov, Yanaki – judge of the Constitutional Court of Bulgaria, Doctor of Law, Professor of St. Kliment Ohridski Sofia University (Sofia, Bulgaria);
23. Tugzhanov Ye.L. – Doctor of Political Sciences, Candidate of Legal Sciences, ex-akim of Aktobe region, ex-Deputy Prime Minister of the Republic of Kazakhstan (Aktobe);
24. Shakirov A.O. – Candidate of Legal Sciences, Deputy of the Senate of the Parliament of the Republic of Kazakhstan (Astana);
25. Shaptala N.K. – Doctor of Juridical Science, Professor, Academician of the Academy of Higher Education of Ukraine, ex-Chairman of the Constitutional Court of Ukraine (Kiev, Ukraine).

EDITORIAL BOARD:

1. Shapak U.Sh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Member of the Mazhilis Sciences, Associate professor of the Department of Public Law at Maqsut Narikbayev University (Astana);
2. Abdrasulova G.E. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Private Law at Maqsut Narikbayev University (Astana);
3. Aubakirova I.U. – Doctor of Juridical Science, Assistant professor of the Department of Public Law at Maqsut Narikbayev University (Astana);
4. Akhmedi A.M. – PhD, Assistant professor, Vice-Provost for Research of Maqsut Narikbayev University (Astana);
5. Bektiybayeva O.S. – PhD, Head (Dean) of KAZGUU Law School of Maqsut Narikbayev University (Astana);
6. Biybeyeva A.A. – Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Director of the Research and Educational Center of Criminal Law Disciplines of Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
7. Voznyak O.A. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Criminal Justice at Maqsut Narikbayev University (Astana);
8. Dzhekebayev Ch.U. – Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of Educational center under the Republican Chamber of Private Bailiffs (Astana);
9. Yestemirov M.A. – PhD, Associate professor of Suleyman Demirel University (Almaty);
10. Yeshniyazov N.S. – PhD, Assistant professor of the Department of International Law at Maqsut Narikbayev University (Astana);
11. Zhumagulov M.I. – Doctor of Juridical Science, Professor, member of the Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan (Astana);
12. Zhusupov A.D. – Doctor of Juridical Science, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqsut Narikbayev University (Astana);
13. Idrysheva S.K. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Private Law at Maqsut Narikbayev University (Astana);
14. Kalisheva Zh.G. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Public Law, Head of the Legal Assessment and Certificate Bureau at Maqsut Narikbayev University (Astana);
15. Kaudyrov T.Ye. – Doctor of Juridical Science, Teaching professor of the Department of Private Law at Maqsut Narikbayev University (Astana);
16. Kim K.V. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at Maqsut Narikbayev University (Astana);
17. Kogamov M.Ch. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the research projects in the field of criminal justice and scientific expertise of Maqsut Narikbayev University (Astana);
18. Lozovaya O.V. – PhD, Deputy Head (Dean) for research, postgraduate studies and development of KAZGUU Law School at Maqsut Narikbayev University (Astana);
19. Malinovsky V.A. – Doctor of Juridical Science, Professor of NJSC «Narxoz University» (Almaty);
20. Melnyk R.S. – Doctor of Juridical Science, Director of the Scientific School of Administrative and German Law Maqsut Narikbayev University (Astana);
21. Narikbayev T.M. – Chairman of the Board of M. Narikbayev KAZGUU University (Astana);
22. Nogaibai Z.M. – Dr.iur., counsel, White & Case Kazakhstan (Astana);
23. Nurtayev R.T. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at Maqsut Narikbayev University (Astana);
24. Orabayeva A.A. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqsut Narikbayev University (Astana);
25. Pen S.G. – Candidate of Legal Sciences, Provost (Rector) of Maqsut Narikbayev University (Astana);
26. Podoprigora R.A. – Doctor of Juridical Science, Professor, judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
27. Sayapin S.V. – Dr.iur., Associate Professor, Associate Dean School of Law at KIMEP University (Almaty);
28. Seitenov K.K. – Doctor of Juridical Science, first Vice Rector of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General’s Office of the Republic of Kazakhstan (Astana);
29. Temirbekov Zh.R. – PhD, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqsut Narikbayev University (Astana);
30. Tlepina Sh.V. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of International Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
31. Udartsev S.F. – Doctor of Juridical Science, Professor, judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
32. Khassenov M.Kh. – PhD, Assistant professor of the Department of Private Law at Maqsut Narikbayev University (Astana);
33. Shapak U.Sh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Member of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan (Astana).

СОДЕРЖАНИЕ

Құқық және мемлекет
Право и государство
Law and State
№ 1 (102), 2024

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Huban R. (Ukraine, c. Kyiv) Peacebuilding Strategy in Training of Young Scientists in conditions of Informational Risks 6

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Kadyrbekov A. (Republic of Turkey, c. Eskisehir) Separation of Powers Principle in the States of XXI Century: Constitutional Approach 18

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Филатов В.Н. (Республика Казахстан, г. Алматы) Налоговое администрирование и уголовное судопроизводство по делам об экономических правонарушениях: проблемы судебной защиты бизнеса 31

Трибуна молодых ученых

Ispergenova A. (Republic of Kazakhstan, c. Astana) On the Principle of Unity of Interpretation of Treaty Norms in International Law 48

Ондаш А.А. (Астана қ., Қазақстан Республикасы) Жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесі және оның құқық субъектілігі туралы даулар 55

Танатар А. (Республика Казахстан, г. Астана) Правовая природа инвестиционных криптотокенов в соотношении с ценными бумагами 65

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Оразбаева А.А. (Республика Казахстан, г. Астана) Обзор республиканского круглого стола «Выборы как механизм обеспечения легитимности государственной власти: конституционно-правовое измерение» (Астана, Maqsut Narikbayev University, 1 февраля 2024 г.) 77

Сабдин А.К., Алишмбаев К.М. (Республика Казахстан, г. Астана) Обзор Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы исламского права и финансов» (Астана, Maqsut Narikbayev University, 29 февраля 2024 г.) 81

МАЗМҰНЫ / CONTENTS 84

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ 85

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 86

INFORMATION FOR AUTHORS 87

PEACEBUILDING STRATEGY IN TRAINING OF YOUNG SCIENTISTS IN CONDITIONS OF INFORMATION RISKS

RADYM HUBAN,

Doctor of Law,
Associate Professor,
Deputy Head of the Secretariat of
the Committee for Legal Policy
of Parliament of Ukraine
(Ukraine, c. Kyiv)
ORCID: 0000-0001-9354-0222
e-mail: rad_80@ukr.net

The *relevance of the topic* of this paper is determined by the transformation of information society which creates both benefits and risks. Hybrid wars are one of the information risks consequences. In the scientific theory the informational challenges of hybrid warfare include informational occupation of regions, spread of disinformation and propaganda. The strategic information confrontation is a real instrument which is used by Russia in its previous hybrid war against Ukraine as well as in its current real aggression in Ukraine. In conditions of the real war in Ukraine this instrument is continued to be used by Russia and creates new social challenges for the whole world. *The subject of the study* is an overview of scientific publications in the field of development of information society, information risks, peacebuilding strategy in the training of young scientists etc. *The aim of this study* was to conduct a thorough analysis of the publications and legislative documents devoted to the countermeasures of Ukraine in hybrid war with Russia on the information sphere, especially in the work with young scientists. The analysis revealed that the formation of peacebuilding strategy with countermeasures against information risks should be implemented by higher education establishments in the training of young scientists such as PhD students and closely connected with both national legislative documents regulating PhD studies and international legislation in the field of human rights protection.

Keywords: international law, peacebuilding strategy, countermeasures, hybrid wars, young scientists, information risks, higher education establishments, social challenges.

Introduction

The statement that the “information revolution” leads to significant transformations of society has now become an axiomatic truth that has even entered educational literature [20]. As noted in the analytical report *Information Society in Ukraine: Global Challenges and National Opportunities* prepared by the *National Institute for Strategic Studies* in the field of practical policy the main value orientations of the information society are not only the increase of national competitiveness due to the development of high-tech sectors of the economy and human potential, primarily in highly intellectual fields of work; improving the quality of life of citizens due to economic growth, providing easy and universal access to information, knowledge, education, services of health care institutions and administrative services of state authorities and local governments, as well as due to a significant expansion of employment opportunities for citizens, increasing social protection vulnerable sections of the population due to the widespread use of information and communication technologies; but also promoting the establishment of an open democratic society, which will guarantee the observance of the constitutional rights of citizens

regarding participation in public life, the adoption of relevant decisions by state authorities and local self-government bodies [17].

Materials and Research Methods

The research is based on methods of descriptive, formal logical and comparative legal methods, analysis the modern scientific studies.

It is necessary to emphasize that the information society in addition to the obvious positives also contains certain risks that we have no right to ignore. And scientists are already actively writing about these risks [1-16]. Unfortunately, the information society, given its immanent properties, is fertile material for waging hybrid wars. As noted by I. M. Sopilko the informational challenges of hybrid warfare are quite different in nature and have both a local/short-term dimension, for example, the informational occupation of certain regions, the spread of unprecedented volumes of disinformation and propaganda, and a more abstract/long-term dimension, for example despair in the means of mass communication of the international public [18, c. 61-69]. In view of the above the author even comes to the conclusion that the need for the adoption of the information code of Ukraine is ripe, in which legislation would be systematized, separate institutions of information law, procedures and mechanisms would be regulated, administrative and technical functions related to information support would be separated, etc. [18].

T. Tkachuk, deputy head of the department of the organization of protection of information with limited access of the Educational and Scientific Institute of Information Security of the National Academy of the Security Service of Ukraine, notes that along with a purely selfish goal in modern conditions informational threats are associated with inciting inter-ethnic, inter-confessional and other enmity, discrediting law enforcement systems and state authorities in general harming the honor, dignity and business reputation of individuals, including public ones, creating an “enemy image”, “zombifying” the population in order to create conditions for mass consciousness management. At the same time the potential of the information sphere due to its integrative nature and the ability to “penetrate” other spheres of society as a result of their information service is not yet sufficiently understood by politicians and law enforcement officers (with the exception of cybercrime detections) but it is successfully used by representatives of organized criminal communities and political opponents of our state. The strategic information confrontation is now a dangerous component of the hybrid war launched by Russia against Ukraine and the main threat to the information security of our country today remains the threat of the enemy’s influence on the information infrastructure, information resources, on society, the consciousness and subconsciousness of the individual in order to impose his own system of values, views, interests and decisions in vital spheres of social and state activity [19, c. 182-186].

Main Provisions

Currently, in conditions of the Russian invasion in Ukraine, Russia continues to use this information confrontation instrument. OECD admits that “destroyed lives, destroyed homes and destroyed infrastructure are the immediate consequences of Russia’s aggression in Ukraine” [27]. It also creates great social challenges for the whole world.

It is clear that if there are threats then there must be countermeasures against them. It is necessary to work on the prevention of negative phenomena. In this aspect work with the younger generation takes on an important role, which should be aimed precisely at preventing enmity between different population groups. As we can recall even before the beginning of the confrontation in Ukraine in 2013-2014 the Russian Federation pursued an active policy of inciting confrontation in Ukrainian society. In particular an active advertising campaign was conducted to divide the population of Ukraine into “types” depending on the region of residence. Unfortunately it is necessary to admit that both society and state authorities underestimated the danger for Ukraine from the Russian Federation’s implementation of such a policy on Ukrainian lands. Instead inaction in countering this threat significantly eased the Russian military’s task of occupying the territory of the Autonomous Republic of Crimea and parts of the Donetsk and Luhansk regions.

Analyzing both the current rhetoric of high-ranking officials of the Russian Federation and the policy that pro-Russian political forces are trying to implement in Ukraine, we can conclude that the Russian Federation is working even more actively to spread ideas of intolerance and discord in Ukrainian society and is trying in every way to provoke an internal conflict among Ukrainians. For example Russian authorities at the highest level of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation [25] proclaimed permanent statements that the events in the East of Ukraine were not caused by the intervention of the armed forces of the Russian Federation, but is a consequence of the civil war.

In the aspect of countering the threats produced by the Russian Federation and its fifth column in Ukraine work with citizens becomes important. First of all, with those in which the worldview is being formed. And if the issue of the formation of tolerance as a prerequisite for the development of peacebuilding in Ukraine in secondary education institutions has already been the subject of consideration [21], as well as among the student youth of higher education institutions [22], then the issue of the implementation of the peacebuilding strategy in the training of young scientists by higher education institutions remains in fact unresearched. Despite the fact that in accordance with part 1 of Article 5 of the Law of Ukraine “On Higher Education” the educational-scientific/educational-creative level at which the training of young scientists takes place belongs to higher education: “The third (educational-scientific/educational-creative) level provides for the acquisition by higher education students of the ability to solve complex problems in the field of professional and/or research and innovation activity” [28]. As stated in the Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine “On approval of the Procedure for the training of higher education candidates for the degree of Doctor of Philosophy and Doctor of Science in institutions of higher education (scientific institutions)”, the curriculum of postgraduate studies (adjunct studies) must contain information on the list and scope of academic disciplines (30-60 credits of the European Credit Transfer and Accumulation System, the sequence of their study, forms of conducting educational classes and their scope, schedule of the educational process, forms of current and final control. In addition, the document states that all graduate students (adjuncts) regardless of the form of education are obliged to attend classroom classes and pass all forms of current and final control provided for by the individual curriculum of a graduate student (adjunct) and the educational and scientific program of a postgraduate (adjunct) of a higher education institution (scientific institution) [26].

Research Results

In general, it is necessary to pay attention to the fact that scientists pay extremely little attention to the methodology of training and education of graduate students. More attention is paid to emotional intelligence in educational institutions [23] or to gendered perceptions of professional development in academia [24]. In view of this, there is a great need to correct the existing situation. Moreover, it is necessary to take into account that in paragraph 25 of the Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine “On the approval of the Procedure for the preparation of higher education applicants for the degree of Doctor of Philosophy and Doctor of Sciences in institutions of higher education (scientific institutions)” it is stated that during the period of study at a postgraduate (adjunct) school a graduate student (adjunct) is obliged not only to fulfill all the requirements of the educational and scientific program, in particular to acquire theoretical knowledge, abilities, skills and other competences sufficient for the production of new ideas, solving complex problems in the field of professional and/or research innovative activity, but also to master the methodology of scientific and pedagogical activity [26]. So it can be concluded that the young scientist is also preparing for teaching activities and not only for conducting scientific research. On the other hand, there is no requirement to master the methodology of pedagogical activity in the preparation of candidates for the degree of Doctor of Sciences in doctoral studies. Thus it logically follows that the highest degree of higher education at which the implementation of the peacebuilding strategy can take place in the training of young scientists by institutions of higher education is the degree of Doctor of Philosophy/Doctor of Arts [26]. And this in fact means that this degree is the “top of the pyramid”. After all their preparation taking into account the peace

building strategy will have a positive effect on a significant number of citizens. If for example we talk about institutions of higher education that train teaching staff then a trained doctor of philosophy can communicate with several hundred students in just one academic year. They in turn working in schools will have an impact on hundreds more and over the course of their entire teaching career thousands of students. Thus we see how important the training of PhDs/Doctors of Arts is. But is there a legal basis for the need for such preparation?

In this aspect it is necessary to emphasize that immediately after the Second World War the world community actively took up the problem of combating discrimination. Special attention was paid to this problem by the United Nations.

The importance of this issue for the Organization is evidenced by the fact that this issue was considered even at the first session of the UN General Assembly. On November 19, 1946, the Persecution and Discrimination resolution [29] was adopted, in which the Assembly called for an end to religious and racial persecution and discrimination and urged governments to adhere to both the letter and the spirit of the Charter of the United Nations and to adopt for this purpose, immediate and decisive measures. On December 10, 1948, the UN General Assembly adopted an epoch-making document, the norms of which have become customary in international law - the Universal Declaration of Human Rights. It began with the fact that all people are born free and equal in their dignity and rights and in Article 2 of this opinion was expanded: "Everyone should have all the rights and all the freedoms that are proclaimed in the Declaration, without distinction as to race, color, sex, language, religion, political or other opinion, national or social origin, property, status or of any other status [30].

The UN General Assembly called on governments to take the necessary measures to prevent racial, religious and national hatred in 1960 as well [31]. Long-term work on the issues of combating racial discrimination culminated in 1963 with the adoption of the United Nations Declaration on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. It is noteworthy that in Art. 1 of the above-mentioned document states that such discrimination may disturb international peace and security. In Art. 8 of the document contains a call to immediately take all effective measures in the field of education, enlightenment and information in order to eliminate racial discrimination and racial prejudice, develop mutual understanding, tolerance and friendship between peoples and racial groups [32]. Simultaneously with the adoption of this document, the UN General Assembly adopted a resolution in which it asked the Social and Economic Council to refer to the Commission on Human Rights to draft an international convention on the elimination of all forms of racial discrimination [35].

The UN General Assembly did not limit itself to declarative calls about the negative impact of racism. It kept her finger on the pulse of this issue and on November 1, 1965, and adopted the resolution *Measures aimed at the implementation of the United Nations Declaration on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination* [36], that it called on all states, in which racial discrimination occurs, to immediately take effective measures, including legislative measures, to implement the Declaration. It also asked states that have organizations that encourage or incite racial discrimination to take the necessary measures to prosecute or outlaw such organizations. And finally, the work on combating racism was crowned with the adoption of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination on December 21, 1965 [37]. From our point of view it is extremely important that what constitutes racial discrimination has finally been clearly defined at the international legal level. After all a clear definition of the concept is extremely important for combating the phenomenon.

In Article 1 states that in this Convention the term "racial discrimination" means any distinction, exception, limitation or preference based on race, descent, national or ethnic origin, which has the purpose or effect of destroying or diminishing the recognition, the use or exercise of human rights and fundamental freedoms on an equal basis in political, economic, social, cultural or any other spheres of public life. Thus we see that in this convention the concept of "racial discrimination" is not used in a narrow sense that is when it is only about race but in a broad sense: that is in addition to race it is also about other criteria, including national and ethnic origin.

In Article 2 of the Convention defined the obligations of states arising from it:

(a) each participating state undertakes not to commit any acts or actions related to racial discrimination against persons, groups or institutions, and to ensure that all state bodies and state institutions, both national and local, will act in accordance with this obligation;

(b) Each State Party undertakes not to encourage, defend or support racial discrimination by any person or organization;

(c) Each State Party shall take effective measures to review national and local government policies and to correct, repeal or annul any laws and regulations that create or perpetuate racial discrimination wherever it exists;

(d) Each State Party shall, using all appropriate means, including legislative measures, as appropriate, prohibit and put an end to racial discrimination by any person, group or organization;

(f) Each participating state undertakes to encourage, in appropriate cases, unifying multiracial organizations and movements, as well as other measures aimed at the destruction of racial barriers, and not to support those that contribute to the deepening of racial divisions.

The Convention also contained a ban on propaganda of racial discrimination. In particular states had to:

A) declare as punishable by law any dissemination of ideas based on racial superiority or hatred, any incitement to racial discrimination, as well as all acts of violence or incitement to such acts directed against any race or group of persons of a different skin color or ethnic origin, as well as the provision of any assistance for carrying out racist activities, including its financing;

B) declare illegal and prohibit organizations, as well as organized and any other propaganda activities, which encourage and incite racial discrimination, and recognize participation in such organizations or in such activities as a crime punishable by law;

C) not to allow national or local public authorities or public institutions to encourage or incite racial discrimination.

The preventive function in the matter of combating racism also relied on the state. In particular in accordance with Article 7 of the Convention States parties were obliged to take immediate and effective measures, in the fields of teaching, education, culture and information, with the aim of combating prejudices that lead to racial discrimination, promoting mutual understanding, tolerance and friendship between nations and racial or ethnic groups, as well as popularization of the goals and principles of the United Nations Charter, the Universal Declaration of Human Rights, the United Nations Declaration on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination and the Convention. On October 26, 1966, the UN General Assembly adopted another resolution dedicated to the elimination of all forms of racial discrimination. In it UN General Assembly proclaimed March 21 as the International Day for the Elimination of Racial Discrimination called on states to ratify the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination, and also called on states to submit to the Secretary-General a report on the measures taken to implement the United Nations Declaration on the Elimination of Racial Discrimination all forms of racial discrimination [38]. On December 11, 1969, the UN General Assembly declared 1971 the International Year for the Elimination of Racism and Racial Discrimination [39], and on November 15, 1972, it decided to declare the beginning of the Decade of Action against Racism and Racial Discrimination and to initiate the corresponding events on December 10, 1973, on the 25th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights [40]. In a resolution dated November 2, 1973, the General Assembly proclaimed 1973-1983 as the Decade of Action against Racism and Racial Discrimination. The same resolution approved the Ten-Year Program of Actions to Combat Racism and Racial Discrimination. Among the numerous measures envisaged in this document, it was noted the need for the inclusion of a subject on human rights in the curriculum for children and young people as soon as possible during the Decade, in which special attention would be paid at the initial stages of education to the equality of all people and the harm of racial discrimination [41].

10 years later (November 22, 1983) The General Assembly on November 22, 1983 declared a 10-year period, which began on December 10, 1983, the second decade of action against racism

and racial discrimination. In the same resolution the Action Program for the second decade of the fight against racism and racial discrimination was approved. The program of actions for the second decade was much more voluminous in comparison with the Program of the first. In addition a separate section in it was devoted to education, training and personnel training. In particular, the UN General Assembly called on states to provide schools and institutions of higher education with sufficient opportunities to study the activities of the United Nations Organization in the fight against racism, racial discrimination and apartheid. She also called for the theme of human rights to be mainstreamed throughout the school curriculum and tasked UNESCO with paying attention to anti-racism issues in teacher training [42].

In a resolution of 16 December 1991, the General Assembly called on UNESCO to speed up the preparation of educational materials and training aids to promote learning, training and educational activities on human rights and the fight against racism and racial discrimination, with a strong focus on initial and secondary education [43].

The adoption in 1992 of the Declaration on the Rights of Persons Belonging to National, Ethnic, Religious and Linguistic Minorities [44] had an important moral and political significance. Adopting this document the General Assembly emphasized that, from its point of view, the promotion and protection of the rights of persons belonging to national or ethnic, religious and linguistic minorities contribute to the political and social stability of the states in which they live and also drew attention to the fact that permanent promotion and exercise of the rights of persons belonging to national or ethnic, religious and linguistic minorities, as an integral part of the development of society as a whole and within a democratic framework based on the rule of law would contribute to strengthening friendship and cooperation between peoples and states.

After the end of the second decade of actions in the fight against racism and racial discrimination, there was a need for a document that would act as a locomotive for the continuation of the fight. And on December 20, 1993, another resolution of the General Assembly was adopted, which proclaimed a ten-year period that begins in 1993 as the third Decade of Actions to Combat Racism and Racial Discrimination. It also approved the action program for the third Decade. The Program emphasized the need for teachers to be aware of the principles and basic ideas set out in legal documents on racism and racial discrimination [45]. The same ideas were contained in the resolution of December 23, 1994 [46].

In a resolution dated December 9, 1998, the General Assembly decided to declare 2001 the International Year for the Mobilization of Efforts to Combat Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance [47]. It is symbolic that the third millennium began precisely with the year dedicated to the fight against racism.

At the beginning of the third millennium, another significant event took place - from August 31 to September 8, the World Conference on Combating Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance was held in Durban under the auspices of the UN General Assembly [48]. It was probably the largest event in the world devoted to the problems of racial discrimination. Therefore, it is not surprising that the documents adopted at this event were later widely cited by the UN General Assembly and its other bodies.

It should be noted that the participants of the conference recognized that education at all levels and for all age groups, including education in the family, and in particular education in the field of human rights is the key to changing attitudes and behavior based on racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance, as well as to the promotion of tolerance and respect for diversity in society. The participants of the conference also confirmed that such education is a determining factor in the promotion, dissemination and protection of democratic values of justice and equality, which are of fundamental importance for preventing and combating the spread of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance. The connection between the right to education and the fight against racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance and the most important - the key role of education, including education in the field of human rights and education taking into account the diversity of cultures, especially oriented on children and youth, in preventing and eradicating all forms of intolerance and discrimination.

In view of this, the conference called on States to intensify educational efforts, including human rights education, to deepen understanding and raise awareness of the causes, consequences and harms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance, and encourage the development of educational materials, including textbooks and dictionaries, aimed at combating these phenomena. The final document also contained an appeal to the states to introduce anti-discrimination and anti-racism components in school curricula on human rights, to develop and improve relevant materials, including textbooks on history and other disciplines, to ensure that all teachers receive effective training and proper motivation to form life positions and behavioral models based on the principles of non-discrimination, mutual respect and tolerance.

One of the recommendations concerned the introduction or activation of human rights education in order to eradicate prejudices that lead to racial discrimination and to promote mutual understanding, tolerance and friendship between different racial or ethnic groups within school and higher education programs. The conference called on states to develop and strengthen anti-racism and gender-based human rights training for public officials, including justice, law enforcement, correctional, security, health, education and immigration officials.

The final document of the meeting contained a norm with an appeal to states to ensure that education and professional training, especially of teaching staff, promotes respect for human rights and the fight against racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance, and that educational institutions implement policies and programs, approved by the relevant bodies for ensuring equal opportunities, anti-racism, gender equality and cultural, religious and other diversity with the participation of teachers, parents, students and monitored the progress of their implementation.

However, anti-racism measures continued even after 2001. In particular in the Resolution of December 22, 2007, the General Assembly called for the study of all cultures, civilizations, religions, peoples, countries and the cultivation of tolerant and respectful attitudes in its educational and social programs at all levels to them [33]. The same thesis is contained in the resolutions of December 18, 2009 and December 24, 2010.

In the Resolution of December 24, 2010, the General Assembly noted the important role of education, including educational and educational activities in the field of human rights.

In a document dated December 18, 2014, the General Assembly noted that the roots of extremism are multifaceted and that it must be tackled through measures such as education, awareness-raising and dialogue. It also emphasized the special importance of complementing legislative measures to combat extremism with various educational measures, including human rights education [34], which was also reiterated in the resolution of December 17, 2015.

The General Assembly, in a Resolution dated December 19, 2017, noted the important role of education in the fight against racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance, in particular in promoting the principles of tolerance, social cohesion and respect for ethnic and cultural diversity and preventing the spread of extremist racist and xenophobic movements and propaganda [49]. In another resolution adopted on the same day, the UN General Assembly stated that education should, among other things, aim to prevent the seeds of racism sown by nationalist populism from sprouting, and should include an accurate and representative account of national history that does justice to racial and ethnic diversity and which reveals false attempts to erase ethnic groups from the national history and identity of the nation in order to preserve ethno-national myths about the purity of the nation from the point of view of racial or ethnic criteria [50].

Conclusion

So as we can see the information society carries not only advantages but also threats, which become especially dangerous in the period of conducting hybrid wars. In order to prevent their implementation, as well as to overcome their consequences, it is important to educate the population in the spirit of tolerance and anti-discrimination. As it follows from the international legal documents we have analyzed, work in this direction will not only contribute to peacebuilding in Ukraine, but will also be an adequate response to the call of the world community to join the

fight for human rights and building a world without violence. Since, as we found out, the highest degree of higher education at which the implementation of the peacebuilding strategy can take place in the training of young scientists by institutions of higher education is the degree of doctor of philosophy/doctor of arts, and in view of the significant potential influence of these persons on society, it is necessary to actively work on the implementation of the peacebuilding strategy with the countermeasures in conditions of information risks to the curricula of post-graduate courses (adjunct courses) of higher education institutions.

Р.В. Губань, з.ғ.д., доцент, Украина Жоғарғы Радасының (Парламентінің) құқықтық саясат комитеті Хатшылығы басшысының орынбасары (Киев қ., Украина): Ақпараттық тәуекелдер жағдайында жас ғалымдарды даярлаудағы бітімгершілік стратегиясы.

Осы мақаланың тақырыбының өзектілігі артықшылықтар мен тәуекелдерді тудыратын ақпараттық қоғамның өзгеруімен айқындалады. Гибридті соғыстар ақпараттық тәуекелдердің салдарының бірі болып табылады. Ғылымда гибридті соғыстың ақпараттық сын-қатерлеріне аймақтарды ақпараттық басып алу, жалған ақпарат тарату және насихаттау кіреді. Стратегиялық ақпараттық текетірес – бұл Ресейдің Украинаға қарсы бұрынғы гибридті соғыста, сондай-ақ Украинадағы қазіргі нақты агрессияда қолданған нақты құралы. Украинадағы нақты соғыс жағдайында бұл құралды Ресей қолдануды жалғастыруда және бүкіл әлем үшін жаңа элеуметтік қиындықтар туғызуда. Зерттеу тақырыбы – ақпараттық қоғамды дамыту саласындағы ғылыми жарияланымдарға шолу, ақпараттық тәуекелдер, жас ғалымдарды даярлаудағы бітімгершілік стратегиясы және т.б. болып табылады. Бұл зерттеудің мақсаты – Украинаның ақпараттық саладағы Ресеймен гибридті соғыстағы қарсы шараларына, әсіресе жас ғалымдармен жұмыс істеуге арналған жарияланымдар мен заңнамалық құжаттарға мұқият талдау жасау. Талдау көрсеткендей, ақпараттық тәуекелдерге қарсы іс-қимыл шараларын ескере отырып, бітімгершілік стратегиясын қалыптастыруды жоғары оқу орындары аспиранттар сияқты жас ғалымдарды даярлау кезінде жүзеге асыруы керек және аспирантурада оқуды реттейтін ұлттық заңнамалық құжаттармен де, адам құқықтарын қорғау саласындағы халықаралық стандарттармен де тығыз байланысты болуы керек.

Түйінді сөздер: Халықаралық құқық, бітімгершілік стратегиясы, қарсы шаралар, гибридті соғыстар, жас ғалымдар, ақпараттық тәуекелдер, жоғары оқу орындары, элеуметтік сын-қатерлер.

Р.В. Губань, д.ю.н., доцент, заместитель руководителя Секретариата Комитета по правовой политике Верховной Рады (Парламента) Украины (г. Киев, Украина): Стратегия миротворчества в подготовке молодых ученых в условиях информационных рисков.

Актуальность темы данной статьи определяется трансформацией информационного общества, которая создает как преимущества, так и риски. Гибридные войны являются одним из последствий информационных рисков. В науке информационные вызовы гибридной войны включают информационную оккупацию регионов, распространение дезинформации и пропаганды. Стратегическое информационное противостояние – это реальный инструмент, который Россия использовала в своей предыдущей гибридной войне против Украины, а также в своей нынешней реальной агрессии в Украине. В условиях реальной войны в Украине этот инструмент продолжает использоваться Россией и создает новые социальные вызовы для всего мира. Предметом исследования является обзор научных публикаций в области развития информационного общества, информационных рисков, стратегии миротворчества при подготовке молодых ученых и т.д. Целью данного исследования было провести тщательный анализ публикаций и законодательных документов, посвященных контрмерам Украины в гибридной войне с Россией в информационной сфере, особенно в работе с молодыми учеными. Анализ показал, что формирование стратегии миротворчества с учетом мер

противодействия информационным рискам должно осуществляться высшими учебными заведениями при подготовке молодых ученых, таких как аспиранты, и тесно увязываться как с национальными законодательными документами, регулирующими обучение в аспирантуре, так и с международными стандартами в области защиты прав человека.

Ключевые слова: международное право, стратегия миротворчества, контрмеры, гибридные войны, молодые ученые, информационные риски, высшие учебные заведения, социальные вызовы.

References:

1. Губань Р.В. Альянс цивилизаций як модель комунікації культур в умовах глобалізації. Синергія в культурному просторі сучасності: зб. матеріалів Міжн. наук.-практич. конф., м. Київ, 29-30 березня 2018 р. Київ: КНУКіМ, 2018. 276 с.

2. Губань Р. Декларація принципів толерантності і проблеми її імплементації. Толерантність на кордонах Європи: вимір для України. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції [Упоряд.: І. Вегеш, М. Колодій; Відп. за вип.: М. Вегеш]: Ужгород, ФОП Наумченко Н.В., 2019. 144 с.

3. Губань Р. Миробудівництво як концепт наукової освіти. Освіта для миру. Збірник наукових праць. Том. 1. Київ – Переяслав-Хмельницький: Видавництво ТОВ «Юрка Любченка», 2019. С. 365-376.

4. Губань Р.В. Право дитини на соціально-гуманітарну освіту в контексті миро будівництва. Діти в умовах глобалізації та інформатизації суспільства (правовий аспект): монографія за ред. Б. І. Андрусишина, В.Ю. Стеценко. Київ: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2021. 234 с.

5. Губань Р.В. Право на мир в деклараціях ООН. Чотирнадцять юридичні читання. Проблеми імплементації національного законодавства до Угоди про асоціацію між Україною та Європейським Союзом. До 185-річчя НПУ імені М. П. Драгоманова; до 70-річчя Інституту держави і права ім. В.М. Корецького НАН України: матеріали міжнародної наукової конференції 17-18 квітня 2019 року. Ред. кол.: В. П. Андрущенко, Ю. С. Шемшученко та ін. Київ: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2019. 370 с.

6. Губань Р.В. Протидія антисемітизму в контексті миробудівництва в Україні. Суспільно-політична активність та історична пам'ять єврейської спільноти в контексті євроінтеграції України. Київ: ІПІЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2020. 280 с.

7. Губань Р.В. Розвиток культури миру в Стародавньому світі. Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія 18. Право. Випуск 33: збірник наукових праць. За науковою ред. академіка Б.І. Андрусишина. Київ: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2018. С. 8-14.

8. Губань Р.В. Становлення культури миру в середні віки. Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія 18. Право. Випуск 34: збірник наукових праць за науковою ред. академіка Б.І. Андрусишина. Київ: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2019. С. 37-42.

9. Губань Р.В., Колеснікова Е.П. Боротьба з дискримінацією як умова миробудівництва в Україні. Інноваційні вектори розвитку сучасних наукових досліджень: XXI Міжнародна науково-практична інтернет-конференція: тези доповідей, Харків, 11 жовтня 2019 р. Ч. 3. Дніпро: ГО «НОК», 2019. С. 41-45.

10. Губань Р.В., Колеснікова Е.П. До питання про вдосконалення навчальних програм з правознавчих дисциплін у закладах середньої освіти. Реформа освіти в Україні. Інформаційно-аналітичне забезпечення: збірник тез доповідей III Міжнародної науково-практичної конференції (наукове електронне видання), 28 жовт. 2021 р. Київ: ДНУ «Інститут освітньої аналітики», 2021. 360 с.

11. Губань Р.В., Колесникова Е.П. Изучение прав человека как фактор устойчивого социального развития. Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы Пятой междунар. науч. конф. (19–20 ноября 2020 г., г. Минск). В 3 т. Т. 2. Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А.А. Лазаревич (пред.) [и др.]. Минск: Четыре четверти, 2020. 455 с.
12. Губань Р.В., Колесникова Е.П. Право знати свої права та обов'язки в контексті миро будівництва. Міждисциплінарний дискурс у дослідженні феномену соціального [Електронний ресурс]: зб. матеріалів міжнародної наук.-практ. інтернет-конф.; 31 березня 2020 р., м. Київ. Київ: КНЕУ, 2020. С. 10-12.
13. Губань Р.В., Колесникова Е.П. Проблеми формування правових цінностей у закладах загальної середньої освіти. Філософські, методологічні та психологічні проблеми права [Текст]: матеріали VIII Всеукр. наук.-теорет. конф. (Київ, 26 листоп. 2020 р.). Редкол.: В.В. Черней, М.В. Костицький, С. Д. Гусарев та ін.]. Київ: Нац. акад. внутр. справ, 2020. 322 с.
14. Губань Р.В., Колесникова Е.П. Сучасний український університет: зміна парадигми // Збірник тез доповідей II Міжнародної науково-практичної конференції “Реформа освіти в Україні.. Інформаційно – аналітичне забезпечення” (15 жовтня 2020 року м. Київ, Україна). 2020. С. 203 – 206.
15. Губань Р.В., Малежик Д.І. Діалог цивілізацій в епоху медіатизації. Cultural and artistic practices: world and Ukrainian context: Scientific monograph. Riga, Latvia: “Baltija Publishing”, 2023. 622 p.
16. Губань Р.В., Свириденко Д.Б., Світове та українське освітнє миробудівництво: досвід філософської рефлексії. Сучасні тенденції у філософії освіти: монографія [рукопис]. Г.Я. Врайт, Р.В. Губань, С.С. Єрмакова, І.А. Кадієвська та ін. Харків: Факт, 2020. С. 61-88.
17. Інформаційне суспільство в Україні: глобальні виклики та національні можливості: аналіт. доп. Д. В. Дубов, О. А. Ожеван, С. Л. Гнатюк. К.: НІСД, 2010. 64 с.
18. Сопілко І.М. Становлення інформаційного суспільства та інформаційні загрози в мережі інтернет. Юридичний вісник. 2017. № 3. С. 61-69.
19. Ткачук Т. Сучасні загрози інформаційній безпеці держави: теоретико-правовий аналіз. Підприємництво, господарство і право. 2017. № 10. С. 182-186.
20. Штанько В.І., Бордюгова Т.Г. Інформаційне суспільство: соціально-філософські проблеми становлення: Навч. Посібник. Харків: ХНУРЕ, 2012. 172 с.
21. Huban R. Educational Policy of State in the context of peace building. Social and Human Sciences. Polish-Ukrainian scientific journal. 2019. 01 (21). URL: https://sp-sciences.io.ua/s2645316/huban_radym_2019_.
22. Huban R. Regulatory and legal support of modernization steps in ukrainian higher education through the implementation of the peace enforcement strategy. Social and Human Sciences. Polish-Ukrainian scientific journal. 2020. 01 (25). URL: https://sp-sciences.io.ua/s2734535/huban_radym_2020_.
23. Semenets-Orlova I., Klochko A., Shkoda T., Marusina O., Tepluk M. Emotional intelligence as the basis for the development of organizational leadership during the Covid period (educational institution case). Estudios de Economía Aplicada, 2021. Vol. 39. Issue 5. PP. 1-15. <http://dx.doi.org/10.25115/eea.v39i5.5074>
24. Tsybaliuk S., Kurchenko L., Tokar V., Vinska O., Shkoda T. Gendered perceptions of professional development in academia: evidence from a Ukrainian university. Problems and Perspectives in Management. 2020. Vol. 18. Issue 1. P. 394-404. URL: [http://dx.doi.org/10.21511/ppm.18\(1\).2020.34](http://dx.doi.org/10.21511/ppm.18(1).2020.34)
25. Atlantic Council (2022). Россия не уйдет с Донбасса и проиграет. URL: <https://world.segodnya.ua/world/russia/rossiya-ne-uydet-s-donbassa-i-proigraet-atlantic-council-1108523.html>

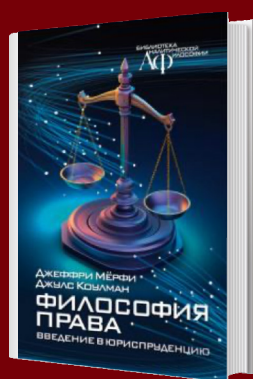

26. Government of Ukraine (2016). Постанова Кабінету Міністрів України «Про затвердження Порядку підготовки здобувачів вищої освіти ступеня доктора філософії та доктора наук у закладах вищої освіти (наукових установах)» // Офіційний вісник України. 2016 р., № 29, стор. 13, стаття 1164.
27. OECD (2022). The OECD and Ukraine. URL: <https://www.oecd.org/ukraine-hub/en/>
28. Parliament of Ukraine (2014). Про вищу освіту // Відомості Верховної Ради України. 2014 р. № 37-38, стор. 2716.
29. United Nations (UN) (2022a). General Assembly of the United Nations. A/RES/103 (I) URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=a/64/Add.1
30. United Nations (UN) (2022b) The Universal Declaration of Human Rights. URL: <https://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/>
31. United Nations (2022c). General Assembly of the United Nations URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/1510%28XV%29>
32. United Nations (UN) (2022d). United Nations Declaration on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. URL: http://www.eods.eu/library/UNGA_Declaration%20Elimination%20Racial%20discrimination_1963_en.pdf
33. United Nations (2022e). General Assembly of the United Nations A/RES/60 (CXLI) URL: <https://undocs.org/en/A/RES/60/143>
34. United Nations (2022f). General Assembly of the United Nations A/RES/69 (CLX) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/160>
35. United Nations (2022g). General Assembly of the United Nations A/RES/1906 (XVIII) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/1906%28XVIII%29>
36. United Nations (2022h). General Assembly of the United Nations A/RES/2017 (XX) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2017%28XX%29>
37. United Nations (2022i). General Assembly of the United Nations A/RES/2106 (XX) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2106%28XX%29>
38. United Nations (2022j). General Assembly of the United Nations A/RES/2142 (XXI) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2142%28XXI%29>
39. United Nations (2022k). General Assembly of the United Nations A/RES/2544 (XXIV) URL: [https://undocs.org/ru/A/RES/2544\(XXIV\)](https://undocs.org/ru/A/RES/2544(XXIV))
40. United Nations (2022l). General Assembly of the United Nations A/RES/2919 (XXVII) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2919%28XXVII%29>
41. United Nations (2022m). General Assembly of the United Nations A/RES/3057 (XXVIII) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/3057%28XXVIII%29>
42. United Nations (2022n). General Assembly of the United Nations A/RES/38 (XIV) [Electronic resource]. Access mode: <https://undocs.org/ru/A/RES/38/14>
43. United Nations (2022o). General Assembly of the United Nations A/RES/46 (LXXXV) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/46/85>
44. United Nations (2022p). Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/minorities.aspx>
45. United Nations (2022r). General Assembly of the United Nations A/RES/47 (XCI) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/48/91>
46. United Nations (2022s). General Assembly of the United Nations A/RES/49 (CXLVI) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/49/146>
47. United Nations (2022t). General Assembly of the United Nations A/RES/49 (CXXXII) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/53/132>
48. United Nations (2022u). Report of the World Conference against Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance. URL: <https://undocs.org/en/A/CONF.189/12>
49. United Nations (2022v). General Assembly of the United Nations A/RES/72 (CLVI) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/72/156>

50. United Nations (2022w). General Assembly of the United Nations A/RES/73 (CLVII)
URL: <https://undocs.org/en/A/RES/73/157>

Для цитирования и библиографии: Huban R. Peacebuilding Strategy in Training of Young Scientists in conditions of Informational Risks // Право и государство. № 1(102), 2024. – С. 6-17. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_1_6

Материал поступил в редакцию 17.02.2024

НОВЫЕ КНИГИ

Мёрфи Дж., Коулман Дж. Философия права: Введение в юриспруденцию / Дж. Мёрфи, Дж. Коулман; пер. с англ. В.В. Оглезнева, В.В. Целищева. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2024. – 304 с.

ISBN 978-5-88373-825-7

Предлагаемая читателю книга двух выдающихся американских правоведов является самой известной и наиболее авторитетной работой не только ее авторов, но и современной философии права и юриспруденции. Авторы раскрывают не только основные темы философии права, давая им интересную интерпретацию, но и обращаются к темам, не имеющим, казалось бы, непосредственного отношения к юриспруденции, например к экономическому анализу права. И хотя

структура книги напоминает учебник, где последовательно излагаются и подробно исследуются главные философско-правовые вопросы и проблемы, она написана настолько понятным, живым и образным языком, что не может не вызвать интереса у широкого круга читателей.

В 1984 г. «Философия права: Введение в юриспруденцию» Дж. Мёрфи и Дж. Коулмана получила престижную награду Outstanding Academic Book Award как лучшая научная книга года.

SEPARATION OF POWERS PRINCIPLE IN THE STATES OF XXI CENTURY: CONSTITUTIONAL APPROACH

A.D. KADYRBEKOV,
PhD student, Anadolu University,
(Republic of Turkey, c. Eskisehir)
e-mail: a_kadyrbekov@anadolu.
edu.tr

The relevance of the topic of this study comes from the constant search by legal theorists for the formula of an ideal state and the determination of the scope of power and functions of a particular branch of government. That is because the different balance and strengthening of one of the three branches of government leads to the formation of one or another political system within the state, and also determines the dynamism of the country's development. In different states, this balance and system of checks and balances are formed differently, which gives rise to their political characteristics, thus creating political challenges.

The subject of this work is the principle of separation of powers, according to which democracy is realized in the modern world. The purpose of the work is to explore the theory of separation of powers, its current position in countries with Presidential and Parliamentary forms of government and how compliance with certain criteria can help maintain the effectiveness of government in the modern era.

The topic of this study is relatively up-to-date due to the small number of legal works devoted to the issues which are taken into consideration. Most researchers focus on the topic of the classical

theory of separation of powers, rightfully positioning it as the dominant and generally accepted principle of organization of power in a state. Thus, based on a certain distribution of power, they give their preferences to one or another form of government. At the same time, the smaller number of works are devoted to alternative positions associated with the branches of government. This article, in its essence, is a study that starts discussion on the topic of the constitutional branch of government.

The research methods used in this work are typical for a legal research (analysis, synthesis, etc.). Through a comparative analysis of the separation of powers in the countries of Kazakhstan, Uzbekistan, the United States and Indonesia, this study attempts to shed light on the need to establish a balance between the three branches of government. This study outlines the position of why the principle of separation of powers is so important for modern states of the world. And how does this principle ensure stability, security and democracy in a state. Based on the analyzed theoretical and real provisions in countries, the author proposes the position of adding a new branch of government to the existing one – the classical system of checks and balances. The constitutional branch of power is a guarantee of stability and balance of a certain state.

The findings of this study contribute to the debate on the distribution of power and responsibilities between branches of government and compliance with checks and balances. This reflects the eternal search for balance between branches of power in the theory of law. This study also proposes to supplement three branches of government with a fourth component – the Constitutional branch of government. The author suggests that the inclusion of a new branch of government will

help make government systems and their forms of governance more democratic, efficient, and capable of meeting the requirements of modern time.

Keywords: power, principle of separation of powers, democracy, branches of government, Kazakhstan, political system, state, governance, political reforms, constitutional law.

Introduction

Today, living in a constantly changing world, we see the dynamics of globalization of states, their participation in international organizations, and the transformation in terms of political reforms within countries. The vector of transformation and reform of states is directed towards the supremacy of law and the observance of people and citizen rights.

The purpose of this paper is to review existing theories of the functioning of the state: the classical theory of separation of powers and the newest theory of separation of powers. The author also attempts to justify the introduction of a fourth branch of government in the form of a “constitutional branch of government.”

There exist 193 states across the globe, as per the United Nations. Every state, acknowledged by the international community, possesses unique features of state structure, culture, territory, and legal family affiliation. Nonetheless they are all united by a common thread – the ability to govern a particular territory effectively, a crucial attribute of a sovereign state.

When we refer to recognized states, we mean those states that meet all the criteria of a state under international public law, where the Convention on the Rights and Duties of States, signed in Montevideo on December 26, 1933, speaks about the characteristics of a state. As indicated by the Montevideo Convention, Article 1 outlines four distinct attributes that define a state: a permanent population, a defined territory, a government, and the ability to engage in relations with other states. These criteria pertain to “*Republics*” as states, whereas for federal states, Article 2 of the same convention specifies that a federal state is an exclusive entity of international law.

In this paper the focus will be on the theses regarding the category of “*Government*”. This is because the government of any state is empowered to implement internal and external policies and is responsible for the well-being of its residents. As a fundamental element of the state, the government plays a crucial role in ensuring the welfare of its citizens.

There were two other types, empires, and protectorates, but over time and in historical reality, they remained in the history of the theory of state and law. Thus the “*State structure*” is an organizational and legal system that determines the structure and functions of the state, its bodies, and institutions, as well as their interaction to implement tasks entrusted to the state.

According to the legal theory, the state structure is one of the main elements of the state. It is determined by constitutional norms and laws that establish the legal foundations for the organization and functioning of the state.

The state structure can be different for different states, and it may include various elements, such as executive, legislative, and judicial branches of power, local self-government, federal relations between different territories, etc.

The bodies of state power and administration that make up the state structure may have different powers, levels, tasks, and functions, but they are all aimed at ensuring the protection of the rights and freedoms of citizens, creating conditions for economic and social development of society, maintaining order and security, and so on. According to the legal theory there are currently three types of state structure: unitary, federal, and confederate.

In addition to the state structure, there is also state administration in the state. “State administration” is the system of management of state affairs that is carried out by state bodies and institutions operating based on constitutional norms and laws. It is one of the elements of the state structure.

According to the legal theory, public administration is a set of activities of state bodies and institutions aimed at implementing tasks assigned to the state. It includes organizing and coordinating the activities of state bodies, as well as regulating relations between them and citizens.

Public administration includes the following functions:

1. Legislative function – the adoption of laws and regulatory acts;
2. Executive function – implementation of laws and regulatory acts, as well as monitoring their execution;
3. Judicial function – resolution of disputes and conflicts arising between individuals (citizens, foreign citizens, and stateless persons), legal entities (organizations and companies), and state bodies;
4. Control function – control over the activities of state bodies and institutions [1].

Public administration is an important tool for implementing state policy and ensuring the protection of the rights and freedoms of citizens, creating conditions for economic and social development of society, and maintaining order and security.

Materials and Methods

This work uses the results of research by various scientists on the topic of the principle of separation of powers. The results were analyzed, interpreted and adapted to justify the need for a new branch of government. The author used a typical legal research methodology, which included a systematic analysis of the concept of the principles of separation of powers and the system of checks and balances. The first step was to define and understand the principle of separation of powers and its role. Also in addition to the classical theory of separation of powers, the author pays attention to the newest theory of separation of powers.

In general, the methodology of this article involves a comprehensive study of the various ways of distributing power between the three branches of government (legislative, executive and judicial). It is also proposed to balance them with the fourth one, which is the Constitutional branch of government.

Main Provisions

1. The different types of governments and the implications on the principle of separation of powers

From the legal theory we know that there are two types of government: monarchy and republic. If we talk about the first category, “monarchy” is a form of government in which the head of state is a monarch – one person who inherits power by right of inheritance. If we consider the lexical meaning, “monarchy” (the Greek word *monarchia* – absolute rule) – in English, monarchy; in German, *Monarchie*. A form of government in which supreme power in the state is formally (fully or partially) concentrated in the hands of an only head of state – a monarch.

From the perspective of the legal theory monarchy is one of the forms of government that is based on the concept of monarchical power, which is the idea that the monarch is the sole holder of power and the supreme representative of the state. In this system the monarch is usually a symbol of unity and stability of the state and also performs the functions of the head of state.

Monarchy can be absolute or constitutional. In an absolute monarchy the monarch has unlimited power and is not subject to laws. In the constitutional monarchy the monarch has limited powers and acts within the framework of the constitution and laws that define the organization and functioning of the state.

The features of monarchy can vary depending on the traditions and culture of different countries. Some monarchies may have a strong political role and influence government decisions, while in other monarchies; the monarch may be predominantly a symbolic figure who does not interfere in politics.

Although monarchy can be stable and have its advantages, it can also be criticized for the lack of democratic procedures and inequality before the law.

Moving on to the second form of government, referring to the vocabulary meaning of the word “republic,” we see that it comes from the Latin “*Res Publica*”, where “*res*” means “*thing*” and “*publicus*” means “*public*”. This is a form of government where all the highest organs of power are either elected or formed by national representative bodies (parliaments), and citizens

have personal and political rights. As for the form of government in a “republic”, this is a form of state structure in which the head of state is either a president elected for a specific term or a collegial body such as a government or parliament. Republics are characterized by the fact that the head of state and/or government is elected for a specific term rather than monarchy, power inheritance.

From the perspective of political theory and law, a republic is one form of government based on the idea that power should be elected for a specific term and controlled by the people. A republic can be presidential with the president as head of state or parliamentary with the parliament as the main authority. A constitution typically governs a republic, outlining the state’s organization and operation, safeguarding citizens’ rights and freedoms, and restricting the government’s authority.

A republic usually involves democratic procedures, such as elections, freedom of speech and assembly, and an independent judiciary. A republic can take different forms of government, such as parliamentary, presidential republic, semi-presidential republic, and so on. Throughout various nations, republics exhibit unique characteristics in regards to their legal framework, election procedures, governing structure, level of centralized authority, and more. Generally speaking, a republic serves as a type of government that restricts power and guarantees citizens’ involvement in crucial state affairs.

When discussing state institutions, it is important to recognize the three primary branches of government: legislative, executive, and judicial. These branches are a fundamental concept within constitutional law, designed to ensure the separation of powers among the three branches.

Each branch has its specific functions defined by the constitution (the country’s fundamental law). The legislative branch creates laws and only it has this legislative function; the executive branch ensures the enforcement of enacted laws and takes all possible measures to implement them. The judicial branch resolves disputes regarding the violation of rights protected by law and makes decisions based on those laws.

The concept of separation of powers was developed by the French philosopher Montesquieu in the 18th century. In his book “*The Spirit of Law*” he expressed the idea of the need to separate powers to ensure freedom and protection of citizens’ rights [2].

Montesquieu believed that the separation of powers into branches was a necessary condition for the creation of a free and rule-of-law state. He believed that the concentration of power in the hands of one person or one institution of the state could lead to abuses and violations of citizens’ rights.

Montesquieu proposed dividing power into three branches: legislative, executive, and judicial. He believed that each branch should have its specific functions and should not interfere with the work of other branches. Thus, the legislative branch creates laws, the executive branch enforces them, and the judicial branch resolves disputes and makes decisions based on laws.

Montesquieu emphasized that each branch should be independent and equal. He proposed creating a system of checks and balances to prevent the possibility of abuse. Thus, the legislative branch should control the executive branch, and the judicial branch should control both branches and correct errors and abuses if they occur. Thus, Montesquieu believed that the separation of powers into branches was necessary to create a free and lawful state, where the rights and freedoms of citizens are protected by law and controlled by different branches of government.

When the principle of separation of powers into three branches of government exists, the concept of “checks and balances” arises. The system of checks and balances is a concept developed in the theory of state and law, which provides for the creation of a system of control and balance of power to prevent abuses and violations of the rights of citizens.

According to this concept power in the state should be divided into different branches, each of which should perform its specific functions. Each branch of government should have independence and equality so that it can perform its functions effectively.

However, in order to prevent possible abuses, each branch should control and restrain the actions of the other branches of government. Thus a system of checks and balances is created that provides a balance of power and prevents its trespass.

For example, in the United States the legislative branch (Congress) creates laws, but the President has the right to veto, which can be overridden by Congress. The Judicial branch can overturn laws that it deems unconstitutional. Thus each branch of government controls and restrains the actions of the others to create balance and protect the rights of citizens.

The system of checks and balances is an important element of the rule of law, as it ensures a balance of power and protects the rights of citizens. It prevents the possibility of tyranny, dictatorship, and authoritarianism, and guarantees freedom and equality before the law.

Apart from the traditional concept of separation of powers, there is existing a contemporary theory proposed by Cindy Skach, an accomplished English professor. Her perspective on the theory is influenced by the advancements and difficulties faced by current states, including globalization, the era of information, and transnational concerns. This may necessitate the modification of existing separation of powers principles to suit the new conditions. Specifically, the theory of “*Semipresidentialism*” is recommended, which prioritizes the integration of features from both presidential and parliamentary systems of governance. In a seven-presidential system, the president plays an important role, but there is also a parliament with legislative powers. This is different from the clearly divided system presented in the classical separation of powers theory. Along with this, there is also an increase in the role of the executive branch. In the new theory of separation of powers, especially in the context of *Semipresidentialism*, the executive branch (president or prime minister) may have more power and influence over the legislative process than in the classical theory [3].

An example of states with *Semipresidentialism* could be:

France is one of the most famous examples of a country with a seven-presidential system. The President of France plays an important role in the executive branch and foreign policy, while the parliament (National Assembly and Senate) has legislative powers.

Romania also has a seven-presidential system, where the president is the head of state and has certain powers, and legislative power is in the hands of parliament.

Portugal has a seven-presidential system, where the people elect the president and have certain powers, while the parliament (Assembly of the Republic) has legislative powers.

Ukraine is also an example of a country with a seven-presidential system, where the president and parliament have certain powers, and the distribution of power between them is determined by the constitution.

Professor Skach also talks about the remaining branches of government, in terms of the new theory of separation of powers, which emphasizes flexibility and cooperation between branches of government, instead of strict isolation. This may be necessary to more effectively manage complex problems such as economic crises and global threats [4].

When examining the roles of government, we can draw parallels with the various branches of government. The “legislative function,” which involves the creation of laws and regulations, falls under the purview of the legislative branch. Typically the parliament serves as the legislative body, and can take the form of a unicameral system, as is the case in Ukraine’s *Verkhovna Rada*, or a bicameral system, such as Kazakhstan’s *Senate* and *Majilis* of Parliament.

“Executive function” refers to the implementation of laws and regulations, as well as the monitoring of their implementation. This function is often carried out by the Cabinet of Ministers, headed by either the UK’s Prime Minister, the US President, or the Chancellor as it currently stands in Germany.

“Judicial function” involves the resolution of disputes and conflicts that arise between individuals (citizens, foreign nationals, and stateless persons), legal entities (organizations and companies), and government bodies. This function is carried out by judges and presented in courts at different levels. For example, in Kazakhstan, this includes courts of first instance (district or city courts), appellate courts (usually regional or republican city courts), and cassation courts, such as the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan.

The “control function” encompasses the observation of government bodies and institutions. Within the system of checks and balances all three branches of government possess this function.

Nevertheless, in a super-presidential republic, the head of state – the President – may hold this function, standing apart from the branches of government and serving as a mediator of power. It should be noted that if this control function over the branches of government is handed over to one body or person, the democratic balance of power between the branches of government is disrupted. This can strengthen authoritarian traits in the system of government, leading to a power imbalance in the state, as noted by the famous legal philosopher Montesquieu.

When considering the institutions of power, each one must be examined separately. Let's start with the legislative branch, which is represented by the country's parliament. This body is formed by parties, different political formations, and movements. Parliament is considered the highest representative body, and its representatives are elected by the people, which corresponds to the spirit of democracy. The "parliament" is the legislative body of the state, consisting of elected representatives of the people called parliamentarians. The primary functions of parliament include the enactment of laws, overseeing the work of the government, and determining the political direction of the state [5].

2. The different approaches to the separation of powers

In many countries the parliament consists of chambers formed through general elections and voting for specific political parties. For example, the U.S. Congress is formed through elections in all states of the country from the two parties, "Democrats" and "Republicans". In Kazakhstan the Parliament is formed through general elections, using a mixed system, where citizens of the country vote for candidates from political parties, which, at the time of the last election on March 19, 2023, were: "Amanat," "Respublika," "AqZhol," "Auyl," "Narodnaya Partiya Kazakhstan" and "Obshchenatsionalnaya Sotsial-Demokraticheskaya Partiya (OSDP)".

Considering the concept of "political pluralism" is essential as it ensures that all perspectives of the society are taken into account in the political beliefs of citizens. Political pluralism advocates for the coexistence of different political viewpoints, opinions, and beliefs in society, along with their expression and representation through diverse political parties, groups, and organizations. This assumes that citizens have the right to freely express their political views and participate in decision-making processes.

2.1 Kazakhstan

Article 5 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan upholds political pluralism and lays out the fundamental principles of the country's constitutional system, including the principles of separation of powers and multi-party system. Furthermore, the legislation on political parties in Kazakhstan establishes the legal status and guidelines for the creation, registration, and operations of political parties. Under this legislation political parties are afforded the freedom to express their political views, participate in elections and decision-making processes, and engage in lawful activities that align with the Constitution and laws of the Republic of Kazakhstan.

Thus in Kazakhstan political pluralism is one of the fundamental principles of the constitutional system of the state, which ensures freedom of expression of citizens' political views and the diversity of political parties and organizations.

Talking on parliament it is important to outline its main functions. We believe that the main functions of parliament include:

Legislative function. Parliament directly participates in the process of adopting laws, considers and approves draft laws, as well as discusses and makes amendments to existing laws, or recognizes laws and acts of parliament that have lost their legal force.

Representational function. Parliament represents the interests of citizens and the people of the country, expresses their will, and exercises control over the activities of the government and state authorities.

Government formation function. Parliament participates in the formation of the government, approves its composition and program of activities, and also exercises control over its work.

Control function. Parliament exercises control over the activities of the government and other state authorities, conducts parliamentary hearings, and investigations, and adopts resolutions on issues related to the national interests of the country.

Function of budget management. The parliament participates in the formation of the state budget, approves it, and exercises control over its execution.

Function of international cooperation. The parliament exercises control over the foreign policy of the government, participates in the process of ratification of international treaties and agreements, and also participates in inter-parliamentary relations with other countries.

All these functions must be carried out by the parliament per constitutional principles and laws, taking into account the interests of citizens and the people of the country. The parliament must also ensure the observance of the rights and freedoms of citizens, as well as take measures to strengthen the constitutional system and the rule of law [6].

Now let us turn our attention to the executive branch of government. As is customary the authorized entity in this branch is referred to as the “*Government*”. The Government is an executive authority that oversees the state and guarantees the enforcement of policies and laws passed by the legislative authority. Among its many responsibilities the Government conducts both domestic and foreign policies, ensures safety and maintains law and order, regulates the economy, provides social protection, and addresses other various aspects of society’s well-being.

The legal theory considers the government as one of the three main bodies of the state, including the legislative, executive, and judicial branches of power. The government belongs to the executive authorities that are responsible for the implementation of laws and policies approved by the legislative authority [7].

The philosophy of law also regards the government as an executive authority that ensures the enforcement of laws and the protection of the rights and freedoms of citizens [8].

By analyzing the legal structure of the “government” and its connection to the executive branch, we can discern its primary roles. While we offer six functions it is important to note that this catalogue is not exhaustive and may be augmented by additional duties based on the political landscape of a given nation. Thus, according to constitutional law, the functions of the government include:

The legislative function. It is important to note that this function is not the function of adopting laws, but only endows the government with legislative initiative. The government interacts with parliament and presents draft laws that are then discussed and adopted in parliament. In addition the government may issue resolutions and orders that have the force of law in exceptional cases.

In Kazakhstan, in situations where resolving a socially significant matter is urgent, the government reserves the authority to release temporary government resolutions that possess the weight of law. These resolutions remain in effect until laws are passed by Parliament or until Parliament fails to pass any laws. This function is intended to eliminate gaps in legislation or to address acute situations in society. Subsequently, the Parliament of Kazakhstan passes the main law and cancels the temporary government act. In other words, in this case, the constitution provides for such functions of the government to timely respond on behalf of the state.

Function of the executive branch. The Government exercises leadership and coordination of the activities of all executive authorities, approves state programs and plans, and regulates economic and social processes in the country.

Function of control. The Government controls the execution of laws, decrees, and resolutions, as well as the activities of all executive authorities.

Function of protecting the rights and freedoms of citizens. The Government is obliged to protect the rights and freedoms of citizens and ensure compliance with constitutional guarantees and the rules of the rule of law.

Function of foreign policy. The Government conducts foreign policy activities, establishes diplomatic relations with other states and international organizations, concludes international treaties and agreements, and protects the interests of the country in the international arena.

Function of economic development. The Government is involved in the development and implementation of the country's economic policy, regulation of economic processes, ensuring the economic security of the state, and the development of infrastructure.

All of these functions must be carried out by the Government following constitutional principles and laws, taking into account the interests of citizens and the people of the country [9].

Continuing our discussion on the fundamental components of government, we come to the judicial branch – an integral part of the state's governance. This branch is responsible for upholding justice and interpreting laws by hearing and deciding cases. Along with the legislative and executive branches, the judicial branch completes the trifecta of the state's main governing bodies.

The legal theory considers the judicial branch of government as an independent and autonomous power that is not subordinate to other branches of government and exercises control over their actions. The judicial branch of government exercises justice within the framework of established laws and norms, protects the rights and freedoms of citizens, and also regulates public relations.

The philosophy of law also considers the judicial branch of government as one of the main branches of government, which protects the rights and freedoms of citizens and exercises justice in accordance with the legislation.

Like the previous branches of government, the judicial branch of government has its own specifics and corresponding functions. Thus, the main functions of the judicial branch of government are:

Dispute resolution. The judicial branch of government is engaged in the resolution of disputes and conflicts between individuals, organizations, and the state. This may be related to property rights, contracts, inheritance, crimes, etc. The bodies that resolve disputes often include courts, arbitrations, tribunals, and other judicial bodies.

Ensuring social justice. The judicial branch of government guarantees justice and equality before the law. Judges must make decisions based on the law and evidence, not on their personal beliefs or prejudices. However, it should also be noted that on some issues, where the law does not provide a precise interpretation and has evaluative categories, judges consider cases from the point of view of their own moral, ethical, and life experiences and situations.

Protection of rights and freedoms of citizens. The judicial branch of government protects the rights and freedoms of citizens from violations by the state or other citizens. The courts must ensure the protection of rights to life, liberty, honor, dignity, property, and other civil rights.

The judicial branch of power applies lawful measures to violators of the law and public order, which may take the form of administrative or criminal liability in the form of fines, corrective labor, restrictions on freedom, imprisonment, and in some countries, the death penalty and even deprivation of citizenship.

Enforcement of the laws. The judicial branch of power monitors the enforcement of laws and resolutions adopted by other branches of government. Courts may invalidate illegal acts and decisions made by other branches of government.

Ensuring legal stability. The judicial branch of power creates precedents and establishes norms that regulate relations between people and the state. This ensures legal stability and predictability in the legal system.

All of these functions should be carried out by the judicial branch of power in accordance with the constitution and laws, taking into account the interests of citizens and the state. Courts must also ensure the protection of the rights and freedoms of citizens, as well as take measures to strengthen human rights and ensure the rule of law in the state [10].

It is no coincidence that we propose the introduction of a new branch of government - the Constitutional branch. Because as it seems to us its main goal is to be an arbiter of power and provide a guarantee of the inviolability of the norms of the Constitution. Which can be expressed in the function of balancing Parliament, Government, and Court. As a result the above analysis of the functions of each branch of government speaks of the need to contain and establish the scope of powers defined by the Constitution. Therefore, to avoid conflicts within the political

system (between the three branches of government) a body is needed to balance them, which is an independent branch of government – the Constitutional branch of government. This is where this specific branch of the government monitors compliance with the norms of the Constitution.

For example, the Constitutional Court, as a branch of government, can monitor the compliance of laws and regulations adopted by other branches of government with the norms of the Constitution. Also, the Constitutional Court can overturn non-constitutional acts and decisions made by other branches of government. This function of the Constitutional Court is designed to ensure constitutional stability, where the body of constitutional control creates precedents and establishes norms that regulate relations between the branches of government, both among themselves and between them and the people. This ensures constitutional stability and balance in the legal system.

At this stage of state existence, each country, seeking to build an “ideal state,” chooses a certain path of political development. On this path countries with three branches of government shift the balance in one of the three directions or endow a stabilizing function to a fourth branch of power outside the branches of government (the fourth branch of power). Often this role is assigned to either the head of state or the constitutional control body. These shifts in the balance of power are expressed in the endowment of a greater number of powers and functions to one or another branch of power.

However all state and political transformations usually occur with the help of the will of the citizens of the state – a referendum. Thus a referendum is a form of direct expression of the will of the people, in which citizens vote for or against any question that is put to a referendum. A referendum is an instrument of direct democracy that allows citizens to make important decisions directly, bypassing representative bodies of power.

In the Constitutions of various countries, including Kazakhstan, a referendum can be held on a number of issues, such as amending the Constitution, adopting or repealing laws, decisions on joining international organizations, etc.

Citizens, parliament, or the president can initiate a referendum, which typically follows specific procedures and rules outlined in laws governing referendums, elections, and other regulatory acts related to the electoral process. If a sufficient number of votes are garnered, the results of the referendum hold legal weight.

For example, in Kazakhstan and Uzbekistan, constitutional reforms were carried out through a referendum. Let us consider the example of Kazakhstan, where the current President K. Tokayev is carrying out a reform to democratize the state and strengthen the branches of power, thereby continuing the policy of N. Nazarbayev in 2017. Thus the center of the super-presidential republic, Kazakhstan is moving towards a parliamentary republic. Since the transfer of presidential powers began in 2017, when the president’s powers were transferred to the government and parliament, it continues today with the construction of the New Kazakhstan (Second Republic) by K. Tokayev, which strengthens the role of the Parliament. This is evidenced by the slogan of the reform being carried out - “Strong President - Influential Parliament - Accountable Government.” At the moment the role of the Constitutional Court has been strengthened as a body of constitutional control, and a mixed voting model has been introduced in parliamentary elections. In the referendum of June 5, 2022, amendments were made to 35 articles of the Constitution out of 99 existing ones, and the role of the human rights ombudsman was strengthened. The number of terms of the presidency for the same person has been reduced from two times for five years to one time for seven years.

2.2 Uzbekistan

In Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev is also reforming the state power after the departure of Islam Karimov, taking a course towards democratization and holding a republican referendum to adopt amendments to the country’s constitution. This was announced in 2021 by the current President of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev.

According to the new articles of the Constitution of Uzbekistan, following the referendum in 2023, the President of Uzbekistan is elected for 7 years with the right to be re-elected for a

second term. The Constitution provides for the accountability of the government to the Parliament, and the country's Basic Law strengthens the protection of children's rights through a Children's Rights Commissioner. The legislative initiative is outlined for the Constitutional Court, the Supreme Judicial Council, the Supreme Court, and the Prosecutor General – in the scope of their competencies, and the legislative initiative is also defined for citizens of no less than 100,000 people. Additionally the function of determining the most important external and internal directions of development has been transferred from the Parliament, which now only considers them, to the President.

It is crucial to give due consideration to constitutional control bodies. Despite the legislative, executive, and judicial branches, all laws in a country must align with the Constitution. To ensure this principle is upheld, constitutional control bodies like the Constitutional Court or Constitutional Council may be established, or the President may be authorized to fulfill this role.

In the Republic of Kazakhstan these functions, in accordance with Article 1 of the Law of the Republic of Kazakhstan “On the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan” – “The Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan ensures the supremacy of the Constitution of the Republic of Kazakhstan throughout the territory of the Republic of Kazakhstan” and following paragraph 3 of Article 72 of the Constitution of Kazakhstan – “The Constitutional Court at the request of citizens considers for compliance with the Constitution of the Republic the normative legal acts of the Republic of Kazakhstan that directly affect their rights and freedoms enshrined in the Constitution” – in other words, these two norms give us the right to say that the guarantor of the constitutional rights and freedoms of citizens.

However, what is the guarantor of the Constitution itself in Kazakhstan is the outcome of paragraphs 2 and 3 of Article 40 of the Constitution of Kazakhstan, the institution of the President is “the guarantor of the inviolability of the Constitution”, and the President “ensures the coordinated functioning of all branches of state power”. Thus in Kazakhstan ensuring the supremacy of constitutional law is in the competence of two authorities – the President and the Constitutional Court of Kazakhstan.

The experience in Ukraine is interesting, where the Constitutional Court of Ukraine has constitutional jurisdiction only, which is reflected in Article 1 of the Law of Ukraine “On the Constitutional Court of Ukraine” – “The Constitutional Court of Ukraine is a body of constitutional jurisdiction that ensures the supremacy of the Constitution of Ukraine...”.

As for similar functions in the constitutional jurisdiction of the President, he does not have any. However, there is a function of constitutional control, indicated in paragraph 15 of the Constitution of Ukraine, where the President suspends the acts of the Cabinet of Ministers of Ukraine on the grounds of their inconsistency with the Constitution, while simultaneously appealing to the Constitutional Court of Ukraine regarding their constitutionality. Thus, in Ukraine, the Constitutional Court of the country acts as the guarantor of the Constitution.

2.3 Indonesia

Considering the experience of Indonesia, we see that according to Article 24C of the Constitution of Indonesia, the Constitutional Court of Indonesia is one of the state institutions exercising an independent judiciary in managing the judiciary to ensure the rule of law and justice. That is, the Constitutional Court plays a crucial role in protecting the rights of citizens through its general judicial jurisdiction. Additionally the People's Consultative Assembly, as stipulated by Article 3 of the Indonesian Constitution, is responsible for adopting the Constitution and Constitutional Laws (including amendments to the Constitution). Thus we observe a system of high responsibility for the laws and constitutional rights of citizens, entrusted to the People's Consultative Assembly of Indonesia as the country's legislative body.

2.4 United States

In the United States, executive power is vested in the President, which is enshrined in Article 2, Clause 1 of the US Constitution: “Executive power is vested in the President of the United States of America.” As for the principle of separation of powers, it is directly mentioned in the explanation of Article II.S1.C1.6 Separation of powers and functions of the executive, where Judge Joseph Storey

recognized the significance of an autonomous executive branch in maintaining a system of checks and balances. He observed that the creation of a distinct executive department had gained unanimous approval throughout America. This fundamental principle is enshrined in the constitutions of every state, and has become a cornerstone of our governance – the separation of legislative, executive, and judicial powers, with no one branch wielding authority over the others.

Considering the aforementioned classifications of power branches, as well as the principle of separating powers, the implementation of checks and balances, and instances of state reforms, it is evident that the distribution of power among the government branches in each country differs. In some nations, the parliament holds more power, as in the case of a parliamentary republic, whereas in others, the president or prime minister assumes a more prominent role in government affairs. However, in all modern democratic countries, these powers are distributed in such a way as to ensure stability, effective government institutions, and, most importantly, the protection of human and civil rights under the law, ensuring the supremacy of the law and the protection of human and civil rights.

Conclusion

In conclusion it would be logical to establish a “constitutional branch of power” in the future, which would embody the principle of the constitutionality of the state, serve as an independent arbiter of power, and guarantee the supremacy of law and the constitution. This new branch of power should observe the principle of checks and balances. The highest official of the state, such as the President or a similar position, depending on the country, or a collegial body like a Constitutional Court or Council, could perform this role.

Thus the main functions of the constitutional branch of power can be as follows:

- *Control over compliance with the Constitution and laws*: the bodies of the constitutional branch of power monitor the compliance of all laws and other legal acts (government decrees, court decisions, parliamentary acts, etc.) with the constitution and protect the constitutional rights of people and citizens.

- *Resolution of constitutional disputes*: the institutions of the constitutional branch of power can consider constitutional complaints and resolve constitutional disputes between state authorities.

- *The reform initiative for changes to the Constitution*: the bodies of the constitutional branch of government can participate in the process of developing and amending the constitution by putting them to a general referendum.

- *Protection of human rights and freedoms*: the bodies of the constitutional branch of government can take measures to protect the rights and freedoms of individuals provided by the constitution, including making decisions on citizens’ complaints about the actions or inactions of state authorities (branches of government).

- *Ensuring constitutional legitimacy*: the bodies of the constitutional branch of government ensure the constitutional legitimacy of the activities of state authorities and prevent constitutional crises.

The scope and range of functions of the constitutional branch of government may vary in different countries depending on the specific provisions of their constitutions.

А.Д. Кадырбеков, Anadolu University-нің «Қоғамдық құқық» мамандығы бойынша PhD докторанты (Эскишехир, Түркия Республикасы): Білікті бірлеу принципі ХХІ ғасыр мемлекеттіктерінде: Конституциялық тәсілдер.

Бұл зерттеу тақырыбының өзектілігі құқық теоретиктерінің идеалды мемлекет формуласын және белгілі бір билік тармағының билік аясы мен функцияларын анықтау үшін үздіксіз ізденістерінен туындайды. Өйткені биліктің үш тармағының біреуінің әртүрлі тепе-теңдігі мен нығаюы мемлекет ішінде сол немесе басқа саяси жүйенің қалыптасуына әкеліп соғады, сонымен қатар елдің даму динамизмін анықтайды. Әртүрлі мемлекеттерде бұл тепе-теңдік пен тежеу мен тепе-теңдік жүйесі әртүрлі қалыптасады, бұл олардың саяси сипаттамаларын және онымен бірге саяси қиындықтарды тудырады.

Жұмыстың тақырыбы билік бөлінісі принципі болып табылады, оған сәйкес қазіргі әлемде демократия жүзеге асырылады. Жұмыстың мақсаты – билік бөлінісінің теориясын, оның президенттік және парламенттік басқару нысандары бар елдердегі қазіргі жағдайын және белгілі бір критерийлерді сақтау қазіргі дәуірде мемлекеттік басқарудың тиімділігін сақтауға қалай көмектесетінін зерттеу.

Зерттеудің тақырыбы қаралатын мәселелерге арналған заңгерлік еңбектердің аздығына байланысты жаңа болып табылады. Зерттеушілердің көпшілігі билікті бөлудің классикалық теориясы тақырыбына назар аударады, оны мемлекеттегі билікті ұйымдастырудың басым және жалпы қабылданған қағидасы ретінде дұрыс орналастырады. Осылайша, биліктің белгілі бір бөлінуіне сүйене отырып, олар басқарудың сол немесе басқа нысанына өз басымдықтарын береді. Сонымен қатар, аздаған еңбектер билік тармақтарымен байланысты балама қызметтерге арналған. Бұл мақала өз мәні бойынша биліктің конституциялық тармағы тақырыбына пікірталас ашатын зерттеу болып табылады.

Бұл жұмыста қолданылатын зерттеу әдістері құқықтық зерттеулерге (талдау, синтез және т.б.) тән. Қазақстан, Өзбекстан, АҚШ және Индонезия елдеріндегі биліктің бөлінуін салыстырмалы талдау арқылы бұл зерттеу мемлекеттік биліктің үш тармағы арасындағы тепе-теңдікті орнату қажеттілігін ашып көрсетуге тырысады. Бұл зерттеу биліктің бөліну принципі неліктен әлемнің заманауи мемлекеттері үшін соншалықты маңызды екендігі туралы ұстанымды көрсетеді. Бұл қағида мемлекеттегі тұрақтылықты, қауіпсіздікті және демократияны қалай қамтамасыз етеді? Елдердегі талданған теориялық және нақты ережелерге сүйене отырып, автор қолданыстағы билікке жаңа билік тармағын – тежемелік және тепе-теңдіктің классикалық жүйесін қосу ұстанымын ұсынады. Биліктің конституциялық тармағы мемлекеттің тұрақтылығы мен тепе-теңдігінің кепілі ретінде, оның мақсаты.

Зерттеудің нәтижелері билік тармақтары арасындағы билік пен жауапкершілікті бөлу және тежеу мен тепе-теңдікті сақтау туралы пікірталасқа ықпал етеді. Бұл құқық теориясында билік тармақтары арасындағы тепе-теңдікті мәңгілік іздеуді көрсетеді. Бұл зерттеу сонымен қатар билік тармақтарының трихотомиясын төртінші құрамдас – биліктің Конституциялық тармағымен толықтыруды ұсынады. Автор биліктің жаңа тармағының қосылуы мемлекеттік жүйелер мен олардың басқару нысандарын демократиялық және тиімді, уақыт талабына жауап беруге қабілетті етуге көмектеседі деп болжайды.

Түйін сөздер: билік, биліктің бөліну принципі, демократия, билік тармақтары, Қазақстан, саяси жүйе, мемлекет, басқару, саяси реформалар, конституциялық құқық.

А.Д. Кадырбеков, докторант PhD специальности «Публичное право», Anadolu University, (Республика Турция, г. Эскишехир): Принцип разделения властей в государствах XXI века: конституционный подход.

Актуальность темы настоящего исследования исходит из постоянного поиска теоретиками права формулы идеального государства и определения объемов властных полномочий и функций той или иной ветви власти. Поскольку разный баланс и усиление одной из трех ветвей власти ведет к формированию той или иной политической системы внутри государства, а также определяет динамичность развития страны. В разных государствах данный баланс и система сдержек и противовесов сформированы по-разному, от чего и вытекают их политические особенности, а с ними и политические вызовы.

Предмет настоящей работы представляет собой принцип разделения властей, согласно которому в современном мире реализуется демократия. Цель работы заключается в исследовании теории разделения властей, ее современное положение в странах с Президентской и Парламентской формами правления и как соблюдение определенных критериев может помочь поддерживать эффективность власти в современную эпоху.

Тема данного исследования отличается новизной благодаря малому количеству юридических работ, посвященных рассматриваемой проблематике. Большинство исследователей сосредоточены на теме классической теории разделения властей,

обоснованно позиционируя её в качестве главенствующего и общепринятого принципа организации власти в государстве. Так, на основе определенного распределения властных полномочий отдают свои предпочтения той или иной форме государственного правления. В то же время, малое количество работ посвящены альтернативным позициям, связанным с ветвями власти. Данная статья по своей идее является исследованием, которое открывает дискуссию на тему конституционной ветви власти.

Методы исследования, использованные в настоящей работе, являются типовыми для юридических исследований (анализ, синтез и др.). Посредством сравнительного анализа положения разделения властей в странах Казахстан, Узбекистан, США и Индонезия данное исследование пытается пролить свет на необходимость установления баланса между тремя ветвями власти. В данном исследовании обозначена позиция – почему принцип разделения властей так важен для современных государств мира. Как этот принцип обеспечивает стабильность, безопасность и демократию в государстве. На основе проанализированных теоретических и реальных положений по странам автор предлагает позицию добавления новой ветви власти к существующей – классической системе сдержек и противовесов. Конституционная ветвь власти как гарант стабильности и сбалансированности государства, ее предназначение.

Выводы этого исследования вносят вклад в дискуссию по вопросу распределения властных полномочий и функций между ветвями власти и соблюдения системы сдержек и противовесов. Что отражает вечный поиск баланса между ветвями власти в теории права. А также данное исследование предлагает дополнить трихотомию ветвей власти четвертой составляющей – Конституционной ветвью власти. Автор предполагает, что включение новой ветви власти поможет сделать государственные системы и их формы управления более демократичными и эффективными, способные отвечать требованиям времени.

Ключевые слова: власть, принцип разделения властей, демократия, ветви власти, Казахстан, политическая система, государство, управление, политические реформы, конституционное право.

Bibliography:

1. Boldyreva R.S. Separation of Powers: Theoretical and Legal Aspects. Dissertation. 1998. (In Russian).
2. Charles de Secondat, baron de Montesquieu The Spirit of Laws (trans. by Thomas Nugent). J. Nourse. 1748.
3. Skach C. The “newest” separation of powers: Semipresidentialism. King’s College. 2007.
4. Udartsev S.F. Parliament in the System of Separation of Powers in Azerbaijan, Kyrgyzstan, Ukraine. L.N. Gumilyov Eurasian National University. 2007. No. 1. P. 29-45. (In Russian).
5. Krylov S.F. Theory of State and Law. Jurist. 2007. (In Russian).
6. Bogdanova M.M. Philosophy of Law: Textbook. Jurist. 2011. (In Russian).
7. Johnson E. The Functions of Government: A Legal Theory Perspective. International Journal of Legal Studies. 2020. Vol.52, Iss. 3. P. 267-290.
8. Williams R. The Functions of the Judicial Branch: A Legal Theory Perspective. Law Review. 2018. Vol. 78, Iss. 4. P. 567-590.

Для цитирования и библиографии: Kadyrbekov A. Separation of Powers Principle in the States of XXI Century: Constitutional Approach // Право и государство. № 1(102), 2024. – С. 18-30. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_1_18

Материал поступил в редакцию 29.01.2024.

НАЛОГОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ БИЗНЕСА

В.Н. ФИЛАТОВ,
адвокат-управляющий партнер
Адвокатской конторы
«Defence & Counsellor»,
член Научно-консультативного
совета Республиканской
коллегии адвокатов (г. Алматы,
Республика Казахстан)
e-mail: fill2603@mail.ru

Исследование посвящено актуальным проблемам казахстанского законодательства в сферах налоговой политики государства, налогового администрирования бизнеса, вовлечения бизнеса в орбиту уголовного судопроизводства, а также судебной защиты бизнеса. Автор указывает на несовершенство взаимосвязи процедур налогового администрирования и уголовного судопроизводства по делам о налогах и иным экономическим правонарушениям, что зачастую приводит к незаконному преследованию бизнеса, и в целом имеет негативное влияние на бизнес-климат в стране. В исследовании приводятся многочисленные примеры как положительного, так и отрицательного влияния несовершенства законодательства на бизнес-сообщество. Исходя из актуальности темы предлагаются определенные пути решения наиболее острых проблем во взаимоотношениях государства и бизнеса в сфере фискальной политики.

Актуальность темы продиктована тенденциями государственной политики в сфере защиты бизнеса, непосредственными поручениями Главы государства о необходимости внесения определенности в сферу фискальной политики, в том числе принятия нового Налогового кодекса, исключения незаконного вовлечения в орбиту уголовного преследования. Главой государства неоднократно обращалось внимание на то, что при *снижении нагрузки* на бизнес тот по-прежнему наталки-

вается на многочисленные проблемы, связанные с действиями *правоохранительных и контролирующих* органов. *Новизна* работы представляется в том, что глубоких и системных исследований по данной тематике ранее в Республике Казахстан не проводилось. Отсутствует достаточное количество ученых, специализирующихся в данной сфере права. Сама суть проблематики находится на стыке нескольких правовых отраслей – налогового, таможенного, финансового, бюджетного, уголовного, административного и других, и в целом необходима выработка реальных механизмов взаимодействия для соблюдения баланса интересов, таких как частного и общественного, государства и бизнеса.

Автор приходит к выводу, что многочисленные реформы налогового законодательства не привели к реальной защите добросовестных налогоплательщиков; уголовное судопроизводство не выработало механизмов защиты бизнеса и не позволяет в достаточной мере реализовывать права налогоплательщиков на беспристрастное расследование и справедливое судебное разбирательство. Действующие отраслевые нормативные постановления Верховного суда Республики Казахстан требуют проработки в целях реализации поручений Президента страны о приведении к балансу системы «гражданин – бизнес – государство».

Ключевые слова: защита бизнеса, налоговое администрирование, уголовное судопроизводство, экономические правонарушения, уклонение от уплаты налогов, налоговая проверка, выписка бестоварных счетов-фактур, правонарушения в налоговой сфере, необоснованное вовлечение бизнеса в орбиту уголовного судопроизводства, признание сделок недействительными, отмена государственной регистрации юридического лица, фактические затраты налогоплательщика, доначисление налогов, нормативные постановления Верховного суда Республики Казахстан.

Введение

Приступая к данной работе, автор планировал осветить проблемные вопросы взаимодействия процедур налогового администрирования и уголовного преследования бизнеса, а также процессуальных теорий их инкорпорации. Текущие проблемы требуют выработки конкретных решений для обеспечения оптимального взаимодействия предпринимательского сообщества с институтами государственной власти.

Данная тема является в большей части вектором приложения профессиональных компетенций и интересов автора. На всех этапах правоприменители отмечают несовершенство и неурегулированность как внутри отраслей, так и в их взаимодействии. Безусловно, проблематика поиска достаточного взаимного конструктива во взаимоотношениях бизнеса и государства не нова, как в целом, так и для Казахстана в частности.

На заре независимого Казахстана в целях эффективного администрирования бизнеса были образованы самостоятельные налоговые и таможенные органы, а в структуре правоохранительной системы появилась специальная служба – Комитет налоговой полиции, впоследствии претерпевший ряд коренных изменений. Фискальные органы за прошедшие десятилетия также неоднократно реформировались, однако большое количество изменений не принесло качества, что отмечают большинство ученых и экспертов. Видится, что и это не самые последние изменения государственных органов, отвечающих за экономику страны, ее безопасность, а также за защиту и развитие бизнеса.

На проблемы в данной сфере вынужден систематически обращать внимание Глава государства К-Ж.К. Токаев. В частности, в Послании народу Казахстана от 2 сентября 2019 г. Президентом было указано, что бизнес «по-прежнему наталкивается на многочисленные проблемы, связанные с действиями правоохранительных и контролирующих органов». Именно тогда Президент страны озвучил тезис - любые попытки воспрепятствовать развитию бизнеса, особенно малого и среднего, должны рассматриваться как преступления против государства [1].

В ежегодном Послании от 1 сентября 2020 г. Глава государства вновь повторил, что «любое незаконное вмешательство государственных структур в предпринимательскую деятельность, воспрепятствование работе бизнесменов должны восприниматься как тягчайшее преступление против государства». Была озвучена и необходимость разработки справедливой налоговой политики, понятной для всех граждан, поскольку, как сказал Президент, «налоговое администрирование усложнено и носит ярко выраженный принудительный характер» [2].

В программном послании 1 сентября 2022 г. Президент страны указал, что «продолжением политической модернизации должны стать структурные экономические преобразования. Предстоит глубинная перестройка отношений в триаде «гражданин – бизнес – государство» [3]. Устойчивый экономический рост напрямую зависит от понятной, предсказуемой налоговой политики. В целях перезагрузки фискального регулирования в 2023 г. будет подготовлен новый Налоговый кодекс. Его наиболее проблемный блок – налоговое администрирование – должен быть полностью обновлен. Предстоит также обеспечить полную цифровизацию налогового контроля, исключив любое очное взаимодействие» [3]. Президент отметил, что его поручение о системной поддержке предпринимательства «волочит уже два года. Вместо бесконечных корректировок сотен и тысяч подзаконных документов и инструкций следует утвердить новые компактные и понятные правила рабо-

ты....провести ревизию Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, избавиться от всего, что фактически не работает или препятствует правосудию. Не менее важно, чтобы после внесения соответствующих поправок они не подвергались бесконечным корректировкам. Недопустимо, чтобы законы менялись в угоду сиюминутной конъюнктуре или узким корпоративным интересам» [3].

Следует признать, что вопросы справедливости и разумности налоговой политики, налогового администрирования, оставаясь актуальными уже достаточно продолжительное время, к сожалению не находят своего поступательного развития, а по факту тормозят экономическое развитие государства, и негативно сказываются на благосостоянии граждан.

К примеру, одна из важных проблем – это судебные споры, связанные с исками о признании сделок недействительными и отмене государственной регистрации субъектов предпринимательства. Общеизвестно, что за последние годы подобные иски приобрели массовый и ярко выраженный «репрессивный» характер, когда под благими посылами пополнения бюджета фактически проводится политика принуждения национального бизнеса к беспрекословному подчинению воле фискального органа. В обиходе налоговиков успел даже укорениться профессиональный «жаргонизм» результатов таких исков именуемых – ЧРПН (компании, «чья регистрация признана недействительной»).

Основные положения

До настоящего времени понятного предпринимателям алгоритма, как обезопасить себя от налоговых притязаний, ни Комитетом государственных доходов, ни надзорными, ни судебными органами, к сожалению не выработано. Действия Национальной палаты предпринимателей «Атамекен» по защите добросовестного бизнеса, хотя и имеют определенные результаты, не влекут системных сдвигов, поскольку в значительной степени натываются на формальные бюрократические препоны. Надзорные органы бездействуют в силу инертности и формализма, а отчасти опасаясь обвинений в «ангажированности», судебная практика также неоднозначна.

Позиция фискального органа предсказуема модальностью поведения в том, что налогоплательщик сам должен проводить проверку поставщика, как говорится «по седьмому колену». В качестве обоснования приводятся положения статьи 10 Гражданского кодекса Республики Казахстан, предусматривающего что предпринимательская деятельность осуществляется за риск и под имущественную ответственность предпринимателя. Конечно, такая трактовка наиболее удобна для фискалов, и по сути сводится к тому, что свои проблемы предприниматель обязан решать сам. Однако по умолчанию контролирурующие органы, только заподозрив нарушения, не преминут запустить в ход всю «силу государственной машины» для привлечения налогоплательщика к ответственности. Все это происходит на фоне объявленной государством защиты бизнеса.

Ранее в публикациях мы уже обращали внимание вопросы отсутствия у органов государственных доходов инициативы по превентивной защите добропорядочных налогоплательщиков на примере судебных споров с представителями таможенной службы [4].

Вместе с тем право на свободу предпринимательской деятельности гарантировано статьей 26 Конституции Республики Казахстан. Гарантии и защита прав налогоплательщика прямо закреплены и статьей 15 Налогового кодекса. Обеспечение прав бизнеса является безусловной составляющей экономического развития государства, а статья 18 Налогового кодекса прямо возлагает на налоговые органы в пределах своей компетенции обеспечить экономическую безопасность государства. Данные нормы должны ориентировать налоговые органы в первую очередь на защиту добросовестного налогоплательщика и создание ему комфортных условий осуществления предпринимательской деятельности. Тем не менее, эти нормы остаются декларативными, не находя реального воплощения в жизни. По сути фискальные органы зачастую понимают свои основные задачи именно в борьбе с предпринимателями, а не в их защите.

О том, что проблема вышла далеко за рамки узковедомственных интересов и частных случаев, говорят факты реагирования на нее депутатского корпуса.

Одним из примеров тому является депутатский запрос фракции «Ақ жол», направленный еще в феврале 2020 г. в Министерство финансов Республики Казахстан, с выражением крайней обеспокоенности практикой тотальной подачи исков налоговыми органами по отмене государственной регистрации и признанию сделок недействительными. Депутаты указывают, что количество таких исков за последние три года выросло в девять раз и уже исчисляется тысячами. У налоговых органов, как правильно подчеркивают депутаты, отсутствует четкая методика определения фиктивности сделок. Более того, этот инструмент стал удобным способом для вымогательства с бизнеса, о чём сообщают предприниматели [5].

Позиция уполномоченного органа весьма своеобразна. На запрос автора статьи депутатами был предоставлен ответ Министерства финансов от 19 марта 2020 г. Анализ письма наводит на следующие размышления. Так, в ответе министерства указано, что по предложению бизнес-сообщества в 2017 г. была декриминализована статья 215 (лжепредпринимательство) Уголовного кодекса, что «не привело к существенному снижению теневых оборотов, а наоборот увеличило размеры незаконного обналичивания денежных средств и создание «фирм-однодневок» [5].

Следует ли говорить, что алгоритм статьи 215 Уголовного кодекса в бытность ее применения был не менее губителен для бизнес-сообщества. К примеру, пункт 12 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 12 января 2009 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о лжепредпринимательстве» исключал необходимость установления точных сумм ущерба, поскольку лжепредприятиям не могут быть начислены налоги. Из собственной практики скажу, что по делам данной категории исчислялась предполагаемая сумма ущерба. Одиозной являлась и норма пункта 20 указанного Постановления о том, что «по делам о правомерности исключения из вычетов расходов и из зачета сумм НДС, представленные контрагентами лжепредприятия, доказательства действительного совершения сделок, не могут быть признаны достоверными, поскольку вступившим в законную силу приговором суда установлено иное» [6].

Приговор в отношении лжепредприятий давал фискальным органам полную свободу действий. Известно, что налоговые органы на основании приговоров формировали республиканскую базу лжепредприятий, вследствие чего интегрированные налоговые базы в автоматическом режиме, циркулярно и тотально рассылали предпринимателям уведомления о расхождении сумм и доначислении налогов. Дальнейшие меры налогового администрирования, как известно, никаких шансов налогоплательщикам не оставляли.

Отступая от темы, нельзя не отметить и конструктивные аспекты, присутствовавшие в указанном Нормативном постановлении и необоснованно исключенные с его отменой. Так, пункт 11 Постановления предусматривал: «если лицо фактически осуществляло реализацию товаров (работ, услуг) без отражения в бухгалтерском и налоговом учете, его действия не могут быть квалифицированы как лжепредпринимательство, поскольку объектом посягательства в этом случае будет являться установленный порядок бухгалтерского учета и налогообложения реальной предпринимательской деятельности, осуществляемой с указанными нарушениями» [6].

В действующем Нормативном постановлении Верховного суда № 3 от 24 января 2020 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства по делам об уголовных правонарушениях в сфере экономической деятельности» данная норма закрепления не получила.

Единой правоприменительной практики в данном вопросе нет, хотя общеизвестно, что по сделкам с бестоварными счетами-фактурами между контрагентами, как правило, осуществляется оборот товаров, работ и услуг, а построенные

здания и сооружения, товары на складе являются безусловным тому подтверждением. Вопросы правовой оценки вызывают обоснованные споры: нарушение ли это норм законодательства о бухгалтерском учете (статья 241 Уголовного кодекса) или легализация (статья 218 Уголовного кодекса), точного понимания нет, хотя в последнем случае должно быть доказано преступное происхождение предмета легализации. Поэтому по укоренившейся практике, как в налоговых спорах, так и в рамках уголовного судопроизводства, государственные органы применяют принцип формального доказывания отсутствия у поставщика возможности поставить товары, произвести работы или осуществить услуги (отсутствие необходимого штата работников, активов, либо руководитель признает себя номинальным, документы оформлены с нарушением законодательства и т. п.).

Именно оборот фиктивных счетов-фактур, а не теневой оборот товаров, работ и услуг, зачастую ложно воспринимается как самоцель субъектов противоправных сделок, именно в этом недопонимании кроется значительная часть проблем. Неверно определенные цели определяют неверные задачи и методы их решения. Таким образом, само собой напрашивается вывод о том, что необходимо исключить теневой оборот на рынке товаров работ и услуг и источники их происхождения. Пока действия фискальных органов напоминают «битву с Гидрой, когда на месте одной срубленной головы вырастают две новые», а суть всей деятельности сводится к отчетам о количестве ЧРПН, отмене сделок, формальном доначислении налогов на личные счета контрагентов. Все сказанное выше требует отдельного системного анализа, который выходит за рамки данной публикации.

Но вернемся к ответу, направленному Министерством финансов депутатам фракции «Ак жол», где указывается на рост темпов обналичивания с 2017 г. почти в два раза, «сигнализируя о росте объемов «теневой» экономики в Республике, что является следствием ослабления профилактики нарушений, выявляемых ранее в рамках статьи 215 Уголовного кодекса» [5]. Из представленных министерством сведений следует, что «объем обналичивания денежных средств в 2017 г. находился на уровне 1,6 трлн. тенге, а в 2018 г. составил 2,4 трлн. тенге, то есть рост на 0,8 трлн. тенге или в 1,5 раза, за 12 месяцев 2019 г. показатель составил 2,7 трлн. тенге (рост по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. на 12%)».

Эти цифры, во-первых, указывают на неутешительный рост теневой экономики: за два года на 1,1 трлн. тенге, или более 14% доходов республиканского бюджета 2019 г. (который по данным Министерства национальной экономики составил 7 трлн. 81 млрд. тенге) [7].

Во-вторых, цифры свидетельствуют, что налоговые органы, как и прежде, предпочитают бороться со следствием, нежели искать причину и разработать эффективные, пресекающие механизмы по недопущению на рынок «фирм-однодневок». Цифры к тому же указывают и на низкую эффективность электронных информационных систем органов государственных доходов (ИНИС, СОНО, ЕХД и др.) и системы управления рисками в целом (СУР), позиционируемых как «качественно новый этап развития налоговой системы, приближающийся к международной практике» [8].

В ответе министерства приводится и пример выявления в 2018 г. совместно с Комитетом национальной безопасности преступной группы, действовавшей более десяти лет с использованием 449 фиктивных компаний, регистрация которых органами государственных доходов в судебном порядке признана недействительной.

В таком случае разумным является вопрос, как такое длительное время организованная преступная группа существовала и «успешно содействовала субъектам предпринимательства в незаконном обналичивании денежных средств, тем самым способствуя уклонению от уплаты налогов либо хищению бюджетных средств», пока деятельность не была пресечена органами национальной безопасности? Остается и вопрос, какое еще время могла беспрепятственно существовать преступная группа, если бы ее деятельность не пресекли специальные органы?

В ответе министерства также указывается, что «одной из схем является приобретение нелегальных товаров и услуг по заниженной стоимости с целью их дальнейшей легализации по завышенной стоимости путем использования фиктивных документов для сокрытия фактической прибыли. Это позволяет недобросовестным предпринимателям демпинговать, создавая неконкурентные условия честному бизнесу» [5].

Да, безусловно, такая проблема существует, и довольно давно, вместе с тем вновь приходится констатировать, что именно отлаженная работа налоговой системы должна исключать возможность нелегальной добычи сырья, теневого производства и реализации неучтенных товаров и услуг. Нелегальные товары могут поступать в страну контрабандой, но и внешнеэкономическая деятельность опять же контролируется Комитетом государственных доходов, в состав которого, как известно, с 2014 г. входят таможенные органы.

Остается надеяться, что Комитет государственных доходов изменит подходы и принципы работы, в том числе и во взаимоотношениях с бизнесом, услышав чаяния и нужды налогоплательщика, ведь как сказал Глава государства: «Слышащее государство» – это, по сути, концепция строительства «Справедливого государства». Недостаточно просто слышать и видеть проблемы граждан, главное – правильно и объективно реагировать на них» [3].

Отрадно, что представители судебной власти не остались в стороне, не только активно высказывая свое мнение и предлагая пути решения, но и формируя судебную практику. К примеру, весьма конструктивной представляется позиция Т.И. Токбулатова, бывшего председателя специализированного межрайонного экономического суда Карагандинской области. Он высказывал сомнение относительно прав налоговых органов на судебную реализацию своих полномочий в рамках гражданского судопроизводства, без их разрешения в рамках административного либо уголовного процессов. В вопросах оспаривания сделок автор настаивает на необходимости разделения проблематики на следующие составляющие: мероприятия, предшествующие оспариванию сделок, само оспаривание сделок и ее последствия. Обращаясь к практике рассмотрения исков, Т.И. Токбулатов указывает, что «отрицания учредителями своего отношения к предприятию не подвергались сомнению, при этом не принимаются во внимание активные действия на стадии подготовки документов – составление и подписание Устава, действия по нотариальной регистрации, изготовление печатей, регистрация в органах юстиции и налоговых органах, постановка на учет в органах статистики, открытие расчетных счетов, аренда помещений для определения юридического адреса» [10]. Это, безусловно, инициативные, активные и целенаправленные действия, которые, как верно полагает автор, нельзя рассматривать как действия лиц, не имеющих отношения к созданию предприятия.

Рассмотрим примеры судебной практики. В 2020 г. в экономическом суде Восточно-Казахстанской области автору данной статьи довелось представлять интересы ответчика, ТОО «Обшор», по иску органов государственных доходов об отмене сделки купли-продажи доли в уставном капитале, совершенной в 2015 г. (№ 6309-20-00-2/2029). Суть в том, что спустя четыре года новый собственник обратился в налоговые органы с заявлением, что к перерегистрации отношения не имел, предпринимательской деятельностью не занимался. Налоговый орган без выяснения мотивов, без установления фактических обстоятельств деятельности нового руководства, за период которого, кстати, установлены и факты выписки бестоварных счетов-фактур, подал в суд соответствующий иск. Обоснованием был указан пункт 11 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2017 г. № 4 «О судебной практике применения налогового законодательства», о том, что «факт регистрации (перерегистрации) юридического лица на физическое лицо, которое не имеет отношения к его созданию (перерегистрации) является основанием для признания недействительной регистрации (перерегистрации) юридического лица» [9]. На вопросы адвоката представитель налогового органа заявил, что результаты отмены государственной перерегистрации будут положены в основу тре-

бований о корректировке налоговых обязательств контрагентами. При этом проблемы, возникающие у прежнего добросовестного учредителя, к которому переходит предприятие с образовавшимися обязательствами, налоговому органу по сути безразличны.

На основании адвокатских запросов были получены сведения от нотариуса, подтвердившего добровольное волеизъявление покупателя, от государственного регистрационного органа о наличии более двадцати решений нового участника (приказы о назначении исполнительного органа, решения участника, информационные письма и обращения, заявления в том числе и нотариальные и др.), которые свидетельствовали об активной реализации полномочий по управлению хозяйствующим субъектом. Получены сведения о начислении заработной платы, распоряжении расчетными счетами, которые были представлены суду. Проверив все доводы, суд в иске налоговых органов отказал. Апелляционная инстанция оставила решение без изменения.

Подобный пример рассматривает в статье и Т.И. Токбулатов, говоря о негативных последствиях для добросовестных предпринимателей, «когда новый собственник умышленно или по нерадивости в течение длительного времени ведет деятельность с нарушением налогового законодательства, затем инициирует обращение в налоговые органы, решение суда, которым все бремя налоговой ответственности переходит добросовестному налогоплательщику. При этом налоговый орган подтверждает, что задолженность по налогам у предприятия образовалась именно в период после перерегистрации» [10]. Приводя данный пример, автор предлагает использовать его в практике судебных споров с налоговыми органами путем сбора доказательственной базы о целенаправленных и активных действиях недобросовестных покупателей, указывающих на реализацию организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций. Такие доказательства, как указано выше, могут быть получены путем запросов и исследования документов нотариальных палат, органов юстиции, банковских организаций, пенсионных фондов. Как правило, в самих налоговых органах также достаточно переписки с исполнительными органами юридических лиц, в том числе ответов на уведомления, письменных заявлений, сведений о назначении руководителей, получение ЭЦП, ответов на уведомления и т.п.

Далее, анализируя аргументы Т.И. Токбулатова, следует обратить внимание на мнение автора, в котором он считает, что пункт 19 Нормативного постановления № 4 «О судебной практике применения налогового законодательства» (в редакции от 29 июня 2017 г.) не подлежит применению в части запрета на судебные проверки налоговых уведомлений по существу, поскольку статьей 96 Налогового кодекса налогоплательщику предоставлено право доказывания действительности сделки. Еще одна весьма актуальная и нерешенная проблема – неурегулированность степеней рисков, где «необходимо также определить пределы судебного разбирательства. В частности, является ли предметом судебного надзора само определение степени риска. Судебная власть не должна самоустраняться от ревизии обоснованности и законности определения степени риска [10].

Разделяя изложенную позицию, хочется отметить, что автором проведен глубокий анализ спорной тематики и намечены пути ее решения.

Интересно, что тему неопределенности степеней рисков автор настоящей статьи уже ранее рассматривал на одном из примеров по оспариванию таможенных доначислений, где тоже пришел к выводу о необходимости четкой регламентации критериев оснований проверок, поскольку существующая система управления рисками (СУР), сама несет высокую степень коррупционных рисков [12].

Необходимо обратить внимание на положения Приказа председателя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции № 268 от 21 августа 2020 г., которым утверждены Методические рекомендации по проведению научной антикоррупционной экспертизы. В них в перечень коррупционных рисков включен такой фактор как недостаточная прозрачность деятельности, то есть такое положение нормативного правового акта, которое ограничивает гарантированную прозрачность в деятельности должностных лиц и/или государственных органов.

Недостаточная прозрачность выявляется в случае отсутствия или недостаточного описания:

- положений и процедур обеспечения доступа общественности к информации о применении проекта нормативного правового акта;
- норм представления отчетов о результатах деятельности должностных лиц и/или государственных органов;
- норм, обеспечивающих информационную прозрачность должностных лиц и/или государственных органов с использованием современных информационных технологий [11].

Как видно все указанные коррупционные риски присущи алгоритмам применения СУР. Сюда же можно отнести и риски широкой дискреции полномочий, отсутствие внятного урегулирования административных процедур, недостаточность механизмов контроля, недостаточность механизмов обжалования.

Результаты исследования

Среди намечившихся позитивных тенденций в спорах с налоговыми органами следует отметить активную правозащитную роль в этом вопросе Национальной палаты предпринимателей «Атамекен» и роль судов, проявляющих принципиальную позицию по таким спорам.

На интернет-ресурсе Национальной палаты предпринимателей периодически публикуется положительный для бизнеса опыт разрешения споров с налоговыми органами. К примеру, в Западно-Казахстанской области суд принял во внимание первичные документы о прохождении товара и его соответствующее оформление при доставке на склады, выписки по банковскому счету, грузовые документы, а также доказательства отражения сделки в налоговых декларациях. Суд указал, что отсутствие у поставщика активов (зданий, транспортных средств, земельного участка и т. д.) должно учитываться в совокупности с другими доказательствами, а не в качестве основного.

Во втором случае судом отказано в иске о признании недействительной сделки на сумму почти 980 млн. тенге. Суд принял доказательства приобретения товара у конкретного поставщика, его движения до конечного потребителя и ряд других доказательств, опровергающих доводы истца о мнимости сделки, и вынес решение об отказе в иске [14].

При этом следует обратить внимание, что в обоих случаях существенную роль в исходе дел сыграли дисциплинированность предпринимателей в ведении бухгалтерского и налогового учета, качественное, своевременное и полное заполнение всего комплекса бухгалтерской, финансовой и налоговой документации, отражение ее в учете предприятия.

На данный аспект особо следует обратить внимание предпринимателям, пренебрегать им нельзя, поскольку в результате таких упущений иск может быть проигран только по формальным основаниям.

Значительный интерес в исследовании темы представляет также статья налогового эксперта А. Масатбаева, в которой он провел анализ Нормативного постановления ВС РК «О судебной практике применения налогового законодательства» № 4 (в редакции от 29 июня 2017 г.).

В статье излагается не только логический алгоритм действий налоговых органов по выявлению сомнительных сделок и обращению в суд, но и на основе анализа конкретных судебных решений и практического опыта представляет конкретные рекомендации бизнесу по защите своих законных интересов.

Приводя методологию выявления неблагонадежных поставщиков, автор указывает, что к зоне риска относятся предприятия: имеющие низкий коэффициент налоговой нагрузки при значительных оборотах по НДС и совокупному годовому доходу для КПП, не имеющие персонала и активов. «Сведения таможенных органов об отсутствии импортных операций формально также приближают налогоплательщика к квалификации неблагонадежного. Акт обследования налогоплательщика, подтверждающий его отсутствие по юридическому адресу, завершает процесс квалификации».

Рассматривая положения пункта 6 вышеуказанного Нормативного постановления, автор указывает, что «выписка налогоплательщиком фиктивного счета-фактуры при отсутствии признаков уголовного правонарушения, влечет административную ответственность по статье 280 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях» [13].

Далее можно привести пример, когда суд отказал в иске и одним из аргументов указал, что «только при невозможности привлечения к ответственности лица, выписавшего фиктивный счет-фактуру, органы государственных доходов имеют право обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства с иском о признании сделки недействительной. Таковые действия истцом произведены не были» [15].

Весьма глубокий и всесторонний дискурс исследуемой проблемы представлен в статье А. Перегрини и В. Воронова, которые со ссылкой на пункт 6 вышеназванного Нормативного постановления указывают, что «право налогового органа на обращение в суд неразрывно связано с условием доказанной невозможности привлечения к ответственности лица, выписавшего фиктивный счет-фактуру. Следовательно, на момент подачи иска должно быть установлено потенциально виновное лицо и должны иметься доказательства невозможности привлечения этого лица к ответственности» [14].

Следует отметить, что в более ранней редакции данный пункт Нормативного постановления предполагал обращение органов государственных доходов в суд только «при невозможности привлечения к ответственности лица, выписавшего фиктивный счет-фактуру». Авторы обоснованно, со ссылкой на пункт 4 статьи 8 Налогового кодекса указывают, что «две нормы, содержащиеся в этом пункте, исключают предъявление иска без налоговой проверки. Только в ходе проверки налоговыми органами могут быть: а) установлены и описаны нарушения налогового законодательства, б) собраны доказательства (то есть «описаны обстоятельства нарушений»)» [16].

Авторы предлагают два пути решения проблемы, первый это – неукоснительное соблюдение закона, «тогда большинство исков налоговых органов о недействительности сделок будут отвергнуты судами до возбуждения дела из-за несоблюдения обязательного досудебного порядка (проверка) либо на стадии рассмотрения из-за отсутствия надлежащих доказательств» [14]. Второй путь – формирование допустимого правоприменения в рамках закона, путем исключения необоснованных затрат в ходе налоговой проверки «описав нарушения и собрав доказательства», «тогда несогласный налогоплательщик, чья презумпция добросовестности не нарушена, поскольку налоговый доказывает обратное, обращается по инстанциям, а может – и в суд, получив все доказательства от налогового (а доказательства допустимые, поскольку добыты, как положено, в рамках проверки), примет мудрое и законное решение по вопросу о недействительности» [16].

Авторы высказывают мнение, что статья 216 Уголовного кодекса вообще лишняя в кодексе, вносит путаницу, позволяет уклониться от ответственности и ее диспозиция полностью поглощается диспозицией статьи 245 Уголовного кодекса. Отметим, что длительное время мы принципиально не разделяли данную позицию и выступали против исключения данного состава в современных реалиях. Безусловно, деятельность по выписке бестоварных счетов-фактур, по сути, приобрела статус преступной специализации. Следует отметить, что этой форме деятельности присущи такие признаки как вовлеченность в нее круга квалифицированных специалистов в области бухгалтерского и налогового учета, в области государственной регистрации и ликвидации субъектов предпринимательства. Но с развитием системы применения электронных счетов-фактур, усиления эффективности налогового администрирования на определенном этапе этот вид преступной деятельности изживет себя.

К сожалению, судебная, а особенно следственно-прокурорская практика, подходов к критериям доказывания таких преступлений с каждым годом неосновательно упрощается. Сам конструктив статьи 216 Уголовного кодекса в значительной степени поверхностный.

По сути, алгоритм выглядит таким образом:

1. Получение предварительного заключения по оборотам реализации «Пирамида»;
2. Получение признательных показаний номинального участия руководителей;
3. Признание сделок недействительными или отмена перерегистрации предприятий;
4. Получение заключений специалистов (экспертов) о суммах предполагаемых доначислений контрагентам, исходя их общего оборота по реализации.

Исполнение данного алгоритма, как правило, позволяет следователям получить обвинительный приговор суда.

Дополнительная квалификация экономических составов по статье 262 Уголовного кодекса (ОПГ), по сути, стала «бичом» предпринимателей. Инкриминируется она, во-первых, для увеличения формально-количественных показателей, а во-вторых, по ОПГ суд легко даст санкцию на арест бизнесмена, так как по чисто экономическим составам арест невозможен или весьма затруднителен.

Вынуждены констатировать, что основу организованной преступности в Казахстане с легкой руки следователей финансового мониторинга уже составляют представители бизнес-сообщества – директора и бухгалтера предприятий.

К примеру, в 2022 г. согласно отчетам 1-М, размещенным на портале КПС и СУ ГП РК, указано о расследовании 341 дела по статье 216 Уголовного кодекса, из которых:

- 29 прекращено по не реабилитирующим основаниям (значит есть основания продолжать преследовать бизнес в рамках налогового администрирования);
- 69 прекращено по реабилитирующим основаниям, то есть преследовали бизнес и контрагентов незаконно;
- 28 дел прервано (приостановлено) и окончательного решения нет.

Аналогичная статистика по статье 245 Уголовного кодекса (уклонение от уплаты налогов), где в этом году зарегистрировано 24 дела, а с прошлыми годами расследовалось 84 дела, при этом прекратили 56 уголовных дел. По ОПГ (статья 262 Уголовного кодекса) в 2022 г. зарегистрировано 24 дела, из них прекращено 8 дел, в том числе 7 по реабилитирующим основаниям.

Задерживали в целом 182 предпринимателя, 133 было арестовано, под стражей «сидели» от 3 до 6 месяцев – 24 человека, от 6 до 9 месяцев – 9 человек, свыше 9 месяцев – 2 человека [15]. Ни о каком продолжении бизнеса не может быть и речи.

Суды в 2021 и 2022 гг. принимали решения прекращения уголовного преследования и оправданий по статье 262 УК более 16 раз по делам бизнеса.

Серьезную озабоченность бизнес-сообщества вызывают периодические изменения в сторону снижения стандартов доказывания в нормативных постановлениях Верховного суда. В настоящее время действует Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О некоторых вопросах применения судами законодательства по делам об уголовных правонарушениях в сфере экономической деятельности» от 24 января 2020 года № 3 [16].

Ряд положений данного Нормативного постановления позволяет органам досудебного расследования инкриминировать «виртуальный ущерб», на основании которого впоследствии контрагенты налогоплательщики подвергаются фактическим налоговым репрессиям.

Так, согласно пункту 18 Нормативного постановления «ущербом, причиненным в результате совершения действий по выписке счетов-фактур без фактического выполнения работ, оказания услуг, отгрузки товаров, является сумма налога и других обязательных платежей, от уплаты которых уклонился контрагент» [16]. Сумма неуплаченных налогов и других обязательных платежей определяется на основании совокупности доказательств, в том числе актом налоговой проверки, заключением специалиста (эксперта) и другими доказательствами».

Исходя из положений статьи 24 УПК, требующей всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, напрашивается проведение встречных проверок контрагентов в целях установления фактических обстоятельств хозяйственных взаимоотношений.

Это позволит контрагенту представить необходимые доказательства, подтверждающие факт получения товаров, работ или услуг, поскольку, во-первых, является превентивной защитой от возможного уголовного или административного преследования за уклонение от уплаты налогов; во-вторых, реализует конституционный принцип презумпции невиновности, а также принцип добросовестности налогоплательщика, декларируемый статьей 8 Налогового кодекса; в-третьих, реализовать положения статьи 96 Налогового кодекса, предоставляющей право налогоплательщику доказывать действительность сделки.

Однако возможность расчета суммы ущерба на основании заключения специалиста или эксперта, дало основания органам досудебного расследования манипулировать или злоупотреблять этим правом.

По факту, эти суммы, указанные выше, исчисляются только на основании данных «Пирамида» по реализации. Фактическое доначисление сумм налогов на лицевые счета конечных бенефициаров-налогоплательщиков не производится, и узнают предприниматели о доначислениях уже после вступления приговора в силу и выставления уведомлений.

Таким образом, судебные органы узаконивают суммы предполагаемого ущерба, а доначисления контрагентам становятся фактическими, подлежащими взысканию зачастую с добросовестных контрагентов.

Нормы статьи 96 Налогового кодекса позволяющей контрагентам оспаривать решения судов на этих этапах уже не действуют, норма не работает, по крайней мере, такие факты из сложившейся практики неизвестны.

Для примера можно привести нормы Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан «О некоторых вопросах применения законодательства о лжепредпринимательстве» от 12 января 2009 года № 1 (утратило силу нормативным постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2018 года № 13) [6].

Так, пункт 10 Нормативного постановления предполагал, что «сопряженный с лжепредпринимательством ущерб определяется как сумма налога, от уплаты которого уклонился контрагент, или сумма кредита, дохода, имущественной выгоды, незаконно полученной контрагентом. В этой связи ущерб, причиненный контрагентом лжепредприятия, в виде неуплаченных налогов, незаконно полученного кредита, дохода, иной выгоды, а также вина в этом руководителя (участника) контрагента подлежат доказыванию с принятием процессуального решения по данному уголовному делу либо должны быть установлены ранее принятым и вступившим в законную силу постановлением о привлечении к административной ответственности, обвинительным приговором суда или постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям» [6].

Нужно обратить внимание, что вплоть до 2019 г. алгоритмы расследования дел о выписке бестоварных счетов-фактур предполагали обязательное проведение встречных проверок контрагентов, определение их позиции касательно бестоварных сделок, назначение налоговых проверок, которым давалась критическая оценка в случае подтверждения фактической поставки товаров, работ или оказания услуг. Проводились товароведческие и иные исследования, определялись фактические затраты налогоплательщика, и при доказанности затрат суммы предполагаемых доначислений по корпоративному подоходному налогу могли уменьшаться в ходе экспертных исследований. Исключение данной нормы из Нормативного постановления следует считать неверным, ухудшившим положение бизнес-сообщества Казахстана в правовой состязательности с государственными органами.

В соответствии с пунктом 13 действующего Нормативного постановления «если предмет сделки является товар, то следует исследовать документы, подтверждающие его производство или приобретение у третьих лиц, в том числе осуществление оплаты за приобретение и реализацию товара. Предметом исследования и оценки могут выступать документы, подтверждающие транспортные расходы по отгрузке товара» [16].

Вместе с тем уголовное судопроизводство, в сравнении с налоговым администрированием и гражданским судопроизводством, располагает более расширенным инструментарием доказывания и реализации задач по беспристрастному расследованию и справед-

ливому судебному разбирательству. В рамках уголовного судопроизводства принципы статьи 24 УПК требуют выяснения обстоятельств, как уличающих, так и оправдывающих подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а также смягчающих и отягчающих их ответственность и наказание.

Полагаем, что устанавливая истину по делу, суд должен быть исследовать не только и не столько документы, сколько фактическую природу товара, его движение и конечную судьбу. При этом необходимо давать оценку фактических затрат на приобретение, перемещение товаров, работ и услуг по всей цепочке контрагентов, а не в отдельной сделке, как это зачастую бывает на практике.

Если злонамеренный умысел контрагента при приобретении товаров, работ и услуг не доказан в ходе расследования, данные суммы не могут быть инкриминированы добросовестным контрагентом-налогоплательщиком. Суммы корпоративного подоходного налога должны быть уменьшены с учетом фактических затрат.

Еще одна проблема состоит в том, что до настоящего времени нет единой практики правовой оценки так называемых номинальных руководителей субъектов предпринимательства. Судебно-следственная практика в их части весьма различна.

В большинстве случаев органы досудебного расследования, получив необходимые признательные показания, дела в отношении «номинальщики» прекращают за отсутствием состава преступления, за деятельным раскаянием или по иным основаниям. В отношении несговорчивых направляют в суд, инкриминируя им соучастие в преступлении в форме исполнителя или пособника. В частности, в городе Шымкенте такие «номинальщики» были осуждены по статье 254 Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность на невыполнение или ненадлежащее выполнение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации. (Приговор 2022 года суда Абайского района г. Шымкент № 5210-21-00-1/299 в отношении Садырбаева М.А. и др.).

Следует отметить, что номинальные руководители должны нести ответственность именно за совершение лицом действий по регистрации субъекта частного предпринимательства в интересах третьих лиц, без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность. Такая ответственность должна быть предусмотрена либо в уголовном, либо в административном кодексе. При рассмотрении вопроса об отмене государственной регистрации/перерегистрации суд должен дать оценку действиям такого учредителя путем внесения частного определения в порядке статьи 270 ГПК РК.

Если такие руководители совершали объективно действия по выписке счетов-фактур: подписывали финансово-хозяйственные документы (договора, счета, акты выполненных работ, переписку с налоговыми и контролирующими органами, заявки на снятие наличных денежных средств и т.п.), участвовали в обналичивании, получали за это вознаграждение, то эти действия, безусловно, образуют состав преступления по статье 216 Уголовного кодекса.

Выводы и предложения

Подводя итоги проведенного исследования, следует признать:

- реформы налогового законодательства не привели к реальной защите добросовестных налогоплательщиков и все еще носят значительный репрессивный характер;
- правоприменительная практика в сфере расследования экономических преступлений не выработала механизмов защиты бизнеса и не позволяет в достаточной мере реализовывать права налогоплательщиков на беспристрастное расследование и справедливое судебное разбирательство;
- действующие отраслевые Нормативные постановления Верховного суда требуют проработки, в целях реализации поручений Президента страны о приведении к балансу системы «гражданин – бизнес – государство».

С учетом проведенного исследования можно сформулировать следующий пакет предложений:

1. В Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О некоторых вопросах применения судами налогового законодательства» № 9 от 22 декабря 2022 г. внести изменения:

- в п. 5 вернуть норму о том, что только при невозможности привлечения к административной или уголовной ответственности лица, выписавшего фиктивный счет-фактуру, органы государственных доходов имеют право обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства с иском о признании сделки недействительной. При этом суду должны быть представлены доказательства невозможности привлечения лица к ответственности;

- в п. 12 предусмотреть норму судебной проверки действий недобросовестных руководителей указывающих на фактическую реализацию организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций и принятие решений.

2. В Нормативное постановление Верховного суда «О некоторых вопросах применения судами законодательства по делам об уголовных правонарушениях в сфере экономической деятельности» № 3 от 24 января 2020 г. внести изменения:

- актуализировать норму о том, что если лицо фактически осуществляло реализацию товаров (работ, услуг) без отражения в бухгалтерском и налоговом учете, его действия не могут быть квалифицированы как выписка бестоварных счетов-фактур, поскольку объектом посягательства в этом случае будет являться установленный порядок бухгалтерского учета и налогообложения реальной предпринимательской деятельности, осуществляемой с указанными нарушениями;

- предусмотреть норму о необходимости проверки фактических затрат налогоплательщика на приобретение товаров, работ и услуг и при доказанности исключать указанные затраты из сумм доначислений;

- актуализировать норму о том, что ущерб, причиненный контрагентом, в виде неуплаченных налогов, незаконно полученного кредита, дохода, иной выгоды, а также вина в этом руководителя (участника) контрагента подлежат доказыванию с принятием процессуального решения по данному уголовному делу либо должны быть установлены ранее принятым и вступившим в законную силу постановлением о привлечении к административной ответственности, обвинительным приговором суда или постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям;

- 2 абзац пункта 18 предлагается изложить в следующей редакции: «сумма неуплаченных налогов и других обязательных платежей определяется на основании совокупности доказательств, в том числе актом налоговой проверки, заключением специалиста (эксперта) по результатам встречных проверок контрагента, с учетом его доводов, исследования фактических обстоятельств получения товаров, работ и услуг, другими доказательствами. Подтвержденные товары, работы и услуги не могут быть включены в сумму ущерба».

Помимо того, необходимо рассмотреть аспекты ответственности номинальных руководителей за совершение действий по регистрации субъекта частного предпринимательства в интересах третьих лиц, без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность, а также прекратить отождествление бизнеса с организованной преступностью.

В.Н. Филатов, Адвокат-басқарушы әріптес Заң кеңесі «Defence & Counsellor», Республикалық адвокаттар алқасы Ғылыми-консультативтік кеңесінің мүшесі: (Алматы қ., Қазақстан Республикасы): Экономикалық құқық бұзушылық істер бойынша салықтық әкімшілік және қылмыстық сот ісін жүргізу. Бизнесті сот арқылы қорғау мәселелері.

Зерттеу қазақстандық заңнаманың, мемлекеттің салық саясаты, бизнесті салықтық әкімшілендіру, бизнесті қылмыстық сот ісін жүргізу орбитасына тарту, сондай-ақ Бизнесті сот арқылы қорғау салаларындағы өзекті мәселелеріне арналған. Автор салықтық әкімшілендіру мен қылмыстық рәсімдердің өзара байланысының жетілмегендігін көрсетеді. Салықтар және өзге де экономикалық құқық бұзушылықтар туралы істер бойынша сот ісін жүргізу, бұл көбінесе бизнесті заңсыз қудалауға әкеп соғады және тұтастай

алғанда елдегі бизнес-ахуалға теріс әсер етеді. Зерттеу заңнаманың жетілмегендігінің бизнес-қоғамдастыққа оң және теріс әсерінің көптеген мысалдарын келтіреді.

Тақырыптың өзектілігі бизнесті қорғау саласындағы мемлекеттік саясаттың тенденцияларымен, Мемлекет басшысының фискалдық саясат саласына сенімділік енгізу, оның ішінде жаңа Салық кодексін қабылдау, қылмыстық қудалауды орбитаға заңсыз тартуды болдырмау қажеттілігі туралы тікелей тапсырмаларымен байланысты. Мемлекет басшысы бизнеске жүктеме азайған кезде құқық қорғау және бақылаушы органдардың іс-әрекеттеріне байланысты көптеген проблемаларға тап болатынына бірнеше рет назар аударды. Жұмыстың жаңалығы осы тақырып бойынша бұрын Қазақстан Республикасында терең және жүйелі зерттеулер жүргізілмегендігінде көрінеді. Осы құқық саласында маманданған ғалымдардың жеткілікті саны жоқ. Мәселенің мәні бірнеше құқықтық салалардың – салық, кеден, қаржы, бюджет, қылмыстық, әкімшілік және басқалардың тоғысында орналасқан және тұтастай алғанда өзара іс-қимылдың нақты тетіктерін әзірлеу қажет.

Автор салық заңнамасының көптеген реформалары адал салық төлеушілерді нақты қорғауға әкелмеді деген қорытындыға келеді; қылмыстық сот ісін жүргізу бизнесті қорғау тетіктерін әзірлемеген және салық төлеушілердің бейтарап тергеу мен әділ сот талқылауына құқықтарын жеткілікті дәрежеде іске асыруға мүмкіндік бермейді; Жоғарғы Соттың қолданыстағы салалық нормативтік қаулылары Ел Президентінің әділетсіздікке әкелу туралы тапсырмаларын іске асыру мақсатында пысықтауды талап етеді. «азамат – бизнес – мемлекет» жүйесінің теңгеріміне.

Түйінді сөздер: бизнесті қорғау, салықтық әкімшілендіру, қылмыстық сот ісін жүргізу, Экономикалық құқық бұзушылықтар, салық төлеуден жалтару, салықтық тексеру, беставарлық шот-фактураларды жазып беру, салық саласындағы құқық бұзушылықтар, бизнесті қылмыстық сот ісін жүргізу орбитасына негізсіз тарту, мәмілелерді жарамсыз деп тану, заңды тұлғаны мемлекеттік тіркеудің күшін жою, салық төлеушінің нақты шығындары

B.N. Filatov, Lawyer - Managing Partner of the Law Firm “Defense & Counsellor”, Member of the Scientific Advisory Council of the Republican Bar Association (c. Almaty, Republic of Kazakhstan): Tax administration and criminal proceedings on economic offenses on cases of economic offenses. Problems of judicial protection of business.

The study is dedicated to current problems of Kazakhstan legislation, in the areas of tax policy of the state, tax administration of business, involvement of business in the realm of criminal proceedings, as well as judicial protection of business. The author points out the imperfection of the relationship between tax administration and criminal procedures. Proceedings on tax and other economic offenses, which often result in illegal prosecution of business and in general has a negative impact on the business climate in the country. The study provides numerous examples of both positive and negative impact of regulatory imperfections on the business community. Based on the relevance of the topic, certain ways of solving the most acute problems in the relationship between the state and business in the field of fiscal policy are proposed.

The relevance of the topic is dictated by the state policy tendencies in the protection of business, direct orders of the Head of State on the importance of bringing transparency into the area of fiscal policy, including the adoption of a new Tax Code, the exclusion of illegal involvement in the orbit of criminal prosecution. The President repeatedly drew attention to the fact that while reducing the burden on business, the latter still faces numerous problems related to the actions of law enforcement and supervisory authorities. *The novelty* of the work is that deep and systematic research on this topic has not been conducted in the Republic of Kazakhstan before. There is no sufficient number of scientists specializing in this area of law. The very essence of the problem is at the intersection of several legal branches - tax, customs, financial, budgetary, criminal, administrative and others and in general it is necessary to develop real mechanisms of interaction to maintain a balance of interests such as private and public, state and business.

The author reaches the conclusion that numerous reforms of tax legislation have not resulted in real protection of bona fide taxpayers; criminal proceedings have not developed mechanisms for the protection of business and do not allow for adequate realization of the rights of taxpayers to an impartial investigation and fair trial; the current sectoral normative rulings of the Supreme Court require elaboration to implement the order of the President of the country to bring to a balance of the system “citizen - business - government”.

Keywords: business protection, tax administration, criminal proceedings, economic offenses, tax evasion, tax audit, issuance of non-warranted invoices, offenses in the area of taxation, unjustified involvement of business in the orbit of criminal proceedings, invalidation of transactions, cancellation of state registration of a legal entity, actual costs of a taxpayer, additional tax assessment, Normative rulings of the Supreme Court.

Список литературы:

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана 02 сентября 2019 г. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana.
2. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана 02 сентября 2020 г. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37768784.
3. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 01 сентября 2022 г. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130>.
4. Филатов В.Н. Куда ведет «зеленый коридор». «Zanger». Вестник права ВС РК. 2020. № 2. С. 35-37. URL: <https://www.zakon.kz/5012874-kuda-vedet-zelenyy-koridor-v-filatov.html>.
5. 19.02.2020 г. «Ак жол» просит Минфин приостановить подачу в суды исков по признанию сделок недействительными. URL: https://akzhol.kz/ru/akzholprositminfinriostanovit/?fbclid=iwar3hxig8aja9dhp082a0duuhxbq1rtewm7xiis8pfdxf-910dmu_7pffnc
6. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 12 января 2009 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о лжепредпринимательстве», утратившее силу нормативным постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2018 года № 13. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P09000001S_.
7. Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/dohody-respublikanskogo-byudzheta-v-2019-godu-sostavyat-7-trln-81-mlrd-tg-mne-rk>.
8. Исаков К.М., руководитель Налогового управления по Ауэзовскому району г. Алматы. Применение системы управления рисками (СУР) в планировании и организации налоговых проверок. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31391067#pos=3;-52.
9. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2017 года № 4 «О судебной практике применения налогового законодательства». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P170000004S>.
10. Токбулатов Т.И. Нужна точность, ясность и недвусмысленность. Анализ практики по налоговым спорам. Газета «Время» за 22.05.2020 г. URL: <https://time.kz/blogs/hocuskazat/2020/05/22/talgattokbulatovnuzhnatochnostyasnostinedvusmyslennost?fbclid=IwAR0DxkGvr3bvDZN6SkjS603aet8hJ0ciSXSMSRwltqC2uVwmXXP3oKXslY>.
11. Методические рекомендации по проведению научной антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов», утверждены приказом Председателя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции (Антикоррупционной службы) от 19.08.2020 г. № 268. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/documents/details/60093?lang=ru>.

12. Сделки признаны действительными. 24.02.2020 г. Портал Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен». URL: <https://atameken.kz/ru/news/34890-sdelki-priznany-dejstvritel-nymi?fbclid=IwAR0DxkGvr3bvDZN6SkjS603act8hJ0-ciSXS MRwltqC2uVwmXXP3oKXsIY>.

13. Масатбаев А. Новая редакция Нормативного постановления ВС РК «О судебной практике применения налогового законодательства» от 4 марта 2020 года и судебная практика налоговых споров о признании сделок недействительными. Возможна ли существенная «смена курса»? URL: https://www.zakon.kz/5010752-novaya-redaktsiyanormativnogo.html?fbclid=IwAR0h1qPu8uytOU nWL4TmIx FkH8wy0nMLiaNTIBjhQA_GB1qErN LyPdIOP48.

14. Перегрин А., Воронов В. Реформы могут носить только правовой характер. Газета «Время» 10.03.2020 г. URL: <https://time.kz/blogs/hocu-skazat/2020/03/10/reformymogutnosittolkopravovojharakter?fbclid=IwAR3tk4HwuIM10GHKCDW2fLPgi7CuCDFJNRRi5hc2TejxjJWkUO5Cp7wv-Q>.

15. Интернет-портал Комитета правовой статистики при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. URL: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>.

16. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О некоторых вопросах применения судами законодательства по делам об уголовных правонарушениях в сфере экономической деятельности» от 24 января 2020 г. № 3. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P200000003S>.

References (transliterated):

1. Poslanie Glavy gosudarstva K. Tokayeva narodu Kazakhstana 2 September 2019 URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana.

2. Poslanie Glavy gosudarstva K. Tokayeva narodu Kazakhstana 2 September 2020 URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37768784.

3. Poslanie Glavy gosudarstva K. Tokayeva narodu Kazakhstana 1 September 2022. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130>.

4. Filatov V.N. Kuda vedet “zeleniy koridor”. «Zanger». Vestnik prava VS RK. 2020. № 2. S. 35-37. URL: <https://www.zakon.kz/5012874-kuda-vedet-zelenyy-koridor-v-filatov.html>.

5. 19.02.2020. «Ак zhol» prosit Minfin priostanovit podachu v sudy iskov po pryznaniyu sdelok nedeistvitelnimy URL: https://akzhol.kz/ru/akzholprositminfinriostanovit?fbclid=iwar3hxig8aja9dhp082a0duuhxbq1rtewm7xiis8pfdxfz-910dmu_7pffnc

6. Normativnoye postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan 12 January 2009 № 1 «O nekotorykh voprosakh primeneniya zakonodatelstva o lzheprepdprinimatelstve», utrativshee silu 29 June 2018 URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P09000001S>.

7. Oficialniy informatsionniy resurs Premier Ministra Respubliki Kazakhstan URL: <https://primeminister.kz/ru/news/dohody-respublikanskogo-byudzheta-v-2019-godu-sostavyat-7-trln-81-mlrd-tg-mne-rk>.

8. Isakov K.M., rukovoditel Nalogovogo upravleniya po Auezovskomu raiyonu goroda Almaty. Primenenie systemy upravleniya riskami v planirovanii I organisatsii nalogovikh prov-erok URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31391067#pos=3;-52.

9. Normativnoye postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan 29 June 2017 № 4 «O sudebnoy praktike primeneniya nalogovogo zakonodatelstva» URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P170000004S>.

10. Tokbulatov T.I. Nuzhna tochnost, yasnost I nedvusmyslennost. Analiz praktiki po nalogovym sporam. Gazeta Vremya. Tokbulatov T.I. 22.05.2020 URL: <https://time.kz/blogs/hocuskazat/2020/05/22/talgattokbulatovnuzhnatocnostyasnostinedvusmyslennost?fbclid=IwAR0DxkGvr3bvDZN6SkjS603act8hJ0ciSXS MRwltqC2uVwmXXP3oKXsIY>.

11. Metodicheskie rekomendatsii po provedeniyu nauchnoi antikorrupcionnoy Metodicheskie rekomendatsii po provedeniyu nauchnoi antikorrupcionnoy ekspertizy projektov normativnykh pravovykh aktov», утверждены приказом Председателя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции (Антикоррупционной службы) от 19.08.2020 г. № 268. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/documents/details/60093?lang=ru>.

12. Sdelki priznany deistvitelnymi. 24.02.2020 g. Portal Nacionalnoy palaty predprinimateley «Atameken». URL: <https://atameken.kz/ru/news/34890-sdelki-priznany-dejstvitelny-mi?fbclid=IwAR0DxkGvr3bvDZN6SkjS603ae-t8hJ0-ciSXS MRwltqC2uVwmXXP3oKXsly>.

13. Masatbayev A. Novaya redakciya Normativnogo postanovleniya Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan 4 March 2020 «O sudebnoy praktike primeneniya nalogovogo zakonodatelstva» i sudebnaya praktika nalogovykh sporov o priznanii sdelok nedeystvitelnymi. Vozmozhna li sushestvennaya «smena kursa»? URL: https://www.zakon.kz/5010752-novaya-redaktsiyanormativnogo.html?fbclid=IwAR0h1qPu8uytOUnWL4TmlxFkH8wy0nMLiaNTIBjhQA_GB1qErNLYPdIOP48.

14. Peregrin A., Voronov V. Reformy mogut nosit tolko pravovoy kharakter. Gazeta «Vremya» 10.03.2020 g. URL: <https://time.kz/blogs/hocu-skazat/2020/03/10/reformymogut-nositolkopravovojkharakter?fbclid=IwAR3tk4HwuIM10GHKCDW2fLPgi7CuCDFJNRRi5hc2TejxjJWkUO5Cp7wv-Q>.

15. Internet portal Komiteta pravovoy statistiki pri Generalnoy prokurature Respubliki Kazakhstan URL: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>.

16. Normativnoye postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan 24 January 2020 № 3 «O nekotorykh voprosakh primeneniya sudamy zakonodatelstva po delam ob ugovolnykh pravonarusheniyakh v sfere ekonomicheskoy deyatelnosti» URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P200000003S>.

Для цитирования и библиографии: Филатов В.Н. Налоговое администрирование и уголовное судопроизводство по делам об экономических правонарушениях: проблемы судебной защиты бизнеса // Право и государство. № 1 (102), 2024. – С. 31-47. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_1_31

Материал поступил в редакцию 16.02.2024

НОВЫЕ КНИГИ

Жалғас Садуахасұлы. Ислам құқығының жалпы қағидалары.
Изд.: Баспа 2023. – 96 с.

ISBN 978-601-81039-8-8

Кітап Ислам құқығы қағидаларының қалыптасу негіздері мен тарихына қысқаша шолу жасайды. Алғашқы кездегі Ислам құқығының немесе Ислам кодексінің мазмұнын құраған негізгі қағидаларды ұсынып, олардың шығу негіздеріне түсіндірмелер береді. Еңбектің көлемі шағын болғанымен бүгінгі қоғамдағы жалпы заңды және қазақ халқының моральдық нормаларын салыстыра отырып зерттеп зерделеу үшін маңызы жоғары. Кітап жалпы «құқық», «исламтану» және «дінтану» оқу бағдарламаларындағы студенттерге, магистранттар мен докторанттарға, Ислам құқығына қызығушылық танытып жүрген ізденушілерге арналады.

торанттарға, Ислам құқығына қызығушылық танытып жүрген ізденушілерге арналады.

ON THE PRINCIPLE OF UNITY OF INTERPRETATION OF TREATY NORMS IN INTERNATIONAL LAW

A.ZH. ISPERGENOVA

Master's Degree Student,
Higher School of Law,
Maqsut Narikbayev University
(Republic of Kazakhstan,
c. Astana)
e-mail: ispergenova.aya@gmail.
com

The principle of unity of interpretation is one of the fundamental but at the same time one of the ambiguous principles of interpretation of treaty norms in international law. Deviation from compliance with this principle entails consequences in the form of a different understanding and further application of the norms of international law, which in turn creates the possibility of contradictory decisions by international judicial and quasi-judicial bodies. *The importance of legal analysis* of this issue is evidenced by the fact that the “arbitrary” interpretation of the norms of international law casts doubt on the effectiveness of the principles and rules of interpretation of treaty norms enshrined in international law. Despite the fact that the rules and basic principles of interpretation are regulated by the Vienna Convention on the Law of Treaties, each interpreter can apply them in a peculiar way. *The purpose of this study* is a comprehensive analysis of the practice of interpreting the norms of international law by international judicial and quasi-judicial bodies, and to determine the reasons for the different approach of interpretation of the same rule of law. This goal can be achieved in 2 ways: by analyzing the legal nature of the principle of unity, and its law enforcement practice. This article does not analyze the observance of the principle of unity in interpretation by arbitration courts, since this is an issue that requires separate research.

Keywords: the principle of unity, rules of interpretation, legal understanding, law enforcement, norms of international law.

Introduction

The existing rules and principles of legal interpretation, although binding and established in legal science, are often ineffective in practice. Specifically, the issue of adhering to the principle of unity in interpretation remains unresolved. This in turn leads to varying understandings of international law norms and their subsequent application, thereby increasing the possibility of contradictory decisions by international judicial and quasi-judicial bodies.

Speaking of the facts indicating the lack of unity and the existence of different approaches to interpretation, we can consider the legal understanding of the principle “*Aut dedere aut judicare*” – “*Extradite or Prosecute*”, which has found its enshrinement in various universal international documents. For instance in the case “*Questions relating to the Obligation to Prosecute or Extradite*” (*Belgium v. Senegal*), the International Court of Justice of the United Nations (hereinafter referred to as the ICJ) ruled that Senegal must either extradite Hissène Habré, the former president of the Republic of Chad, to Belgium or prosecute him domestically [1, p. 463]. However the interpretation of this principle was somewhat different: the ICJ applied it as “*Prosecute or Extradite*,” thereby altering the essence and primacy of existing obligations. Meanwhile, the practice of similar cases in the European Court of Human Rights prioritizes extradition based on the

primary formulation “Extradite or Prosecute.” To ensure the proper observance of the principle of unity and strengthen the existing system of interpreting international law norms, it is necessary to develop and establish general recommended principles for their application.

Materials and Methods

To achieve the set goal of the research and realize the above-mentioned tasks, both general scientific and specific scientific methods were applied, that commonly used in the study of social relations and international law.

Comparative Legal Method: This method was utilized in the research by comparing existing decisions of judicial and arbitration bodies on the same issues. The aim was to identify similarities and differences in circumstances, thereby uncovering potential reasons for discrepancies.

Inductive Method: This method was applied to discern general trends in the interpretation of legal issues. It involved examining individual judicial and arbitration decisions to derive overarching tendencies and patterns.

Dialectical Method: This method was utilized to identify and explain the necessity of applying the principle of unity. It facilitated an exploration of the contradictions in certain legal issues, and through analysis, the reasons for these contradictions could be explored.

These methods collectively contributed to a comprehensive understanding of the issues under investigation, providing insights into the similarities, differences, and trends in the interpretation of international legal principles by various judicial and arbitration bodies. The analysis aimed to uncover the reasons behind divergent interpretations and contribute to the broader understanding of the unity principle in international law.

Research Results

Unity in interpretation as the basic principle of the rules of interpretation in international law

The rules for interpreting contractual provisions are regulated by the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969. However, for a more profound understanding of these rules and their adherence, it is advisable to conduct an analysis of the existing legal literature on interpretation. Considering that the interpretation of provisions in an international treaty constitutes the interpretation of legal norms, all known means of interpretation in legal doctrine and practice should be applied to it, except for those means that cannot be applied to an international treaty as a voluntary expression of sovereign entities [2, p. 83]. It is generally recognized that the basic principles (rules) of treaty interpretation include the principle of good faith, the principle of unity and the principle of effectiveness, which are in fact reflected in the provisions of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. The wording of articles 31 and 32 of the Vienna Convention defines the obligation to interpret a treaty in good faith, according to its object and purpose [3]. However, there is no explicit formulation of the principle of unity in the text, despite the implied obligation of uniform interpretation in all cases and with respect to all subjects. In this regard, M. Villiger in his Commentary on the 1969 Vienna Convention notes that paragraphs 2 and 3 of Article 31 provide for a uniform interpretation of the treaty by and for the parties, and in fact provides *ex hypothesi* “correct” interpretation of the norm between the parties, as it predetermines which of the meanings should be applied [4, p. 429]. This indicates that the principle of unity of interpretation is the basis for determining the unified direction in which international legal obligations arising from treaties are to be implemented. It is evident that the majority in the modern doctrine of international law recognizes this fact. Similarly, Professor G. Warnke asserts that in interpreting legal norms, the pursuit of unity is undoubtedly one of the appropriate guiding principles, which constitutes a standard of legal interpretation [5, p. 409]. It is necessary to acknowledge that adherence to the principle of unity in interpretation plays a significant role in the overall understanding and application of norms in international law. Failure to adhere to it raises questions about the legality of such divergent interpretations, which deviate from the established common - singular meaning of legal norm interpretation.

In turn Ronald Dworkin boldly proposes that the unity of interpretation is ensured by his three-stage theory of interpretation: firstly, by individualizing the practice and distinguishing between types of interpretation; secondly, by attributing a set of objectives to the type of interpretation determined in the first stage; and finally, determining the best realization in a specific case [6, p. 563], which serves as the basis for its subsequent application. This three-stage sequence can argue in favor of the unity of interpretation because it provides a structural sequence of interpretation and helps identify the best interpretation, which subsequently forms the basis for its establishment as a uniform practice. However, there is an opposing view on this issue. Lawrence B. Solum argues that this concept is not tenable because “an action is successful only when it achieves its goal” and according to the formulation of the three-stage sequence the best interpretation cannot always become the basis for establishing a uniform interpretation of the norm. B. Solum believes that interpretation of the norm comes after determining the semantic content of the legal text. That is interpretation defines the range of legal content and it is either constrained by the text or too extensive, which in both cases leads to different practical legal consequences [7, p. 565]. Thus, the existence of the principle of unity in law is not denied, moreover, there is its development as one of the fundamental principles of international law. However, there are different opinions on the binding nature of its observance. Taking into account the above the question arises: how is it possible to establish a uniform interpretation of the norms of international law, and what can lead to the evasion of its observance?

The basic concept of the principle of unity implies that rules of law must be interpreted uniformly in all cases. That is, the same entity, in a particular case a judicial or quasi-judicial body, cannot interpret a norm in one way in one case and in another way in a second case [8, p. 120]. Otherwise, the risks increase substantially: misunderstanding of international law norms, non-compliance with treaty obligations by the parties, conflicting decisions by judicial and quasi-judicial bodies on similar issues, all of which compromise the traditional understanding of international law. If, in fact, the legal community, in determining the importance of the role of international law, seeks to enhance compliance with it, it must, in its interpretation and application, through synthesis or deduction methods, reflect the legal vision, needs and aspirations of all components of that community.

It is quite evident that without adherence to the rules of interpreting legal norms, there is no proper understanding of the law, which subsequently leads to the impossibility of its application. However, in this aspect, unity in interpretation allows for determining the original meaning of the legal norm and establishes the conditions for its application, thereby limiting entities in arbitrary interpretation and application of the law. It is important to note that compliance with the fundamental principles of interpretation collectively enables the high-level interpretation of international legal obligations; otherwise, problems arise in understanding and applying norms of international law. Adhering to the principle of unity in interpretation enables international judicial and quasi-judicial bodies to properly apply international legal norms for the fair and objective resolution of legal disputes.

Discussion

Differences in the practice of applying the principle of unity in the interpretation of international law

Currently, due to the disparate understanding and different approaches in the interpretation of the same norms of international law, problems arise related to the issues of law enforcement in order to ensure fair resolution of legal disputes. From a practical point of view, it is possible to identify facts indicating the difficulties of such implementation, since the same rules and principles of law are interpreted and subsequently applied by each judicial and quasi-judicial body in its own way. Unity of judicial practice implies uniform application and interpretation by courts of norms of substantive and procedural law. It should be noted that when making a decision, judges take into account judicial practice, and on the basis of judicial discretion make a final decision [9, p. 31]. Thus, Korshunova P.V. emphasizes the need to determine a single vector in the legal un-

derstanding of the norm of law, because it affects its law enforcement practice. In the current conditions, the problem of maintaining unity is relevant and, therefore, requires proper regulation. The reason is the lack of a clearly developed mechanism for the implementation of the principle of unity in interpretation and judicial practice.

The analysis is based on a comparison of the legal understanding and application of the principle “*Aut dedere aut judicare*” – “*Extradite or Prosecute*” by various judicial and quasi-judicial bodies. This principle is enshrined in various universal instruments in the field of international peace and security and is an obligation for States. The principle of “extradite or prosecute” defines the common goal of States in the fight against crime, and sets out the alternatives for the requested State, upon receiving a request for extradition of a person present in its territory: either to surrender the person concerned to the requesting State or to try the case in its own courts [10, p. 47, 49]. Nevertheless, practice shows that extradition issues are paramount in this matter. For example, the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, articles 17 and 18, stipulate that all States parties to the Convention are obliged to extradite or prosecute the persons concerned if they have jurisdiction over the offences concerned [11]. Article 8 of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment also establishes the obligation to extradite persons who have committed an offence and, where this is not possible, the obligation to establish the jurisdiction of the State in which the person is located for further legal proceedings [12]. That is, under the provisions of the above-mentioned treaties, the obligation to extradite individuals is a primary duty, and only in cases where extradition is not possible does the obligation to prosecute under the domestic laws of the state arise. The interpretation of the “Extradite or Prosecute” principle, as noted by researchers, depends on the circumstances of the case and may signify either a priority of extradition or prosecution, or be understood as imposing both obligations equally on the state [13, p. 21]. However, several questions arise: how to fairly assess the priority of one obligation over another, to what extent such an approach to interpretation is legitimate, and whether it violates fundamental principles and rules of interpreting norms of international law. For instance, in its judgment in the case of “*Ahorugeze v. Sweden*”, the European Court of Human Rights ruled that the extradition of the applicant to Rwanda was lawful and upheld the Decision of the Swedish authorities dated July 7, 2009, according to which the applicant should be extradited to Rwanda to face trial on charges of genocide and crimes against humanity [14]. This decision is justified by Articles 1 and 4 of the Swedish Criminal Extradition Act, since “a person who is suspected or accused in a foreign state or found guilty of acts punishable there, may be extradited to that state by decision of the authorities” [15]. Similarly, the Oslo Court of First Instance in Norway on July 11, 2011 granted the request for extradition to Rwanda of Charles Bandora; the European Court of Human Rights in its Rulings in the cases of *Mamadaliiev v. Russian Federation*, *Soering v. United Kingdom*, *Tadjibaev v. Russian Federation* and others, indicated the priority of the obligation to extradite persons suspected of having committed a crime, provided that there is no real threat of persecution against life or liberty.

The analysis of the practice of the International Criminal Tribunal for Rwanda (hereinafter – ICTR) in the decision on extradition cases of perpetrators also has a place in this paper, because according to 11 bis of the Rules of Procedure and Evidence of the ICTR and case law, the Chamber of the Court may order the transfer of the case to a state that has jurisdiction over the crime and is willing and ready to accept the case [14]. Thus, in the Uwinkindi Transfer Case, the ICTR for the first time ordered the transfer of a genocide suspect for trial in Rwanda who had been indicted. On similar grounds, the cases of V. Munyeshyaka and L. Busyibaruta were transferred to French national courts; the cases of B. Munyagishari and L. Ntaganzwa were transferred to Rwanda. Summarizing the above-mentioned practice, it should be concluded that the European Court of Human Rights and the International Tribunal for Rwanda, in interpreting the principle of “extradite or prosecute”, have adhered to the principle of unity in its interpretation, indicating in their decisions the priority of extradition to the requested State of persons suspected or accused of having committed a crime.

However, the ICJ decision on Questions relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (*Belgium v. Senegal*) was sensational, as the Court interpreted the principle of “extradite or prosecute” in the formulation “prosecute or extradite”, without taking into account the existing practice of the Committee against Torture and other quasi-judicial bodies on similar issues. In the original definition, “Aut dedere aut judicare” establishes the duty to extradite as the primary and fundamental obligation of States under international law, and the duty to judge arises as an alternative in the event that extradition is refused. In this case, the ICJ seemingly altered the priority of obligations by stating in its decision that a state is obligated to prosecute a suspect located within its territory first and only extradite them if prosecution is not feasible [16], thereby leading to a reinterpretation of the traditionally established understanding of the international law principle “Aut dedere aut judicare”. Until this moment, extradition was one of the international legal obligations of states, but now, in view of this ICJ decision, which changes the priority of obligations, the issues of bringing the domestic policy of states in terms of criminal justice in accordance with the norms of international law are of paramount importance, and may create new obstacles to the implementation of the rule of law. Moreover, based on this decision, it becomes impossible for States to grant discretionary political asylum to individuals, as suspects could be charged with violating international law and brought to trial in any country wherever they are hiding. This could then constitute an infringement of State sovereignty and therefore violates one of the basic principles of international law – the principle of non-interference in the internal affairs of another State. The above-mentioned circumstances lay the foundation for the global application of universal jurisdiction.

Taking into account the existing problems arising from the different approaches to interpreting legal norms, the following recommendations are proposed to affirm the application of the principle of unity in interpreting contractual norms in international law:

Firstly, given the heightened need for interpreting Articles 31 and 32 of the Vienna Convention on the Law of Treaties, it is suggested to request an assessment from the International Law Commission on the role and significance of the principle of unity in interpretation. Secondly, in light of the absence of an international legal document consolidating all rules and principles of interpretation, and based on existing practice and the arguments put forth by the Commission, it is recommended to codify the rules of interpreting contractual norms in international law. By adopting these recommendations, it is envisaged that a more consistent and harmonized approach to interpreting contractual norms will be established, thereby promoting greater coherence and effectiveness in the application of international law.

Conclusion

The conducted research allows us to conclude that at present, the lack of sufficient regulation of compliance with the rules of interpretation creates problems of legal understanding and further enforcement of international law norms. The principle of unity in interpretation plays a key role and serves as a basis for preventing different interpretation of the same norms by different bodies. Having analyzed the practice of interpretation and application of the principle “Aut dedere aut judicare” – “Extradite or judge” – by various judicial and quasi-judicial bodies, it should be concluded that in some cases there are deviations from the established practice of understanding this principle.

In order to properly adhere to the principle of unity in interpretation and strengthen the existing system of interpreting legal norms, it is necessary to develop and consolidate a generally recommendatory framework. Proposals formulated during the analysis of existing practices of interpreting norms in international law can be among the possible ways to address this issue.

А.Ж. Испергенова, Құқық жоғары мектебінің магистранты Maqsut Narikbayev University (Астана қ., Қазақстан Республикасы): Халықаралық құқықтағы шарттық нормаларды түсіндірудің бірлігі қағидаты туралы.

Түсіндіру бірлігі қағидаты халықаралық құқықтағы шарттық нормаларды түсіндірудің негізгі, бірақ сонымен бірге екіұшты қағидаттарының бірі болып табылады. Осы қағиданы сақтаудан ауытқу халықаралық құқық нормаларын әр түрлі түсіну және одан әрі қолдану түріндегі салдарға әкеп соғады, бұл өз кезегінде Халықаралық сот және квази-сот органдарының қарама-қайшы шешімдер қабылдау ықтималдығын тудырады. Бұл мәселені құқықтық талдаудың маңыздылығын халықаралық құқық нормаларын “ерікті” түсіндіру халықаралық құқықта бекітілген шарттық нормаларды түсіндіру қағидалары мен ережелерінің тиімділігіне күмән келтіретіндігі дәлелдейді. Түсіндірудің ережелері мен негізгі қағидаттары Халықаралық келісімшарттар құқығы туралы Вена Конвенциясымен реттелгеніне қарамастан, әр түсінік беруші оларды өзіндік ерекше түрде қолдана алады. Бұл зерттеудің мақсаты халықаралық сот және квази-сот органдарының халықаралық құқық нормаларын түсіндіру практикасын кешенді талдау және бірдей құқық нормаларын түсіндірудің әртүрлі тәсілдерінің себептерін анықтау болып табылады. Бұл мақсатқа 2 жолмен қол жеткізуге болады: бірлік қағидатының құқықтық табиғатын және оның құқық қолдану тәжірибесін талдау арқылы. Бұл мақала төрелік соттардың түсіндіруіндегі бірлік қағидатының сақталуын талдамайды, өйткені бұл жеке зерттеуді қажет ететін мәселе.

Түйінді сөздер: бірлік қағидаты, түсіндіру ережелері, құқықтық түсіну, құқық қолдану, халықаралық құқық нормалары.

А.Ж. Испергенова, магистрант Высшей школы права Maqsut Narikbayev University (г. Астана, Республика Казахстан): О принципе единства толкования договорных норм в международном праве.

Принцип единства толкования является одним из основополагающих, но в то же время одним из неоднозначных принципов толкования договорных норм в международном праве. Отступление от соблюдения данного принципа влечет за собой последствия в виде различного понимания и дальнейшего применения норм международного права, что в свою очередь порождает вероятность принятия противоречивых решений международными судебными и квазисудебными органами. О важности правового анализа данного вопроса свидетельствует тот факт, что «своевольное» толкование норм международного права ставит под сомнение эффективность закрепленных в международном праве принципов и правил толкования договорных норм. Несмотря на то, что правила и основные принципы толкования регламентированы Венской Конвенцией о праве международных договоров, каждый толкователь может применить их своеобразно. Целью данного исследования является комплексный анализ практики толкования норм международного права международными судебными и квазисудебными органами, и определение причин различного подхода толкования одной и той же нормы права. Данная цель достигаться 2 способами: путем анализа правовой природы принципа единства, и ее правоприменительной практики. Данная статья не анализирует соблюдение принципа единства в толковании арбитражными судами, поскольку это вопрос, требующий отдельного исследования.

Ключевые слова: принцип единства, правила толкования, правопонимание, правоприменение, нормы международного права.

References:

1. Questions relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal), Judgment, I.C.J. Reports 2012, p. 463. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/144/144-20120720-JUD-01-00-EN.pdf>
2. Malenkova, V. S. Interpretation of international treaties. Eurasian Union of Scientists, 2015. 10-6 (19). P. 82-83.
3. Vienna Convention on the Law of Treaties (Vienna, 23 May 1969). URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_1_1969.pdf
4. Villiger, M. E. Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Brill. 2009

5. Warnke, G. Justice and interpretation. MIT Press; Greenawalt, K. (1997). Interpretation and judgment. Yale JL & Human., 9, 1997. 415 p.

6. Ronald Dworkin, Response to Panel II: Interpretation at Justice for Hedgehogs: A Conference on Ronald Dworkin's Forthcoming Book (Sept. 25-26, 2009) (transcript on file with the Boston University Law Review) – supra note 5, at 4.

7. Solum, L. B. The unity of interpretation. BUL Rev., 2010. Vol. 90, 551 p.

8. Darda, A. V. General principles and rules of judicial interpretation of universally recognized principles and norms of international law. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences, 2004. (1). P. 117-123.

9. Korshunova, P. V. Unity of judicial practice and legal means to ensure it. University proceedings Volga region. Social Sciences, 2019. Vol. 2 (50). P. 25-35.

10. The universal legal framework against terrorism. United Nations Office on Drugs and Crime. UNODC. (2010) URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Training_Curriculum_Module2/English.pdf

11. Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism (Warsaw, 16 May 2005). URL: <https://rm.coe.int/16808c3f55>

12. Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (by General Assembly resolution 39/46, 10 December 1984). URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-against-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading>

13. Nollkaemper A. Wither Aut Dedere? The Obligation to Extradite or Prosecute after the ICJ's Judgment in Belgium v Senegal. Journal of International Dispute Settlement. 2013. T. 4. №. 3. C. 501-519.

14. Solveig A. Business Issues relating to the obligation to prosecute or exceed (Belgium v. Senegal). Significance of the judgment rendered by the UN International Court on 20 July 2012. International Justice. 2014. №. 1 (9). P. 11-23.

15. Judgment of the European Court of Human Rights of October 27, 2011. The case of Ahorugeze v. Sweden (N 37075/09). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22002-335%22%5D%7D>

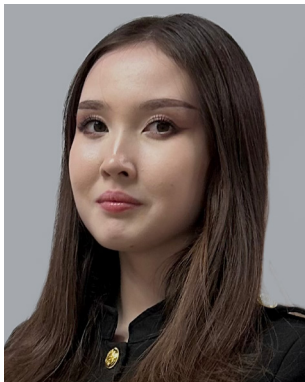
16. Swedish Act on The Extradition for Criminal Offences 1957 г. (Lag om utlämning för brott, 1957:668). URL: https://sherloc.unodc.org/cld/en/legislation/swe/the_extradition_for_criminal_offences_act_1957668/section_1-13/section_1-13.html

17. Meziaev, A. B. The Hissen Habré case: “Judge or extradite”. 2012. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2012/07/22/delo-hissena-habre-sudi-libo-vydaj-15640.html>

Для цитирования и библиографии: Ispergenova A. On the Principle of Unity of Interpretation of Treaty Norms in International Law // Право и государство. № 1(102), 2024. – С. 48-54. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_1_48

Материал поступил в редакцию 24.01.2024

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘРТЕБЕСІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ҚҰҚЫҚ СУБЪЕКТІЛІГІ ТУРАЛЫ ДАУЛАР

А.А. ОНДАШ,
Maqsut Narikbayev University,
Құқық жоғары мектебі,
ғылыми-педагогикалық
бағытындағы 1-курс
магистранты (Астана қ.,
Қазақстан Республикасы)
e-mail: a_ondash@kazguu.kz

Зерттеу тақырыбының өзектілігі жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесі туралы ғылыми әдебиеттерде белгісіздіктің болуынан туындайды. Бұл ғылыми мақала жасанды интеллекттің (ЖИ) қазіргі құқықтық мәртебесін талдауға және оның құқық субъектілігін анықтауға байланысты мәселелерге арналған. Мақалада ЖИ әрекеттері үшін жауапкершілік, құқықтар мен міндеттер, авторлық құқық пен патенттеу мәселелері сияқты негізгі құқықтық аспектілер қарастырылады. ЖИ-ті құқық субъектісі ретінде тануға қатысты заң қоғамдастығы, ғалымдар және сала өкілдері арасында туындайтын даулар мен пікірталастарға ерекше назар аударылады. Мақалада осы мәселелерді шешудің перспективалары ұсынылады, сонымен қатар заманауи құқықтық контексте жасанды интеллект ерекшеліктерін барабар есепке алу үшін заңнаманы дамытудың мүмкін бағыттары талқыланады. Зерттеу салыстырмалы-құқықтық талдау әдісті қолдана отырып жүргізілді және осы саладағы қолданыстағы нормативтік актілерді, заң практикасын және академиялық жарияланымдарды талдауды қамтиды.

Кілт сөздер: жасанды интеллект, құқықтық мәртебе, құқық субъектілігі, электронды субъект, субъектінің дербестігі, ЖИ жаратушысы, құқықтық жауапкершілік, құқықтық реттеу, ЖИ автономиясы

Кіріспе

Бүгінгі күні технологиялардың қарқынды дамуы және жасанды интеллекттің (ЖИ) адам өмірінің әртүрлі салаларына интеграциясы жағдайында шетелдік те, отандық та әдебиеттерде жасанды интеллектті азаматтық-құқықтық реттеудің бірқатар аспектілері: жасанды интеллекттің құқықтық табиғаты, жасанды интеллектті пайдаланумен байланысты қатынастарды азаматтық-құқықтық реттеудің көлемі мен шектері, осы салада туындайтын тәуекелдер және басқалары пікірталас болып қала береді. Жасанды интеллект бейнеленген ғылыми зерттеулер мен технологиялық прогресс сөзсіз оның қызметінен туындайтын жауапкершілік, құқықтар мен міндеттер мәселелерімен бетпе-бет келеді. Сонымен қатар, қазіргі құқықтық қоғамдастықта ЖИ-тің құқықтық мәртебесі мәселесімен бірге талқыланатын негізгі аспектілердің бірі – жасанды интеллектті құқық субъектісі ретінде тану мәселесі.

Қазіргі қоғам жасанды интеллект жүйелерін көптеген салаларға біріктірудің сөзсіз қажеттілігіне тап болады. Жасанды интеллект медицинада, кәсіпте, әртүрді деңгейдегі білім беруде, көлік, құрылыс, ғарыш және т.б. салалардағы функционалды процесстерді инновациялы түрде оңтайландырудың негізгі катализаторына айналууда.

Мәселен, медицинада ЖИ жүйелері денсаулық сақтау саласындағы деректерді талдау, диагноздарды қою мен ем жоспарларын әзірлеу мақсатында қолданылады. Бұл диагноздардың дұрыстығын қамтамасыз етуге, медициналық ақпаратты тиімді өңдеуге және уақытты үнемдеуге, сондай-ақ денсаулық сақтау саласының жұмыс істеу қарқынын арттыруға мүмкіндік береді.

Кәсіп пен қаржы салаларында ЖИ күнделікті үйреншікті жұмыстарды автоматтандыру, деректерге талдау жасау, нарықтық тенденцияларды болжау мен стратегиялық маңызды шешімдер қабылдау үшін қолданылады. Бұл бизнес-процестерді оңтайландыруға және кәсіпорындардың бәсекеге қабілеттілігін арттыруға ықпалдасады.

Көлік саласында ЖИ жүйелері дербес көлік құралдарын құру, жол жүру бағыттарын оңтайландыру, трафикті басқару және жол қауіпсіздігін қамтамасыз ету үшін қолданылады. Жасанды интеллектті практикалық қолданудың бұл бағыты интеллектуалды және тиімді көлік жүйелерін құруға бағытталған.

Сондай-ақ, жасанды интеллект білім беру саласының тиімділігін арттырудағы бірден бір көмекші ретінде ұғынылады, ол оқуды жекелеңдірумен қатар, студенттерге арналған бағдарламаларды бейімдейді және оқытудың инновациялық әдістерін ұсынады.

Жасанды интеллект жүйелерін қоғамдық салаларға интеграциялаудың басымдылықтарымен қатар, этикалық, юрисдикциялық, қауіпсіздік сипаттағы мәселелер туындайтыны рас. Мәселен, жеке ақпараттар мен деректердің құпиялылығы, оның әрекетінен туындауға ықтимал салдары және т. б. Бұл тұрғыда осы сұрақтарды реттеу үшін тиімді құқықтық реттеуді әзірлеу шұғыл қажеттілікке айналады.

Мақаланың негізгі аспектілері

Жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесі мәселесін талдаудан бұрын, оның анықтамасын жүйелі түрде анықтау қажеттігі туындайды.

«Жасанды интеллект» категориясының ғылыми түсіндірмелерін зерттей отырып, осы тұжырымдаманы анықтаудың үш негізгі тәсілін ажыратуға болады: Жасанды интеллект – интеллектуалдық деңгейі бар бағдарлама, ол өзін-өзі тануға қабілетті және өз бетінше шешім қабылдауға қабілетті [1; 2, 98-б; 3]. Бұл түсіндірмені жақтаушылар қатарына Джон Маккарти, А.А. Щитова, В.Б. Наумов, Е.В. Тытюк сияқты ғалымдар кіреді. П.М. Морхат, А.В. Понкин, А.И. Редькина, Д.Л. Кутейников, О.А. Ижаев, С.С. Зенин, В.А. Лебедев, Д.В. Смолин, Л.С. Болотова жасанды интеллектті толық немесе ішінара автономды өзін-өзі ұйымдастыратын кибернетикалық компьютерлік бағдарламалық-аппараттық жүйе немесе киберфизикалық жүйе ретінде қарастырады [4, 7-б; 5, 94-б; 6, 75-б; 7, 16-б; 8]. Жасанды интеллект адам жүзеге асырған кезде интеллектуалды қабілеттерді қажет ететін функцияларды орындайтын есептеу машиналары ұғымы арқылы түсіндіріледі [9, 17-б; 10, 4-5-б; 11, 223-б]. Бұл анықтаманы А. Эндрю, А.В. Шилейко, Р. Курцвейл деген ғалымдар ұстанады.

Көріп отырғанымыздай, әдебиетте жасанды интеллекттің анықтамасы жөнінде біркелкі түсінік жоқ, бұл оның табиғатының күрделілігімен, жүйесі сорттарының болуымен және өзге де себептермен түсіндіріледі. Сондай-ақ, осы жүйелер түрлерінің нақты болуымен байланысты жасанды интеллект туралы дәл анықтама беру мүмкін емес деген пікірлер де аз емес. Соған байланысты, әрбір ЖИ жүйелерін жеке қарастыра отырып, соңғысын зерттеуге казуистік көзқараста болған жөн [12, 199-б].

Отандық авторлардың көзқарастарын қарастыратын болсақ, олар «жасанды интеллект» ұғымын «жасанды интеллект» және «жасанды (немесе зияткерлік) робот» анықтамаларына ұқсатады [13, 65-б].

Материалдар мен әдістер

Зерттеу барысында көптеген ғылыми мақалалар мен халықаралық нормативтік актілерге шолу жасаудың нәтижесінде осы мәселеге қатысты біржақты көзқарасты ұстанудың нағыз қиындығын аңғардым. Сол себепті бұл сұрақтар бүгінгі күнге дейін ашық түрде қалып отыр. Жасанды интеллект технологияларының қарқынды даму үдерісіне қарамастан,

әлі күнге дейін заң әдебиеттерінде оның нормативтік анықтамасы жоқ. Жасанды интеллект теориясының дамуына Д. Маккарти, П.М. Морхат, А. Эндрю, А.В. Понкин, А.И. Редкина, А.А. Щитова, В. Б. Наумов, Е.В. Тютюк және басқалар сияқты шетелдік ғалымдар айтарлықтай үлес қосты.

С. Честерман, С.М. Солеман, А.А. Щитова, В.Б. Наумов, Е.В. Тютюк, З.И. Хисамова, И.Р. Бегишев деген шетелдік ғалымдар өз еңбектерінде жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесі мен оның құқық субъектілігі туралы мәселені зерттеген. Олардың бірі жасанды интеллекттің дербес субъектілігін жақтаса, кейбірі оған түбегейлі қарсы, енді біреуі бөлек категорияларды ұсынбақ.

Зерттеу барысында жүйелік тәсіл, жалпылау әдісі, диалектикалық әдіс, сыни және салыстырмалы-құқықтық талдау қолданылды. Бұл жерде салыстырмалы-құқықтық талдау әдісін ерекше атап өткен жөн. Бұл әдіс шетел тәжірибесін зерттеу мен отандық әрі шетелдік ғалымдардың еңбектерін талдау барысында қолданылды.

Зерттеу нәтижелері

«Ақпараттандыру туралы» 2015 жылғы 24 қарашадағы Қазақстан Республикасының Заңына 2020 жылғы 25 маусымда енгізілген түзетулерге сәйкес, «қабылданған және танылған сыртқы органы ескере отырып, белгілі бір әрекет немесе әрекетсіздік жасайтын автоматтандырылған құрылғы» ретінде айқындалатын «зияткерлік робот» ұғымының құқықтық анықтамасы енгізілді [14]. Бұл анықтама отандық сарапшылардың тарапынан сыни пікірлерді тудырмай қоймады. Нақтылап айтқанда, «өте кең және анық емес тұжырымдалған және жасанды интеллектті қолданумен байланысты нақты құқықтық қатынастар туындаған кезде кез-келген анықтықты енгізуі екіталай» деп отандық заңгер ғалым Сүлейменов өз пікірін айтып өтті [15].

Ендігі бір өзекті сұраққа келетін болсақ, қазіргі қоғам адам өмірінің әртүрлі аспектілеріне жан – жақты әсер ету контекстінде жасанды интеллекттің (ЖИ) заңды мәртебесін анықтаудың бірегей сынына тап болады. «Заңды субъект» ұғымына негізделген дәстүрлі құқықтық категориялар шеңберінде жасанды интеллект оның құқықтық мәртебесіне инновациялық көзқарасты талап ететін бірегей динамиканы білдіреді.

Жасанды интеллект, бағдарламалық-аппараттық кешен ретінде ұғынылады және оның физикалық формасы мен ерік-жігері жоқ, бұл құқық субъектісі туралы дәстүрлі түсінікті бір қарағанда қолдануға жарамсыз етеді. Дегенмен, оның шешім қабылдау қабілеті, деректерді талдау және қоршаған ортаға әсер ету негізінде оқыту құқықтық субъективтілік туралы бұрынғы түсініктерге күмән келтіреді.

Сол себепті, заң қоғамдастығының алдында тұрған басты мәселелердің бірі – жасанды интеллекттің құқық субъектілігі мәселесі. Құқықта субъект өз алдына белгілі бір критерийлерге сәйкес келуі шарт. Мәселен, ерік білдіру, өз әрекетіне жауап беру қабілеті, т. б. Ал ЖИ-тің қазіргі даму дәрежесі бойынша бұл белгілері сәйкес келмейтіндіктен, оған қатысты құқық субъектілік мәселесі біраз қиындықтар туғызады.

Жасанды интеллекттің құқық субъектілігі тақырыбы құқықтық, философиялық және техникалық қауымдастықтарда қарқынды пікірталастар мен даулар тудыруда. Бұл пікірталастардың алдыңғы қатарында жасанды интеллект заңның субъектісі бола ала ма, оның автономиясы бар ма және оның әрекеттері үшін жауапкершілік дәрежесі қандай деген сұрақтар тұр.

Даудың негізгі аспектілерінің бірі – жасанды интеллекттің автономия дәрежесін анықтау. Жасанды интеллекттің құқық субъектілігін тану идеясының жақтаушылары оның шешім қабылдау, жиналған ақпаратқа негізделген оқыту, тіпті жаңа білім беру қабілетін көрсетеді. Бұл ойлау желісіне сәйкес ЖИ бұрын адамның субъективтілігінің ерекше сипаттамаларына сілтеме жасаған әрекеттерге қабілетті энтитет ретінде қарастырылады.

Алайда, жасанды интеллектті құқық субъектісі ретінде қабылдауға қарсы авторлар өз ұстанымын жасанды интеллекттің толық автономиясының жоқтығымен түсіндіреді. Яғни ЖИ толық дербес адам алмастырушысы емес, ол алдын ала программаланған, әрекеті бел-

гілі бір алгоритммен жүзеге асырылады және ол өз жаратушысына белгілі бір дәрежеде тәуелді. Жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесін анықтаудың юрисдикциялық, қауіпсіздік, этика сияқты қатерлері бұл мәселені ашық сұрақ ретінде қалдырады.

Жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесі және оның құқық субъектілігі туралы дауларды зерттеу дәстүрлі құқықтық тұжырымдамаларды технологиялық прогрестің жана шындықтарына бейімдеудің күрделілігін анықтады. Жасанды интеллекттің әртүрлі салаларда әлеуетті пайдасы мен практикалық қолданылуына қарамастан, оның заңды субъективтілігін және іс-әрекетке жауапкершілік дәрежесін анықтауға қатысты айтарлықтай пікірталастар бар. Соған байланысты негізгі қатерлерді айтып өтсем:

1. Біріншіден, жасанды интеллекттің даму деңгейі бүгінгі күні «әлсіз» категорияға жатады. Яғни құқық субъектісі ретінде ЖИ өзіне жүктелген құқықтар мен міндеттерді жеткілікті дәрежеде түсінуі екіталай. Бұл айтарлықтай қауіп тудыруы мүмкін.

2. Екіншіден, қоғамның қорқыныш немесе сенімсіздік салдарынан ЖИ-ті құқық субъектісі ретінде тануына ықтимал қарсылығы;

3. Сонымен қатар, зияткерлік меншік мәселесі және оның шығармашылық қызметі; ЖИ құқық субъектісі болса, онда жаратушысы қандай рөлде болатыны үлкен сұрақ.

4. Зиянды мақсаттар, хакерлік шабуылдар немесе манипуляциялар үшін жасанды интеллект технологиясын теріс пайдалану да ірі қауіп тудырады.

З.И. Хисамова мен И.Р. Бегишев ЖИ-тің құқықтық мәртебесі жөнінде өзекті ұсыныстарды жазып өтті. Олар бұл мәселені екі нұсқада қарастырды: заттың құқықтық режимі бар техникалық құралдардың жасанды интеллектін түсіну немесе жасанды интеллектті «заңды тұлға» ұғымына ұқсас «электрондық тұлға» ретінде орналастыру [16].

Мәселен, британдық ғалым С. Честерманның пікірімен келісім келеді. Ұзақ зерттеулердің нәтижесінде, ол өз еңбегінде көптеген әлемдік ғалымдардың еңбектерін саралап өтті. Олардың көбі жасанды интеллект үшін құқықтық мәртебенің жаңа категориясын бөліп шығарудың жақтаушылары. Осындай категория заңды тұлға мәртебесімен іспеттес. Честерман осындай көзқарасқа өзінің теріс пікірін берді. Осындай қорытындыны ол жасанды интеллекттің даму деңгейі әлі құқықтық мәртебе дәрежесіне жетуден алыс деп түсіндіреді. Жасанды интеллект үшін бөлек категорияны бөліп шығару тым ерте десек, қате болмас. Одан бұрын жасанды интеллекттің құқық субъектілігі мен заңды жауапкершілік мәселелерін зерттеп алған дұрыс [17].

Қазақстандық заңгер ғалымдардың басым бөлігі де жасанды интеллектті құқық субъектісі ретінде тануға қарсы: олардың айтуынша, жасанды интеллект жүйелері тек объект ретінде қарастырылғаны жөн; олардың іс-әрекеттерінен туындаған зиян үшін жаратушысы не пайдаланушысы жауап береді, бірақ жасанды интеллект жүйелерінің дербестігі артқан кезде олардың жауапкершілігі төмендеу жағына қарай өзгеруі мүмкін [13, 70-6].

Сол себепті ресейлік автор А.А. Щитова жасанды интеллектті құқық субъектісі ретінде танудың бірден бір жақтаушысы деп айтуға болады. Ол өз мақаласында жасанды интеллектті «адамның алмастырушысы», «жасанды ми» ретінде белгілейді. Оның функциялары мен мағынасын толық ашуға бел буып, ЖИ құқық объектісі ретінде қарастыруды қате деп есептейді [2, 98-6].

Бұл мәселеге байланысты тағы да бір зерттеу жасай келе, жасанды интеллектті объект ретінде де, субъект ретінде де нақты бөлмей, құқық квази субъектісі ретінде тануды қарастырған Е.В. Пономарева құқық субъектісі мен квази-субъектінің ара-жігін ажырату критерийлерін негіздей отырып, жасанды интеллект, сондай-ақ роботтандырылған дербес жүйелер құқық субъектілері бола алмайды деген ой түйіп, алдыңғы автордың көзқарасына қайшы қорытындыға келді. Олар құқықтық мағынада ерік-жігерге де, өз мүдделеріне де ие емес, белгілі бір әрекеттерге субъективті қатынасты қалыптастыра алмайды, сондай-ақ кінә сезімінің жоқтығына байланысты заңды жауапкершілікке де ие бола алмайды [18].

С.М. Солеман да жасанды интеллектті құқық субъектісі ретінде танудан түбегейлі бас тартады. Бұған себеп – жасанды интеллекттің жеке тұлға емес екендігі [19].

Алайда, В.В. Архипова мен В.Б. Наумовтың пікірінше, заңды тұлға – бұл құқық субъектілігі заңнамалық деңгейде танылған мүлік, сондықтан роботқа немесе жасанды интеллектке құқық субъектісі мәртебесін беру қисынды, өйткені бұл категориялардың екеуі де функционалдық ерекшеліктеріне байланысты құқық субъектісі бола алады. Сонымен қатар, робот-агент «жеке мүлікке ие, өз міндеттемелері бойынша жауап береді, өз атынан азаматтық құқықтарды иемденіп, жүзеге асыра алады және азаматтық міндеттерді көтере алады» [20].

П.М. Морхаттың ұстанымы қызықтырып отыр: «жасанды интеллекттің құқықтық субъектісі оның мүмкіндіктерімен және функционалды мақсатымен анықталуы керек, сондықтан жасанды интеллект құқықтық кеңістікте құқық объектісі ретінде де, толық құқық субъектісі ретінде де өмір сүре алады» [21]. Алайда, жасанды интеллект жүйелерін құқық субъектісі ретінде тану идеясы әлеуметтік және құқықтық құндылықтарға, автономды құқықтық ерік секілді құқық субъектісі атаулы сипаттамаларға сәйкес келмейтіні анық, сондай-ақ құқықтық қатынастар құрамы мен құқық бұзушылықтардың құрамына да қайшы келетінін ескерген жөн. Бұл ретте жасанды интеллекттің құқық субъектісі деп аталуға қажетті негізгі белгілері жоқ, атап айтқанда, оның субъективті құқықтар мен заңды міндеттерді өз бетінше иемденуге және іске асыруға, заңды жауапкершілік алуға, құқықтық шешімдерді өз бетінше қабылдауға әлеуетті мүмкіндігі жоқ, өзінің құқықтық мүдделері жоқ [16].

Е.В. Пономареваның еңбегіне сүйенетін болсақ, кез келген жағдайда жасанды интеллекттің қазіргі даму деңгейінде оның жасаған әрекеті, жүзеге асырған міндеттерін бақылап отыру мақсатында оны жаратушысы, не меншік иесі, не пайдаланушысы басқарып отыруы керек. Осылайша, пайдаланушылар немесе меншік иелері ЖИ-ке ие объектінің көмегімен бірқатар құқықтар мен міндеттерге ие болады [18].

Бұл көзқарас «күшті» жасанды интеллект категориясының жақтаушыларына да қатысты болса керек, бұл топ ғалымдар оны адамдар сияқты кез келген әрекетке үйренуге бейім, адамды алмастырады және оның даму деңгейінен төмен түспейді, тіпті көптеген жолдармен олардан асып түсуі мүмкін деп санайды [22].

Бірақ бүгінгі ЖИ жүйелері әлсіз категорияға жататынын қалай да ұмытпаған жөн. Жоғарыда айтылып кеткенде, олар тек алдын ала белгіленген алгоритмге сәйкес белгілі бір міндеттерді ғана орындай алады. Мысалы, ғаламтордағы сұраныстар бойынша іздеу, белгілі бір ауруға диагноз қою және т. б. [22].

Дау тудыратын тағы бір маңызды мәселе – жасанды интеллект әрекеттері үшін жауапкершілік аспектісі. Жауапкершілікті анықтаудағы қиындықтар автоматтандырылған жүйелер жағдайында айқынырақ болады, мұнда шешім қабылдау әрдайым белгілі бір тақырыпқа байланысты бола бермейді. Жасанды интеллект контекстінде жауапкершіліктің ерекшелігін ескеретін жаңа құқықтық тетіктерді әзірлеу қажет.

Бұл даулар жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесінің болашағы туралы пікірталастың негізгі аспектілерін қалыптастырады және оның рөлі мен орнын қазіргі құқықтық тәртіпте тереңірек түсінуге ынталандырады. Демек, осы тақырыпты одан әрі зерттеу және талқылау құқықтық жүйені технологиялық прогрестің қиындықтарына бейімдеудегі маңызды қадам болып табылады.

Жасанды интеллекттің құқықтық субъектісіне байланысты мәселелердің күрделене түсуін ескере отырып, жасанды интеллекттің әрекеттері үшін жауапкершілікті қамтамасыз етуге қабілетті құқықтық реттеудің тиімді тетіктерін әзірлеудің шұғыл қажеттілігі туындайды. Бұл тұрғыда ЖИ үшін құқықтық мәртебе мен жауапкершіліктің қалыптасуына әсер ететін бірнеше негізгі аспектілерді қарастыру маңызды.

Жасанды интеллект әрекеттері үшін жауапкершілік мәселесі әсіресе жасанды интеллект автоматты түрде шешім қабылдайтын немесе адамзатқа айтарлықтай әсер ететін әрекеттерді жүзеге асыратын жағдайларда өзекті болады. Қателіктер, жазатайым оқиғалар немесе адам құқықтары бұзылған жағдайда жауапкершілікті кімге жатқызу туралы мәселе нақты құқықтық реттеуді қажет етеді.

Бұл мәселені шешудің ықтимал тәсілдерінің бірі – қолданыстағы жауапкершілік нормаларына өзгерістер енгізу, осылайша олар жасанды интеллекттің ерекшеліктерін жеткілікті түрде қарастыра алады. Бұл жауапкершіліктің жаңа түрлерін анықтауды, сондай-ақ жасанды интеллект әрекеттеріне байланысты бұзушылықтар болған жағдайда кінәні анықтау процестерін нақтылауды қамтуы мүмкін.

Тағы бір маңызды аспект – жасанды интеллект өндірушілерінің қоғам мен пайдаланушылар алдындағы міндеттері. Жасанды интеллектті пайдаланудың қауіпсіздігі мен этикасын қамтамасыз етуге бағытталған нақты стандарттар мен нормаларды әзірлеу ықтимал проблемалардың алдын алуға және оны қолданумен байланысты тәуекелдерді азайтуға ықпал етуі мүмкін.

Сонымен қатар, жасанды интеллектке қатысты дауларды шешудің арнайы құқықтық тетіктерін құру мәселесін қарастыру қажет. Арбитраждың және жанжалдарды шешудің тиімді тетіктері жасанды интеллект үшін жауапкершілік саласында әділ және тиімді құқықтық реттеуді қамтамасыз етудің негізгі элементі бола алады.

Осылайша, кешенді және теңдестірілген құқықтық құралдарды әзірлеу жасанды интеллект үшін жауапкершілік мәселелерін барабар реттеу және жасанды интеллекттің адамзатпен үйлесімді өмір сүруін қамтамасыз ету үшін өте маңызды болады.

Жауапкершілік қағидаттары аясында жасанды интеллекттің ерекшелігін ескеретін жаңа нормалар мен стандарттарды әзірлеу және енгізу ұсынылады. Бұл нормалар ЖИ қолдану аясын анықтап, оның дербестігі мен жауапкершілігінің өлшемдерін белгілеп, сондай-ақ оның іс-әрекетіне байланысты жанжалдарды шешу тетіктерін көздеуі тиіс.

Жасанды интеллект жасаушылардың қоғам алдындағы міндеттеріне де назар аудару керек. Ықтимал тәуекелдер мен теріс қылықтарды шектейтін этикалық және құқықтық нормаларды әзірлеу адам мен жасанды интеллекттің қауіпсіз және тиімді өзара әрекеттесуін қамтамасыз етуге көмектеседі.

Жасанды интеллектті қоғамдық құрылымдарға сәтті интеграциялау үшін заңнамалық зерттеу органдарын белсенді тарту, сондай-ақ мемлекеттік органдар, технологиялық компаниялар мен қоғам арасындағы ынтымақтастық қажет. Бұл инновацияларды ынталандыру мен қоғам мүдделерін қорғау арасындағы тепе-теңдікті қамтамасыз етеді.

Талқылау

Жасанды интеллекттің құқық субъектілігі мен құқықтық мәртебесі туралы көптеген талқылаулар мен даулы пікірталастарды қарастырдық. Оларды негізгілері: жасанды интеллектті құқық субъектісі ретінде тану, не құқық субъектілікті ішінара түрде қарастырып, басым түрдегі жауапкершілік пен құқықтарды оның жаратушысына қалдыру, немесе еш өзгеріссіз құқық объектісі ретінде ғана тану мәселелері. Мәселен, Щитова ЖИ-тің құқық субъектілігін жақтаса [2, 98-б], Пономарева, Солеман оны тек құқық субъектісі ретінде ғана емес, тіпті құқық квази-субъект ретінде қарастырудан да түбегейлі бас тартады [18; 19]. Ал жасанды интеллекттің құқықтың мәртебесі жайындағы дауға келсек, бұл аспектідегі талқыға салынатын екі мәселе: ЖИ-ті заңды тұлғаға ұқсас электронды тұлға ретінде тану, бұл идеяны Хисамова мен Бегишев жақтаса [16], Честерман керісінше, жасанды интеллекттің құқық мәртебесінің бұл түрі ретінде танылуы үшін әлі даму деңгейі жеткілікті дәрежеге жеткен жоқтығы туралы атап өтеді [17].

Қорытынды

Қорытындылай келе, жасанды интеллекттің қарқынды түрді дамуы қоғамның инновациялық өсуі мен жаңа мүмкіндіктерге жол ашады. Дегенмен, жасанды интеллектті құқықтық жүйеге тиімді енгізу үшін тез өзгеретін технологиялық ландшафтқа бейімделуге және барлық тараптардың мүдделерін теңестіруге қабілетті жүйелі және икемді құқықтық реттеу қажет.

ЖИ бар жүйелерде құқық субъектісінің қажетті және жеткілікті белгілері болмағандықтан (субъективті құқықтар мен заңды міндеттерді дербес автономды түрде орындау,

жеткілікті дәрежеде түсіну және іске асыру, заң алдында жауапкершілікті ұстау, құқықтық шешімдерді өз бетінше қабылдау, өзінің құқықтық мүдделері сақтай отырып, ерік-жігерге ие болу мүмкіндігі жоқ) олардың толық құқық субъектілігін тануға негіз жоқ және ЖИ жүйелерін белгілі бір құқықтық мәртебенің жаңа категориясына бөліп шығару тым ерте.

Жасанды интеллект технологияларының күрделенуі, орталықсыздандырылуы, дербестенуі осындай технологияларға бақылау жүргізуді жүзеге асыратын жаратушы/пайдаланушы үшін бірқатар қиындықтар тудырады: ол жүйенің ар уақыттағы, әр жердегі әрекеттері мен реакцияларын бақылай алмайды, сонымен қатар оның мінез-құлқын болжай алмайды. Сәйкесінше, мұндай жағдай ықтимал құқық субъектілікті, сондай-ақ жасанды интеллекттің заңды жауапкершілігін анықтауға бірыңғай тәсілді әзірлеуді қажет етеді.

А.А. Ондаш, магистрант 1-курса научно-педагогического направления Высшей школы права, Maqсут Narikbayev University, (г. Астана, Республика Казахстан): Правовой статус искусственного интеллекта и споры о его правосубъектности.

Актуальность темы исследования обусловлена наличием неопределенности в научной литературе о правовом статусе искусственного интеллекта. Данная научная статья посвящена спорам, возникающим в ходе анализа современного правового статуса искусственного интеллекта (ИИ) и определением его правосубъектности. В статье рассматриваются основные правовые аспекты, такие как ответственность за действия ИИ, права и обязанности, а также затрагиваются вопросы авторского права. Особое внимание уделяется спорам и дискуссиям, возникающим между юридическим сообществом, учеными и представителями отрасли в отношении признания ИИ субъектом права. В статье предлагаются перспективы решения этих проблем, а также обсуждаются возможные направления развития законодательства для адекватного учета особенностей искусственного интеллекта в современном правовом контексте. Исследование проводилось с использованием сравнительно-правового метода и включает анализ действующих нормативных актов, юридической практики и академических публикаций в данной области.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовой статус, правосубъектность, электронный субъект, самостоятельность субъекта, создатель ИИ, правовая ответственность, правовое регулирование, автономия ИИ.

A.A. Ondash, 1st year master student of the scientific and pedagogical direction of the MNU Law School, Maqсут Narikbayev University, (Astana, Republic of Kazakhstan): The legal status of artificial intelligence and disputes about its legal personality.

The relevance of the research topic is caused by the presence of uncertainty in the scientific literature on the legal status of artificial intelligence. This scientific article is devoted to the problems related to the analysis of the current legal status of artificial intelligence (AI) and the determination of its subjectivity of law. The article discusses such basic legal aspects as responsibility for the actions of AI, rights and obligations, issues of copyright and patenting. Particular attention is paid to disputes and discussions arising between the legal community, scientists and representatives of the industry regarding the recognition of AI as a subject of law. The article presents prospects for solving these problems, and also discusses possible directions for the development of legislation for adequate accounting of the features of artificial intelligence in a modern legal context. The study was carried out using the comparative legal method and includes an analysis of existing regulations, legal practice and academic publications in this area.

Keywords: artificial intelligence, legal status, legal personality, electronic subject, independence of the subject, AI creator, legal responsibility, legal regulation, AI autonomy.

Список литературы:

1. Искусственный интеллект. Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki Искусственный_интеллект](https://ru.wikipedia.org/wiki/Искусственный_интеллект).

2. Щитова А.А. О потенциальной правоспособности искусственного интеллекта. *Аграрное и земельное право*. 2019. № 5 (173). С. 94-98.
3. Наумов В.Б., Тютюк Е.В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта. *Правоведение*. 2018. Т. 62. № 3. С. 531-540.
4. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.
5. Понкин А.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2018. Т. 22. № 1. С. 91-109.
6. Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства *Российское право: образование, практика, наука*. 2019. № 3. С. 75-80.
7. Смолин Д.В. Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. М.: Физматлит, 2004. – 208 с.
8. Болотова Л.С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии основанные на знаниях: Учебник. М.: Финансы и статистика. 664 с.
9. Эндрю А. Искусственный интеллект. М.: МирЭ, 1985. 264 с.
10. Дискуссии об искусственном интеллекте [Текст]: Сборник выступлений ученых авт.-сост. Шилейко А.В. Москва: Знание, 1970. 48 с.
11. Kurzweil R. *The Age of Intelligent Machines*. Cambridge, MIT Press, 1990. 580 с.
12. Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России. *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13. № 2. С. 197-206.
13. Тлембаева Ж.У. О некоторых подходах к правовому регулированию искусственного интеллекта. *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. 2021. № 2 (65). С. 61-74.
14. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года «Об информатизации».
15. Сулейменов М.К. Гражданское право Казахстана в современном мире: влияние на развитие национального права. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36714219
16. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности. *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 96-106.
17. Simon Chesterman. *Artificial intelligence and the limits of legal personality* // Cambridge University Press for the British Institute of International and Comparative Law. URL: https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/1859C6E12F75046309C60C150AB31A29/S0020589320000366a.pdf/artificial_intelligence_and_the_limits_of_legal_personality.pdf
18. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. канд юрид наук Екатеринбург, 2019. 208 с.
19. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy. *Artificial Intelligence and Law*. 2017. Vol. 25. № 2. С. 155-179.
20. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике. *Труды СПИИ РАН*. 2017. Т. 6. № 55. С. 46-62.
21. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. 420 с.
22. Пройдаков Э.М. Современное состояние искусственного интеллекта. *Научно-исследовательские исследования*. 2018. № 2. С. 129-153.

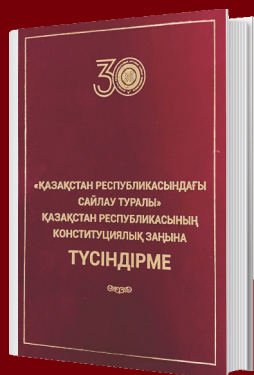
References:

1. Iskusstvennyj intellekt. Vikipediya. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Iskusstvennyj_intellekt.
2. Shchitova A.A. O potencial'noj pravosposobnosti iskusstvennogo intellekta. Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2019. № 5 (173). P. 94-98.
3. Naumov V.B., Tytyuk E.V. K voprosu o pravovom statusе «tvorchestva» iskusstvennogo intellekta. Pravovedenie. 2018. T. 62. № 3. P. 531-540.
4. Morhat P.M. Iskusstvennyj intellekt: pravovoj vzglyad: Nauchnaya monografiya ROO «Institut gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij i prava». M.: Buki Vedi, 2017. P. 257.
5. Ponkin A.V., Red'kina A.I. Iskusstvennyj intellekt s tochki zreniya prava. Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2018. T. 22. № 1. P. 91-109.
6. Kutejnikov D.L, Izhaev O.A, Zenin S.S, Lebedev V.A. Kiberfizicheskie, kiberbiologicheskie i iskusstvennye kognitivnye sistemy: sushchnost' i yuridicheskie svojstva Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2019. № 3. P. 75-80
7. Smolin D.V. Vvedenie v iskusstvennyj intellekt: konspekt lekcij. M.: Fizmatlit, 2004. P. 208.
8. Bolotova L.S. Sistemy iskusstvennogo intellekta: modeli i tekhnologii osnovannye na znaniyah: Uchebnik. M.: Finansy i statistika. P. 664.
9. Endryu A. Iskusstvennyj intellekt. M.: MirE, 1985. P. 264.
10. Diskussii ob iskusstvennom intellekte [Tekst]: Sbornik vystuplenij uchenyh / avt.-sost. Shilejko A.V. Moskva : Znanie, 1970. P. 48.
11. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. – Cambridge, MIT Press, 1990. P. 580.
12. Shestak V.A., Volevodz A.G. Sovremennye potrebnosti pravovogo obespecheniya iskusstvennogo intellekta: vzglyad iz Rossii Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2019. T. 13. № 2. P. 197-206.
13. Tlembaeva Zh.U. O nekotoryh podhodah k pravovomu regulirovaniyu iskusstvennogo intellekta. Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2021. № 2 (65). P. 61-74.
14. Zakon Respubliki Kazahstan ot 24 noyabrya 2015 goda «Ob informatizacii».
15. Sulejmenov M.K. Grazhdanskoe pravo Kazahstana v sovremennom mire: vliyanie na razvitie nacional'nogo prava. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36714219
16. Hisamova Z.I., Begishev I.R. Sushchnost' iskusstvennogo intellekta i problema opredeleniya pravosub'ektnosti. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. 2020. № 2. P. 96-106.
17. Simon Chesterman. Artificial intelligence and the limits of legal personality Cambridge University Press for the British Institute of International and Comparative Law. URL: https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/1859C6E12F75046309C60C150AB31A29/S0020589320000366a.pdf/artificial_intelligence_and_the_limits_of_legal_personality.pdf
18. Ponomareva E.V. Sub»ekty i kvazisubekty prava: teoretiko-pravovye problemy razgranicheniya: dis. kand yurid nauk Ekaterinburg, 2019. P. 208.
19. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy. Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. № 2. P. 155-179.
20. Arhipov V.V., Naumov V.B. Iskusstvennyj intellekt i avtonomnye ustrojstva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike Trudy SPII RAN. 2017. T. 6. № 55. P. 46-62.
21. Morhat P.M. Pravosub»ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noj sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2018. P. 420.
22. Projdakov E.M. Sovremennoe sostoyanie iskusstvennogo intellekta. Naukovedcheskie issledovaniya. 2018. № 2. P. 129-153.

Для цитирования и библиографии: Ондаш А.А. Жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесі және оның құқық субъектілігі туралы даулар // Право и государство. № 1(102), 2024. – С. 55-64. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_1_55

Материал поступил в редакцию 16.02.2024.

НОВЫЕ КНИГИ

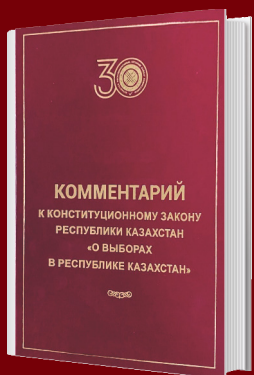
«Қазақстан Республикасындағы сайлау туралы» Қазақстан Республикасының Конституциялық заңына Түсіндірме. – Астана, 2023. – 560 б.

ISBN 978-601-11-0057-1

Сайлау заңнамасын жетілдіру – Қазақстанның құқықтық және демократиялық мемлекет ретіндегі мәртебесін нығайтудағы заңды, тұрақты және дәйекті процесс. Орталық және жергілікті жерлерде мемлекеттік билік пен басқару органдарына лауазымды тұлғаларды сайлауды өкізудің жаңа тәртібі мәселелері бойынша Қазақстан Республикасы Конституциясының нормаларына түбегейлі өзгерістер мен толықтырулар енгізген 2022 жылғы конституциялық реформаға байланысты ұлттық құқықтың аталмыш саласының өзектілігі айтарлықтай артты. Сайлау заңнамасының новелласын түсіндіру (түсініктеме беру) тек қана сайлаушылардың – еліміздің азаматтарының мүддесі үшін қажет екендігі осымен анықталады.

Осы мақсатта ұсынылып отырған Түсіндірме, ең алдымен, ел сайлаушыларына, сайлау процесіне қатысушыларға, сайлау комиссияларының мүшелеріне, сондай-ақ сайлау заңнамасы мәселелеріне қызығушылық танытқандардың барлығына арналған.

Қазақстан Республикасының «Қазақстан Республикасындағы сайлау туралы» 1995 жылғы 28 қыркүйектегі № 2464 Конституциялық Заңына Түсіндірме заңнаманың 2023 жылғы 1 қантардағы жағдайына сәйкес дайындалды.

Комментарий к Конституционному закону Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан». – Астана, 2023. – 560 с.

ISBN 978-601-11-0058-8

Совершенствование избирательного права – закономерный, постоянный и последовательный процесс в укреплении статуса Казахстана как правового и демократического государства. Актуальность данной отрасли национального права существенно возросла в связи с конституционной реформой 2022 года, которая внесла принципиальные изменения и дополнения в нормы Конституции Республики Казахстан по вопросам нового порядка проведения выборов должностных лиц в органы государственной власти и управления в центре и на местах. Этим определяется потребность в необходимости разъяснения (комментирования) новелл выборного права исключительно в интересах избирателей – граждан нашей страны.

Предлагаемый для этих целей Комментарий адресован, прежде всего, избирателям страны, участникам избирательного процесса, членам избирательных комиссий, а также всем интересующимся вопросами выборного законодательства.

Комментарий к Конституционному закону Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан» от 28 сентября 1995 года № 2464 подготовлен по состоянию законодательства на 1 января 2023 года.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНВЕСТИЦИОННЫХ КРИПТОТОКЕНОВ В СООТНОШЕНИИ С ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ

А. ТАНАТАР,

магистрант Высшей школы права Maqsut Narikbayev University, (г. Астана, Республика Казахстан)
e-mail.: aсет_1003@mail.ru

Актуальность настоящего исследования обуславливается стремительным развитием рынка цифровых активов, как в мире, так и в Казахстане; отсутствием достаточного объема доктринальных исследований относительно правовой природы цифровых активов и их места в системе объектов гражданских прав. При этом недостаточная изученность цифровых активов юридической доктриной обуславливает отсутствие их надлежащего правового регулирования, что ведет к необоснованной правовой неопределенности и отсутствию защиты гражданских прав участников данных правоотношений. *Предметом* исследования выступает объективная взаимосвязь между инвестиционными криптовалютами и бездокументарными ценными бумагами как объектов гражданских прав и их правовых сущностей. *Целью* настоящего исследования является проведение правового соотношения такой разновидности цифровых активов как инвестиционные криптовалюты с привычным нам объектом гражданских прав – бездокументарными ценными бумагами. В настоящем исследовании помимо общенаучных методов научно-исследовательской работы применялись также специально-правовые методы, такие как метод толкования

и сравнительно-правовой метод. Помимо этого при написании настоящей работы автором также использовался формально-юридический метод. *Новизна* данной научной статьи обусловлена новым подходом к осмыслению правовой природы обеспеченных цифровых активов как объектов гражданских прав. Данная работа проясняет, что по своей правовой природе инвестиционные криптовалюты являются бездокументарными ценными бумагами, однако не могут быть названы таковыми в силу отсутствия указания в законодательстве. В статье также обращается внимание на фактическое отсутствие правового регулирования инвестиционных криптовалют, что влечет за собой правовую неопределенность и незащищенность участников имущественного оборота. Предложено расширить законодательное понимание категории ценных бумаг и распространить их правовой режим на объекты, отвечающие их признакам. Ценность настоящего исследования заключается в прояснении правовой природы инвестиционных криптовалют и их место в системе объектов гражданских прав, что может стать основой для дальнейших теоретических исследований в данной сфере.

Ключевые слова: цифровые активы, обеспеченные цифровые активы, криптоактивы, криптовалюты, Blockchain, краудинвестинг, ценные бумаги, инвестиционные криптовалюты, объекты гражданских прав, эмиссия криптовалютен.

Введение

В пункте 2 статьи 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК) перечень объектов гражданских прав был пополнен еще одним объектом – цифровыми активами, которые из буквального толкования нормы не относятся ни к вещам, ни к имущественным правам. Конечно, сама норма далека от идеала, и не раз подвергалась критике со стороны ученых-юристов, в частности исследователи до сих пор задаются вопросом, насколько вообще уместна попытка законодателя перечислить объекты гражданских прав в кодексе. Тем не менее, возникает ряд вполне закономерных вопросов: «Что такое цифровые активы?»; «К какому виду объектов гражданских прав они относятся?»; «Каков их правовой режим?». Особенно остро обсуждается вопрос о схожей правовой природе некоторых видов цифровых активов с бездокументарными ценными бумагами.

Данная работа имеет как теоретическое значение, в свете определения места цифровых активов в классификации объектов гражданских прав, так и практическое значение, ввиду определения надлежащего правового режима для инвестиционных крипто токенов.

Обзор литературы

Вопрос правового регулирования оборота криптоактивов сегодня довольно остро обсуждается в зарубежной научной литературе, что справедливо, поскольку законодательства практически всех развитых стран мира адаптируются под новые реалии, появившиеся в имущественном обороте. Чего нельзя сказать об отечественной доктрине, где, к сожалению, спектр научных трудов, охватывающих вопросы правового регулирования оборота цифровых активов, не так широк, но в оправдание можно отметить, что такой объект гражданских прав как цифровые активы появился недавно в отечественном законодательстве, и исследования в этой сфере только начинают набирать обороты. В этой связи и отсутствуют какие-либо фундаментальные труды по вопросам таксономии цифровых активов и осмысления их правовой природы.

Из существующих исследований по данному вопросу можно привести статью академика М.К. Сулейменова «Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства», которая неоднократно им же редактировалась в свете динамичного развития законодательства в рассматриваемой сфере. Автором проводится осмысление и попытка прояснить свет на малопонятные для юридической аудитории термины, пришедшие в законодательство из IT индустрии, попутно подвергая обоснованной критике ряд новелл в законодательстве, коими эти термины и вводятся. В данном исследовании М.К. Сулейменов, как и большинство других исследователей, придерживается распространенной точки зрения, указывая на определенные сходства цифровых прав и ценных бумаг по гражданскому законодательству [11].

С.К. Идрышева в статье «О цифровом кодексе Казахстана» коротко указывает, о том, что цифровые активы, будучи лишь средством удостоверения имущественных прав, не могут выступать самостоятельным объектом гражданских прав. Такая точка зрения довольно популярна в научном сообществе, однако однозначной поддержки такой подход еще не нашел. Более того, в законодательстве целого ряда стран цифровые активы выделяются в качестве самостоятельных объектов (Казахстан, Россия, Великобритания, Европейский Союз и т.д.) [6].

Более активно вопрос о месте цифровых активов в системе объектов гражданских прав обсуждается в зарубежных источниках. К примеру российский ученый Е.А. Суханов в статье «О гражданско-правовой природе «цифрового имущества»» придерживается позиции, что цифровые активы по своей правовой природе идентичны бездокументарным ценным бумагам и электронным денежным средствам, то есть остаются новой формой фиксации существующих имущественных прав, но никак не новой разновидностью прав, и попытка распространения на них режима вещных прав однозначно приведет к абсурдным ситуациям [12].

К такому же выводу приходит Т.В. Дерюгина, указывая, что в настоящее время цифровые права не могут быть возвынены в ранг самостоятельных объектов гражданских прав, поскольку они по своей сути ничем не отличаются от существующих имущественных прав, тогда как их роль в основном сводится лишь цифровому способу закрепления имущественных прав [3, с. 50].

Более прогрессивными, на наш взгляд, представляются позиции М.А. Рожковой и С.Л. Будылина. Так, М.А. Рожкова предлагает признать наконец факт существования абсолютных имущественных прав на новые нематериальные объекты, поскольку такие объекты как цифровые активы имеют ценность для участников гражданского оборота, а потому являются имуществом и подлежат соответствующему правовому регулированию [8].

Схожей точки зрения придерживается С.Л. Будылин, указывая, что криптоактивы являются самостоятельными объектами гражданских прав, находящимися по своей природе между вещами и имущественными правами, и подлежат соответствующему гражданско-правовому регулированию [1].

Такими же вопросами о правовой природе инвестиционных токенов и их правового режима задаются исследователи Тина ван дер Линден и Тина Ширази, обоснованно указывая, что инвестиционные крипто токены по сути схожи с традиционными ценными бумагами и служат удостоверению тех же имущественных прав [13].

Так или иначе отечественный законодатель, в отличие от российского, придерживаясь традиционного международного опыта, не стал «изобретать» новой разновидности прав – «цифровые права», а ввел термин «цифровые активы», разделив их на обеспеченные и необеспеченные, где под обеспеченными цифровыми активами следует понимать крипто токены, а под необеспеченными – криптовалюты. Однако и перед отечественной цивилистической доктриной появилась проблема определения места цифровых активов в существующей системе гражданских прав и их правовой природы.

Результаты и обсуждение

Понятие криптотокенов

Крипто токены (от англ. *crypto token*) являются разновидностью криптоактивов, к последним, помимо крипто токенов также относятся и криптовалюты. Если с пониманием криптовалют так или иначе знаком каждый среднестатистический человек современного мира, то вот термин «крипто токен» встречается в разговорной речи гораздо реже, хотя сказанное нисколько не умаляет их значения в имущественном обороте и следовательно необходимости в их гражданско-правовом регулировании. Также отметим, что особенность и «революционность» крипто токенов заключается в том, что они создаются и существуют только в рамках распределенного реестра *Blockchain*, под которым понимается цепочка взаимосвязанных, последовательных блоков с зашифрованной криптографическими методами информацией. Любое несанкционированное внесение изменений или искажений информации в *Blockchain* исключается благодаря специальному алгоритму консенсуса.

Не вдаваясь в глубокие таксономические дискуссии, перейдем к законодательной регламентации крипто токенов, а если говорить точнее, то к «попытке» их легального определения. И в данном случае речь идет в первую очередь о подпункте 56-1) статьи 1 Закона от 24 ноября 2015 г. «Об информатизации» (в редакции 6 февраля 2023 г.), где вводилось первое легальное определение цифрового токена, под которым понимался вид цифрового актива, являющийся цифровым средством учета, обмена и удостоверения имущественных прав [4].

Другая попытка легального определения усматривается в проекте, а в настоящее время уже принятом Законе Республики Казахстан «О цифровых активах». В указанном проекте ныне действующего Закона до внесения в него изменений можно было встретить следующее определение: обеспеченный цифровой актив – цифровой токен и иные цифровые финансовые активы, являющиеся цифровым средством удостоверения имущественных и (или) интеллектуальных прав на товары и (или) услуги, выпускаемые (предоставляемые) лицом, выпустившим обеспеченный цифровой актив [10].

Даже проанализировав приведенные нормы, уже можно выделить основные признаки криптокоенов, на которые пытался указать законодатель. Во-первых, сразу становится очевидным, что термины «обеспеченный цифровой актив» и «цифровой токен» являются равнозначными, а если говорить точнее, то первый является родовым понятием по отношению ко второму. Хотя причина введения более широкого родового понятия «обеспеченный цифровой актив» вполне объяснима, и заключается она в элементарной попытке законодателя регламентировать возможные отношения в данной сфере на будущее, то есть охватить данным Законом регулирование всех «потенциальных цифровых объектов», которые могут появиться в будущем и будут отвечать приведенным признакам, о чем свидетельствует выражение «и иные цифровые финансовые активы». Во-вторых, в обоих дефинициях указывается на правовую природу цифровых токенов, а именно на то, что они являются «цифровым средством удостоверения имущественных прав». В-третьих, в дефиниции проекта Закона «О цифровых активах» также уточняется, что токены удостоверяют имущественные права на товары и (или) услуги, выпускаемые (предоставляемые) самим эмитентом токенов.

Поняв, что говоря об обеспеченном цифровом активе, законодатель имеет в виду криптокоен, обратимся к действующему легальному определению обеспеченного цифрового актива, приведенному в подпункте 1) статьи 1 Закона «О цифровых активах». В указанной норме под таким активом понимается цифровой актив, зарегистрированный посредством цифровой платформы по хранению и обмену обеспеченными цифровыми активами, который удостоверяет права на материальные, интеллектуальные услуги и активы, за исключением денег и ценных бумаг [5]. На наш взгляд, данная дефиниция намного уступает дефиниции, которая предлагалась в проекте данного Закона, поскольку загромождена терминами, которые, по сути, подменяют устоявшиеся категории и тем самым только ведут к путанице в толковании. К примеру, обратим внимание, что указывая на то, что обеспеченный цифровой актив – это цифровой актив, который «зарегистрирован посредством цифровой платформы по хранению и обмену обеспеченными цифровыми активами» [5], законодатель очевидно лишь хочет отметить такой классифицирующий признак цифровых активов, как их существование исключительно в рамках технологии Blockchain. Далее законодатель выделяет, что криптокоены удостоверяют права, однако не уточняет, какие именно права здесь подразумеваются, но догадываемся, что имущественные права на «материальные, интеллектуальные услуги и активы». Какие именно объекты гражданских прав законодатель понимает под «материальными, интеллектуальными услугами и активами» остается спорным вопросом. Попробуем предположить, что под «активами» в данном случае законодатель понимает имущество, следовательно, под материальным имуществом следует понимать вещи, а под «интеллектуальными активами» – объекты интеллектуальной собственности. Таким образом, из приведенной нормы следует, что обеспеченные цифровые активы удостоверяют имущественные права их обладателей на вещи, объекты интеллектуальной собственности, материальные и интеллектуальные услуги. При этом законодателем оговаривается, что они не могут удостоверить права на деньги и ценные бумаги.

С технической точки зрения криптокоены представляют собой закодированную запись в распределенном реестре *Blockchain* (своего рода «карточку»), содержащую определенную информацию: позволяющую идентифицировать удостоверяемое имущество о владельце криптокоена, уникальный код, а также информацию о первоначальном эмитенте криптокоена и историю транзакций, совершенных с ним.

Некоторыми авторами указывается, что криптовалюты также являются разновидностью криптокоенов, называя их «платежными токенами», однако в настоящем исследовании автор придерживается позиции законодателя в дифференциации криптоактивов, и разграничивает криптовалюты от криптокоенов как самостоятельные разновидности криптоактивов.

Резюмируя, можно сказать, что криптотокен – вид криптоактива, который существует только в рамках технологии *Blockchain* и удостоверяет имущественные права их обладателей на вещи, объекты интеллектуальной собственности и услуги, оказываемые их эмитентами.

Виды криптотокенов и порядок их эмиссии

Разобравшись с понятием криптотокенов, обратим внимание на порядок их эмиссии и некоторые разновидности криптотокенов, которые отличаются совокупностью имущественных прав, которые они удостоверяют. Эмиссия инвестиционных и потребительских криптотокенов в подавляющем случае происходит в рамках процедуры краудинвестинга. Краудинвестинг (с англ. *Crowdfunding*) – процесс сбора средств в инвестиционных целях для финансирования предпринимательской деятельности. В отличие от альтернативной модели сбора средств – краудфандинга, краудинвестинг используется исключительно в инвестиционных проектах и предполагает получение инвестором корпоративных прав и пассивного дохода.

ICO, IDO и IEO

С 2013 г. большой популярностью на рынках криптоактивов начали набирать новые модели краудинвестинга. Так, первые примеры массового сбора средств на базе технологии *Blockchain* появились в 2013-2014 годах в рамках модели финансирования под названием *Initial Coin Offering* (ICO) (с англ. «первичное размещение монет»). С 2017 г. ICO начал набирать большую популярность. Суть такого инвестирования заключается в том, что новые субъекты бизнеса (стартапы) размещают свои токены, либо на своем, либо на другом популярном *Blockchain* с целью их продажи на криптовалюты (как правило *Bitcoin* или *Ethereum*, поскольку они наиболее популярны). Полученные средства направляются на инвестирование новых проектов, а проданные токены дают инвесторам различный доход. Продажа и эмиссия криптотокенов происходит с применением технологии смарт-контрактов, который представляет собой программный код, исполняющий запрограммированные команды при наступлении заранее определенных условий. По таким смарт-контрактам инвестор напрямую отправляет криптовалюту эмитенту, а тот в свою очередь направляет обещанные токены в криптокошелек инвестора. Полученные токены их обладатель вправе либо использовать в последующем, в качестве аналога купона, для получения сервиса или продукции, выпускаемой в рамках проекта, либо перепродать их на вторичном рынке по выгодной цене. В этой связи ICO, как правило, запускают на *Blockchain*, поддерживающий функционирование смарт-контрактов (наиболее развитой структурой считается *Ethereum*). Правила продаж токенов определяются заранее, также эмитентами указываются сроки их проведения, и ограниченное количество токенов, в случае ограничения эмитентами количества эмитируемых токенов. Модель ICO позволяет привлечь инвестиции для большого круга проектов, однако отсутствие какого-либо серьезного контроля и проверки предлагаемых проектов и эмитентов не раз приводило к фактам мошенничества со стороны организаторов краудинвестинга.

В связи с чем в 2017-2018 гг. на рынке начали появляться альтернативные модели краудинвестинга. В частности, *Initial Exchange Offering* (IEO) (с англ. «первичное биржевое предложение»), в отличие от ICO, IEO проводится при активном участии централизованных криптобирж – СЕХ (на англ. *Centralized Exchange*), которые осуществляют тщательную проверку проектов и эмитентов. В этом случае перед организаторами стоит задача доказать опытность, серьезность своих бизнес намерений, и готовность осуществлять успешную деятельность в долгосрочной перспективе, что достигается путем демонстраций своих проектов с указанием детальной информации, в том числе о количестве предполагаемых инвестиций. В отличие от ICO, в случае проведения IEO, инвесторы отправляют средства не напрямую эмитенту, а через криптобиржи. Такая проверка эмитентов со стороны криптобиржи значительно увеличивает инвестиционную привлекательность проектов в силу их более высокой надежности.

Новейшей разновидностью моделей сбора финансирования для криптопроектов является *Initial DEX Offering* (IDO) (с англ. «первичное децентрализованное предложение»), который имеет ряд качественных особенностей от своих предшественников ICO и IEO. IDO также как и IEO проводится на криптобиржах, однако отличительная особенность IDO в том, что вся процедура краудинвестинга, в том числе и сами криптобиржи являются децентрализованными. Децентрализованные криптобиржи (DEX) отличаются от централизованных (CEX) тем, что операции, совершаемые на бирже, полностью децентрализованы, то есть осуществляются напрямую между пользователями и без посредников, а также у участников отсутствует необходимость предоставлять средства криптобирже, следовательно они сами распоряжаются своими криптоактивами, а не предоставляют их криптобирже, как в случае с централизованными криптобиржами. Операции на децентрализованных криптобиржах также совершаются с применением смарт-контрактов и записываются в Blockchain. Еще одной особенностью IDO является использование так называемого пула ликвидности, которые представляют собой замороженные криптосредства инвесторов. Принцип работы таких пулов заключается в том, что инвесторы не сразу получают купленные крипто tokens, а сначала предоставляют криптовалюту в пул ликвидности. В результате чего все средства собираются в указанном пуле, а уже после завершения продаж DEX с применением смарт-контрактов распределяет крипто tokens проекта между инвесторами пропорционально их вложениям. Далее держатели токенов могут либо их удержать у себя, либо сразу же их продать по вторичной цене в том же пуле ликвидности, заплатив при этом комиссию в процентном соотношении к стоимости транзакции. Такие комиссии впоследствии распределяются между участниками пропорционально количеству вложенных ими в пул средств, что стимулирует участников вкладывать как можно больше средств. Такая модель краудинвестинга с использованием пула ликвидности имеет свои недостатки, связанные в первую очередь с тем, что поскольку размещение происходит на децентрализованных биржах, проверка проектов и эмитентов крипто токенов не происходит, что ведет к соответствующим рискам, как и в случае с ICO.

Необходимую информацию о криптопроекте инвесторы получают из документа, известного как *Whitepaper*, в котором стартап разработчики описывают все необходимые технические особенности проекта, полную информацию о проекте и свои видения о будущем развитии проекта. *Whitepaper* выступает своего рода аналогом инвестиционного проспекта или бизнес плана и публикуется до начала краудинвестинга, с целью привлечения внимания инвесторов и их заинтересованности.

Инвестиционные крипто токены

Крипто токены принято классифицировать на два основных вида: потребительские токены (с англ. utility tokens), инвестиционные токены (с англ. security tokens), и невзаимозаменяемые токены (с англ. non-fungible token – NFT).

Остановимся на инвестиционных токенах, поскольку, говоря о сходстве между крипто токенами и бездокументарными ценными бумагами, имеют ввиду именно данную категорию крипто активов. Такие токены приобретаются исключительно в инвестиционных целях. Процесс их размещения называется *Security token offering* (STO) – модель краудинвестинга при которой эмитируются инвестиционные токены. Инвестиционные токены – крипто токены, которые удостоверяют права держателей на финансовые инструменты и корпоративные права. Иными словами, инвестиционные токены отличаются от других видов токенов тем, что они в первую очередь удостоверяют корпоративные права их держателей, а именно право участия в управлении юридического лица и получения дивидендов от предпринимательской деятельности пропорционально количеству обладаемых токенов, по аналогии с акциями. Такая разновидность инвестиционных токенов называется *Equity* токенами (с англ. equity security – обычная акция). Помимо корпоративных прав инвестиционные токены могут также удостоверять имущественные права их держателей, такие как право требования к эмитенту по возврату инвестированных средств и выплате обу-

словленного вознаграждения, по аналогии с облигациями. Такая их разновидность называется *Debt* токенами (с англ. debt – облигация). Другим видом инвестиционных токенов считаются *Asset-backed* токены (с англ. asset-backed security – обеспеченная материальным имуществом ценная бумага), которые отличаются тем, что они обеспечены материальным имуществом, в частности недвижимостью, драгоценными металлами.

Таким образом, инвестиционные крипто токены (*Security*-токены) – вид крипто токенов, эмитируемых в инвестиционных целях, которые удостоверяют имущественные права на финансовые инструменты, в том числе ценные бумаги, и на иное материальное имущество.

Исходя из функций, которые выполняют инвестиционные токены, несложно выявить их сходство с бездокументарными ценными бумагами. В таком случае появляется закономерный вопрос, а можем ли мы относить инвестиционные крипто токены к разновидностям ценных бумаг? Сказанное имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку правовой режим инвестиционных крипто токенов находится в прямой зависимости с тем, как мы понимаем их правовую природу.

В целом вопрос определения правовой природы крипто токенов и их правового режима является предметом основательных исследований для законодателей западных стран (имеется в виду Великобритания и страны Европейского Союза).

К примеру можно привести Окончательный доклад по цифровым активам Комиссии по вопросам законодательства Соединенного Королевства. В докладе более чем на 300 страниц по поручению Парламента Великобритании была изучена природа цифровых активов, а также указывается на необходимость реформирования действующего законодательства по регулированию рынка ценных бумаг в свете токенизации (представление существующих разновидностей имущества в виде токенов) ценных бумаг, и соответственно определения правового режима инвестиционных токенов [16].

Такого же основательного подхода в данном вопросе придерживается и Парламент Европейского Союза, о чем свидетельствует Положение (ЕС) 2023/1114 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2023 г. о рынках крипто активов, в котором также дается детальный анализ правовой природы и режима крипто активов [14]. Указанным Положением инвестиционные токены в силу их функций относятся к обеспеченным разновидностям токенов и классифицируются как разновидность финансовых инструментов с распространением на них соответствующего правового режима [13].

На сходство крипто токенов с ценными бумагами не раз указывалось исследователями. К примеру, Л.В. Санникова, Ю.С. Харитонова указывают, что в ряде зарубежных законодательств, например в Германии, при эмиссии крипто токенов в процедуре *Security token offering* (STO) инвестиционные токены признаются ценными бумагами и подпадают под их правовой режим, что, несомненно, требует в первую очередь раскрытия всей полноты информации в рамках проспекта эмиссии ценных бумаг, и значительно сужает круг инвесторов, поскольку в данном случае сделки по поводу крипто токенов совершаются с участием бирж и только профессиональными инвесторами. Аналогичного подхода придерживаются и органы власти США в лице уполномоченного органа – Комиссии по ценным бумагам (SEC), которая осуществляет контроль распространения крипто токенов, имеющих признаки ценных бумаг [9].

Распространить на крипто токены режим документарных ценных бумаг предложил Ю. Кузнецов, аргументируя тем, что они выполняют одни и те же функции, и имеют схожие черты в обороте, что параллельно значительно упрощает задачу законодателя в правовом регулировании крипто токенов, просто распространяя на них правовой режим ценных бумаг. Схожесть оборота крипто токенов и ценных бумаг (ордерных и именных) объясняется тем, что и в том и другом случае при смене владельцев предыдущим совершается подпись на «документе», чем удостоверяется его волеизъявление, отличие состоит лишь в том, что на ценной бумаге ставится традиционная подпись, а в крипто токене добавляется цифровая подпись [7, с. 104]. Т.В. Дерюгина также указывает, что каких-либо существенных отличий в правовом режиме и правовой природе цифровых прав (по сути таким образом поимено-

ванных российским законодателем крипто токенов) и бездокументарных ценных бумаг не наблюдается, что усложняет проведение четкого разграничения между ними [3]. К такому же выводу приходят С.Л. Будылин и Л.Ю. Василевская, поясняя, что фактически крипто токены являются цифровым аналогом бездокументарных ценных бумаг [1].

Как мы видим, практически все ученые-правоведы так или иначе приходят к выводу, что инвестиционные крипто токены по сути являются бездокументарными ценными бумагами по своей правовой природе, с одним лишь отличием, что крипто токены могут существовать лишь в рамках распределенного реестра *Blockchain*, однако как справедливо отметила Т.В. Дерюгина, данный признак не является достаточно квалифицирующим, чтобы провести между ними четкую черту [3]. На наш взгляд, подобная позиция исследователей однозначно оправдана, поскольку основной замысел разработчиков крипто токенов как раз таки и заключался в том, чтобы обеспечить массовый сбор средств в инвестиционных целях для поддержки стартап-проектов с использованием технологии *Blockchain*, то есть токенизировать ценные бумаги.

Однако являются ли инвестиционные токены ценными бумагами по законодательству Казахстана? Очевидно, что лишь в силу устоявшегося принципа легалитета, согласно которому ценными бумагами могут быть только поименованные таковыми законодателем, мы не можем назвать инвестиционные токены ценными бумагами. Однако мы и не можем их назвать обеспеченными цифровыми активами, поскольку законодатель прямо указывает, что такие цифровые активы не могут удостоверить права на деньги и ценные бумаги. Из чего следует, что в настоящее время правовой статус инвестиционных токенов в законодательстве Казахстана до сих пор не определен, что ведет к значительной правовой неопределенности. Следует полагать, что раз уж законодатель исключил возможность классификации инвестиционных токенов в качестве обеспеченных цифровых активов, прямо указав об этом, то их правильно классифицировать в качестве «токенизированных» видов ценных бумаг (акций, облигаций), которые существуют в рамках технологии *Blockchain*. При таком положении дел на инвестиционные токены следовало бы распространить правовой режим бездокументарных ценных бумаг, с соответствующим реформированием действующего законодательства о рынке ценных бумаг, такой подход бы исключил правовую неопределенность в инвестиционной среде. Возможно по аналогии с другими видами крипто токенов законодателю следует установить более упрощенный правовой режим для инвестиционных крипто токенов, по сравнению с ценными бумагами, как мы это видим на примере правового режима обеспеченных цифровых активов.

Ведь задавшись вопросом, какие цели преследовал законодатель, устанавливая для обеспеченных цифровых активов правовой режим, отличный от ценных бумаг, мы видим, что исключительно практические цели, возможно для регламентирования более простой процедуры эмиссии и оборота крипто токенов по сравнению с ценными бумагами с целью увеличения привлекательности «крипто инвестиционной» среды в Казахстане. А также и для целей минимизировать риски, которые несут в себе крипто активы, а может с целью упрощения задачи и ограничиться принятием одного специального закона, вместо реформирования устоявшихся отношений в сфере рынка ценных бумаг. Так или иначе, если мы обратимся к Закону «О цифровых активах», то становится очевидным, что для эмиссии обеспеченных цифровых активов на территории Казахстана эмитенту фактически необходимо лишь получить соответствующее разрешение в уполномоченном органе и опубликовать Решение о выпуске обеспеченных цифровых активов на своем интернет-ресурсе [5]. Очевидно, что с практической точки зрения подобный подход законодателя оправдан.

Таким образом, мы приходим к выводу, что инвестиционные токены по своей правовой природе являются бездокументарными ценными бумагами. На наш взгляд, было бы правильнее расширить понятие ценных бумаг, и распространять их правовой режим на любой объект, обладающий их признаками, по аналогии с тестом *Howey* в США, согласно которому ценной бумагой или инвестиционным контрактом считается любой объект, обладающий следующими признаками: 1) вложение средств в 2) совместное предприятие с 3)

разумным ожиданием прибыли, полученной благодаря усилиям других лиц [15]. Сказанное позволило бы установить правильное понимание правовой природы инвестиционных токенов и их места в системе объектов гражданских прав.

Заключение

Из сказанного следует, что в Законе «О цифровых активах» законодателем была принята очередная попытка правового регулирования криптоактивов, которые им поименованы цифровыми активами. Классифицировав цифровые активы на обеспеченные и не обеспеченные, законодатель применил к ним общепринятую классификацию криптоактивов на крипто токены и криптовалюты, соответственно.

Под крипто токенами следует понимать вид криптоактива, который существует только в рамках технологии *Blockchain* и удостоверяет имущественные права их обладателей на вещи, объекты интеллектуальной собственности и услуги, оказываемые их эмитентами. Основными их видами являются следующие: потребительские токены, инвестиционные токены, и невзаимозаменяемые токены. Процесс эмиссии крипто токенов происходит в рамках процедуры краудинвестинга.

При этом из примененной законодателем классификации цифровых активов без надлежащего правового регулирования остались инвестиционные крипто токены, которые законодателем прямо исключены из категории обеспеченных цифровых активов, но при этом не включены в категорию ценных бумаг, что ведет к правовой неопределенности.

Настоящим исследованием поставленные цели и задачи считаются достигнуты утверждением, что инвестиционные крипто токены по своей правовой природе являются бездокументарными ценными бумагами с одним отличием, что они существуют в рамках распределенного реестра *Blockchain*, однако выполняют схожие функции.

Такая неопределенность в правовом регулировании однозначно открывает возможности к различного рода злоупотреблениям со стороны эмитентов, а как следствие незащищенности прав инвесторов. В связи с чем нами предлагается исключить принцип легалитета в определении перечня ценных бумаг, расширить их понимание, и соответственно распространить правовой режим ценных бумаг на все объекты, отвечающие их признакам.

Настоящая работа открывает дальнейшие перспективы для более углубленного исследования вопросов правовой природы криптоактивов, их правового режима и места в системе объектов гражданских прав.

А. Танатар, құқық жоғары мектебінің магистранты Maqsut Narikbayev University, (Астана қ., Қазақстан Республикасы): Инвестициялық крипто токендардың бағалы қағаздарымен байланысының құқықтық табиғаты.

Осы зерттеудің *өзектілігі* әлемде де, Қазақстанда да цифрлық активтер нарығының қарқынды дамуымен және цифрлық активтердің құқықтық сипатына әрі олардың азаматтық құқықтар объектілері жүйесіндегі орнына қатысты доктриналық зерттеулердің жеткілікті көлемінің болмауымен негізделеді. Осыған байланысты, құқықтық доктринаның цифрлық активтерді жеткіліксіз зерделеуі олардың тиісті құқықтық реттелуінің болмауын негізсіз құқықтық белгісіздікке және осы құқықтық қатынастарға қатысушылардың азаматтық құқықтарын тиісті деңгейде қорғалмауына алып келеді. Зерттеу *пәні*-инвестициялық крипто токендер мен құжатсыз бағалы қағаздар арасындағы азаматтық құқықтар объектілері ретінде объективті байланысы болып табылады. Мақаланың мақсаты инвестициялық крипто токендер сияқты цифрлық активтердің түрінің бізге таныс объект-құжатсыз бағалы қағаздармен құқықтық арақатынасын өткізу болып табылады. Осы зерттеуде ғылыми-зерттеу жұмысының жалпы ғылыми әдістерінен басқа, түсіндіру әдісі және салыстырмалы-құқықтық әдіс сияқты арнайы-құқықтық әдістер де қолданылды. Сонымен қатар, автор осы жұмысты жазу кезінде ресми-құқықтық әдісті де қолданды. Бұл ғылыми мақаланың *жаңалығы* азаматтық құқықтар объектілері ретінде қамтамасыз етілген цифрлық активтердің құқықтық табиғатын түсінудің жаңа тәсіліне негізделеді. Бұл жұмыс өзінің

құқықтық табиғаты бойынша инвестициялық криптокендер құжатсыз бағалы қағаздар болып табылатындығын, алайда заңнамада тікелей аталмағандықтан ғана бағалы қағаздардың қатарына жатпайтыны анық көрсетеді. Мақалада, сонымен қатар, инвестициялық криптокендерді құқықтық реттеудің нақты болмауына назар аударылады, бұл мүлктік айналымның құқықтық белгісіздігіне және қатысушылардың сенімсіздігіне әкеледі. Мақалада бағалы қағаздардың заңнамалық түсінікті кеңейту және олардың құқықтық режимін олардың белгілеріне сәйкес келетін объектілерге тарату ұсынылды. Осы зерттеудің құндылығы инвестициялық криптокендердің құқықтық табиғатын және олардың азаматтық құқықтар объектілері жүйесіндегі орнын нақтылау болып табылады, бұл осы вектордағы одан әрі теориялық зерттеулер үшін негіз бола алады.

Кілт сөздер: сандық активтер, қамтамасыз етілген цифрлық активтер, криптоактивтер, криптокендер, Blockchain, краудинвестинг, бағалы қағаздар, инвестициялық криптокендер, азаматтық құқықтардың объектілері, криптокендердің эмиссиясы.

A. Tanatar, Master's student at the Higher Law School, Maqsut Narikbayev University (Astana, the Republic of Kazakhstan): Legal Nature of Security Crypto Tokens in Relation to Securities.

The *relevance* of this study is determined by the rapid development of the digital asset market both globally and in Kazakhstan, as well as the lack of sufficient doctrinal researches regarding the legal nature of digital assets and their place in the system of civil rights' objects. Moreover, the insufficient study of digital assets by legal doctrine results in the absence of proper legal regulation, leading to unjustified legal uncertainty and the lack of protection of civil rights of participants in these legal relationships. The *object* of the research is the objective interconnection between investment crypto tokens and non-documentary securities as objects of civil rights and their legal nature. The *aim* of this study is to establish the legal relationship between such a variety of digital assets as investment crypto tokens and a familiar to us object - non-documentary securities. In addition to general scientific *methods* of research, special legal methods such as interpretation and comparative legal method were also applied. Furthermore, the formal legal method was used in writing this work. The *novelty* of this scientific paper is justified by a new approach to understanding the legal nature of secured digital assets as objects of civil rights. This work clarifies that by their legal nature, investment crypto tokens are non-documentary securities; however, they cannot be named as such due to the absence of indication in the legislation. The paper also draws attention to the actual absence of legal regulation of investment crypto tokens, resulting in legal uncertainty and vulnerability of participants in property turnover. It is proposed to broaden the legislative understanding of the category of securities and extend their legal regime to objects that meet their criteria. The value of this research lies in clarifying the legal nature of investment crypto tokens and their place in the system of civil rights' objects, which may serve as a basis for further theoretical research in this direction.

Keywords: digital assets, secured digital assets, crypto assets, crypto tokens, Blockchain, crowdinvesting, securities, security crypto tokens, objects of civil rights, emission of crypto tokens.

Список литературы:

1. Будылин С.Л. Криптоактивы: роль в гражданском обороте и правовая природа. Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 5. С. 74–115.
2. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права. Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119.
3. Дерюгина Т.В. К вопросу о существенных характеристиках и правовой природе цифрового права. Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. (2). С. 35–54.

4. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. № 418-V ЗПК «Об информатизации». Информационная система Әділет. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z1500000418>
5. Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 г. № 193-VII ЗПК «О цифровых активах в Республике Казахстан». Информационная система Әділет. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193>.
6. Идрышева С.К. О Цифровом кодексе Казахстана. Право и государство. 2022. № 3 (96). С. 72–87.
7. Кузнецов Ю.В. Криптоактивы как документарные ценные бумаги. Закон. 2018. № 9. С. 96–105.
8. Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав. Право цифровой экономики. Серия «Анализ современного права. IP & Digital Law». 2020. № 16. С. 5–78.
9. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. М., ООО «Принт», 2020. 304 с.
10. Сравнительная таблица по проекту Закона Республики Казахстан «О цифровых активах в Республике Казахстан» (второе чтение). Официальный сайт Сената Парламента Республики Казахстан. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://senate.parlam.kz/tu-RU/law/Projects/download?fileId=20611&lawId=2005>
11. Сулейменов М.К. «Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства (статья третья, исправленная и откорректированная в связи с принятием Закона о цифровых технологиях). Информационная система ПАРАГРАФ. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35012332.
12. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества». Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 7–29.
13. T. van der Linden, T., Shirazi, T. Markets in crypto-assets regulation: Does it provide legal certainty and increase adoption of crypto-assets?. Finance Innovations. 2023. Vol. 9, Iss. 22. <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00432-8>.
14. Regulation (Eu) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-Assets and Amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937. Official Journal of the European Union. 2023. <https://doi.org/10.5040/9781782258674>.
15. «SEC.gov | Framework for «Investment Contract» Analysis of Digital Assets». Официальный сайт Комиссии по ценным бумагам США. URL: <https://www.sec.gov/corpfin/framework-investment-contract-analysis-digital-assets>.
16. The Right Honourable Lord Justice Green, Chairman, Professor Sarah Green, Professor Nicholas Hopkins, Professor Penney Lewis, и Nicholas Paines KC. «Digital Assets: Final Report». Law Com No 412. UK: The Law Commission. (2023). 283 p.

References:

1. Budylin S.L. Kriptoaktivy: rol' v grazhdanskom oborote i pravovaja priroda [Crypto-assets: role in civil turnover and legal nature]. Vestnik Jekonomicheskogo Pravosudija Rossijskoj Federacii, No. 5, (2023): pp. 74–115. (In Russian).
2. Vasilevskaya L.Y. Token kak novyj ob#ekt grazhdanskih prav: problemy juridicheskoy kvalifikacii cifrovogo prava. [Token as a new civil rights object: issues of legal classification of digital law] Aktual'nye problemy rossijskogo prava, No. 5 (102), (2023): pp. 111–119. (In Russian).
3. Derjugina T.V. K voprosu o sushhnostnyh harakteristikah i pravovoj prirode cifrovogo prava [On the matter of the essential characteristics and legal nature of digital law]. Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. Vol.17 (2), (2022): pp. 35–54. (In Russian).

4. Law of the Republic of Kazakhstan dated 24 November 2015 № 418-V “On informatization”. Adilet Information System. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z1500000418> (In Russian).

5. Law of the Republic of Kazakhstan №. 193-VII LRK of February 6, 2023 “On digital assets in the Republic of Kazakhstan”. Adilet Information System. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193> (In Russian).

6. Idrysheva S.K. O Cifrovom kodekse Kazahstana [On the Digital Code of Kazakhstan]». Law and State, No. 3 (96), (2022): pp. 72–87. (In Russian).

7. Kuznecov Y.V. Kriptoaktivy kak dokumentarnye cennye bumagi [Cryptoassets as definitive securities]. ZAKON, No. 9, (2018): pp. 96–105. (In Russian).

8. Rozhkova M. A. Imushhestvennye prava na novye nematerial'nye ob#ekty v sisteme absoljutnyh prav [Property rights to new intangible objects in the system of absolute rights]. Digital Law, Ser. «Analiz sovremennogo prava. IP & Digital Law», 16, (2020). pp. 5–78. (In Russian).

9. Sannikova L.V., i Haritonova Ju. S. «Cifrovye aktivy: pravovoj analiz. [Digital assets: legal analysis]. Moscow, ООО «Print», (2020): 304 p. (In Russian).

10. Comparative Table on the Draft Law of the Republic of Kazakhstan “On digital assets in the Republic of Kazakhstan” (Second Reading). Official Website of the Senate of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://senate.parlam.kz/ru-RU/lawProjects/download?fileId=20611&lawId=2005> (In Russian).

11. Sulejmenov M.K. «Cifrovizacija i sovershenstvovanie grazhdanskogo zakonodatel'stva (stat'ja tret'ja, ispravlenaja i otkorrektirovannaja v svjazi s prinjatiem Zakona o cifrovyh tehnologijah) (Sulejmenov M.K. Direktor NII chastnogo prava Kaspijskogo universiteta, akademik NAN RK, doktor juridicheskikh nauk, professor)». [Digitization and Improvement of Civil Legislation (Article Three, amended and corrected in connection with the adoption of the Law on Digital Technologies) (Suleimenov M.K., Director of the Institute of Private Law at Caspian University, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Legal Sciences, Professor)] Information System PARAGRAF. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35012332. (In Russian).

12. Suhanov E.A. «O grazhdansko-pravovoj prirode «cifrovogo imushhestva» [On the civil legal nature of «digital property»]. Civil Law Review. no 21 (6), (2021). pp. 7–29. (In Russian).

13. T. van der Linden, T., Shirazi, T. Markets in crypto-assets regulation: Does it provide legal certainty and increase adoption of crypto-assets?. *Financ Innov* 9, 22 (2023). URL: <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00432-8>

14. Regulation (Eu) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-Assets and Amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937. Official Journal of the European Union. 2023. URL: <https://doi.org/10.5040/9781782258674>.

15. «SEC.gov | Framework for «Investment Contract» Analysis of Digital Assets». URL: <https://www.sec.gov/corpfin/framework-investment-contract-analysis-digital-assets>.

16. The Right Honourable Lord Justice Green, Chairman, Professor Sarah Green, Professor Nicholas Hopkins, Professor Penney Lewis, и Nicholas Paines KC. «Digital Assets: Final Report». Law Com No 412. UK: The Law Commission. (2023). 283 p.

Для цитирования и библиографии: Танатар А. Правовая природа инвестиционных крипто токенов в отношении с ценными бумагами // Право и государство. № 1(102), 2024. – С. 65-76. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_1_65

Материал поступил в редакцию 20.02.2024.

ОБЗОР РЕСПУБЛИКАНСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА НА ТЕМУ «ВЫБОРЫ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ», ПРИУРОЧЕННЫЙ КО ВСЕМИРНОМУ ДНЮ ВЫБОРОВ

А.А. ОРАЗБАЕВА,

к.ю.н., Teaching professor Maqсут Narikbayev University (г. Астана, Республика Казахстан)
e-mail: a_orabayeva@kazguu.kz

01 февраля 2024 года в стенах Maqсут Narikbayev University совместно с Центральной избирательной комиссией прошел Республиканский круглый стол на тему «Выборы как механизм обеспечения легитимности государственной власти: конституционно-правовое измерение», приуроченный ко Всемирному дню выборов. Отмечать первый четверг февраля Всемирным днем выборов принято на III Глобальной конференции организаторов выборов, которое состоялось в 2005 году в городе Будапешт. О важности проведения такого дня говорить не приходится, так как внимание всех демократических государств должно быть обращено на справедливое и равное обеспечение избирательных прав граждан и, соответственно, конкурентных и честных избирательных процессов. Уровень электоральной культуры тесно связан с фактором легитимности публичной власти в государстве.

Встреча в Maqсут Narikbayev University организована с целью осуществления правового просвещения по вопросам избирательного процесса в Республике Казахстан. MNU стал площадкой для обмена мнениями по проблемам и тенденциям развития избирательной системы в Казахстане.

В своем приветствии участникам мероприятия Председатель ЦИК РК Н.М. Абдиров подчеркнул, что непосредственно участвуя в формировании легитимной государственной власти, институт выборов сегодня является действенным инструментом реализации конституционной реформы, инициированной Главой государства.

Провост MNU С.Г. Пен в своем выступлении отметил, насколько важно нашему государству пройти долгий период формирования культуры использования избирательного права во благо общества.

Заместитель председателя Правления MNU А.Б. Карбозова подчеркнула, что политика университета направлена на то, чтобы на таких диалоговых научных площадках вместе с именитыми профессорами выступали наши магистранты, оттачивая свои исследовательские качества.

На круглом столе выступили член ЦИК РК Ш.А. Утемисов, подчеркнувший, что проведение честных и справедливых выборов является основой конституционного развития Республики Казахстан. С докладом также выступил и заведующий юридическим отделом ЦИК РК Б.М. Турганбаев.

С основным докладом и поздравлениями выступил д.ю.н., академик РАЕН, профессор Университета Кунаева К.К. Айтхожин. В своем выступлении на тему «Избирательное право Республики Казахстан: современное состояние и перспективы» профессор отметил особое значение тематики мероприятия в том, что выборы как один из фундаментальных политико-правовых институтов, обеспечивающих функционирование демократического

государства, занимают центральное место в системе народовластия. Уделено внимание новой избирательной системе Республики Казахстан, охватывающей все аспекты проведения свободных выборов. Выражена позиция о целесообразности введения в Конституцию раздела «Избирательная система», а также предоставление Центральной избирательной комиссии права законодательной инициативы по вопросам ее введения. Обоснованно озвучены рекомендации о целесообразности разработки и утверждения Указом Президента Республики Государственной программы по развитию избирательного права и повышению электоральной правовой культуры граждан в Республике Казахстан. Также предложено дополнить Закон о выборах разделом «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Республики Казахстан», в котором был бы закреплён весь комплекс основных гарантий избирательных прав граждан. В докладе профессор К.К. Айтхожин озвучил ряд проблем, в том числе касающихся формирования составов избирательных комиссий, порядка регистрации кандидатов в депутаты, организации голосования и подсчета голосов, организации наблюдения за выборами и обеспечения прав наблюдателей и др.

Участники Республиканского круглого стола, приуроченный ко Всемирному дню выборов. Maqsut Narikbayev University. 2024 г.

В своих выводах профессор заключил, что совершенствование избирательного законодательства Казахстана должно идти по пути неуклонного внедрения международных стандартов избирательного права в отечественное законодательство о выборах, четкой регламентации избирательных процедур; своевременного и полного пресечения опасных «грязных» избирательных технологий, искажающих подлинное волеизъявление избирателей.

В рамках мероприятия модератором круглого стола, профессором MNU М.Ч. Когамовым, презентован Комментарий к Конституционному закону Республики Казахстан «О выборах в РК», написанный коллективом авторов по инициативе ЦИК РК. Сомодератором круглого стола, профессором MNU И.У. Аубакировой, был презентован Электоральный онлайн-словарь, одним из авторов которого она является. Словарь доступен на официальном сайте Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан. И комментарий, и онлайн-словарь подготовлены членами Экспертного совета при ЦИК РК к 30-летию Центральной избирательной комиссии.

В выступлении профессор MNU А.Д. Жусупов на тему «Финансирование выборов по Конституционному закону Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан»» подчеркнул и выделил некоторые особенности действующих норм относительно размеров избирательных фондов кандидата в Президенты, кандидата в депутаты Сената, политической партии, кандидата в депутаты Мажилиса Парламента, кандидата в депутаты маслихата. Профессор озвучил, что к каждому кандидату выдвигаются определенные требования, которые должны позволить ему участвовать в выборах. Среди прочих критериев (возраст, отсутствие судимости и так далее) важную роль играет и налоговая отчетность. Каждый

кандидат в любом регионе страны обязан предоставить подробную налоговую декларацию. Финансовые средства, превышающие 1000-кратный расчетный показатель (с учетом МРП 2024 г. – более 3,6 миллионов тенге), которые содержатся на временном хранении у тех или иных организаций, расположенных в Казахстане или за пределами РК. В докладе отмечается об изменениях условий по предоставлению информации о финансировании избирательных фондов: во-первых, теперь, помимо информации об общей сумме денег нужно указывать сумму добровольных пожертвований, поступивших в фонд, а помимо источников, – еще и расходы на предвыборную агитацию.

Профессор MNU А.А. Оразбаева в своем докладе отметила содержательную часть законодательных новелл ряда статей Конституции Республики Казахстан, к примеру, об установлении некоторых полномочий Президента по отношению к Парламенту; об упразднении президентской квоты в 9 депутатов от Ассамблеи народа Казахстана, поскольку квота Ассамблеи передается в Сенат, при этом сокращается на 5 человек, которые будут рекомендованы Ассамблеей народа Казахстана Президенту РК для назначения депутатами Сената. Подытоживая свое выступление было подчеркнуто, что нижняя палата Парламента формируется через прямые выборы с использованием смешанной избирательной системы, по системе пропорционального представительства по территории единого общенационального избирательного округа, а также по одномандатным территориальным избирательным округам.

С очень интересными докладами выступили и магистранты MNU.

Выступление М. Болат на тему «Выборы в Парламент Республики Казахстан в ретроспективе и современных реалиях» был основан на сравнительном анализе деятельности депутатов до и после политических реформ 2022 года. Вследствие проведения республиканского референдума от 5 июня 2022 года в выборы Парламента РК было внесено 3 глобальных изменения. Во-первых, квота АНК была перенесена с Мажилиса в Сенат, так же уменьшена. Во-вторых, внедрение мажоритарной пропорциональной избирательной системы (70/30). В связи с чем территория Казахстана была поделена на 29 одномандатных округов, и были проведены прямые выборы депутатов по каждому округу. В-третьих, право избирателей отзываться мандат депутата своего округа. М. Болат отметила, что по итогу данных изменений повысился уровень демократизма в Республике и доверия граждан к Парламенту.

З. Маткенова в своем докладе на тему «Институт избирательных цензов в избирательном процессе: особенности правового регулирования в Казахстане» рассмотрела избирательные цензы: ценз оседлости, обязательный опыт на госслужбе и избирательный залог для кандидатов в депутаты Парламента РК. В выводе магистрант отметила, что эти цензы только частично соответствуют международным стандартам. На основе выступления было предложено рассмотреть такие вопросы, как вопрос о снижении обязательного срока пребывания в стране для кандидатов в президенты РК; возможность допускать в кандидаты президента РК общественных деятелей с многолетним опытом работы, хоть и не на государственной службе; возможность о снижении избирательного взноса для кандидатов в депутаты Парламента РК по одномандатным округам.

Магистрант Ж. Акжанов в выступлении на тему «Референдум как институт непосредственной демократии: перспективы имплементации зарубежного опыта в Казахстане» основной упор делал на местном референдуме. Отметил, что его использование поможет развить институт референдума в целом как институт прямой демократии. Сравнил с развитыми демократическими странами, как часто они используют институт прямой демократии, определил основные проблемы по его внедрению в наше законодательство. Итогом доклада явились предложения об определении органа, который будет принимать решения по местным референдумам, а также о необходимости упрощения процедуры инициации и проведения референдумов.

Р. Каримов в выступлении на тему «Сайлау механизмдерінің демократиялық институттар үшін маңыздылығы» предложил расширить избирательно право по голосованию

в органы местного самоуправления, предоставив право кандасам и трудовым мигрантам, имеющим вид на жительство участвовать на выборах в органы местного самоуправления, тем самым охватив интересы тех заинтересованных сторон, которые тоже участвуют в общественной жизни и отношениях. Также было высказано предложение рассмотреть возможность устранения преград в осуществлении права на выборы путем внедрения механизма электронного удалённого голосования с использованием технологий блокчейна, с соблюдением тайности голосов. Каримов Р. привёл успешный пример внедрения данного механизма в Эстонской Республике, где к настоящему времени доля тех, кто принял участие на выборах и реализовал своё избирательное право, достигло 50% в общей доле проголосовавших.

В завершении модераторы мероприятия М.Ч. Когамов и И.У. Аубакирова поблагодарили всех выступавших за активное участие и отметили, что результаты обсуждения аспектов института выборов в Центральную избирательную комиссию РК будут направлены рекомендации участников круглого стола. Отдельно выражена благодарность и озвучены добрые пожелания плодотворной научной деятельности на подобных площадках молодым ученым-магистрантам MNU.

Для цитирования и библиографии: Оразбаева А.А. Обзор республиканского круглого стола «Выборы как механизм обеспечения легитимности государственной власти: конституционно-правовое измерение» (Астана, Maqsut Narikbayev University, 1 февраля 2024 г.) // Право и государство. № 1(102), 2024. – С. 77-80. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_1_77

Материал поступил в редакцию 14.02.2024

НОВЫЕ КНИГИ

В. С. Дорохин. Право, мораль и экономика: Экономический анализ права и теория максимизации богатства Ричарда Познера: Монография / под. науч. ред. А. В. Полякова. СПб.: Алеф-Пресс, 2023. — xii + 365 с.

ISBN 978-5-905966-80-4

Имеет ли богатство главное значение для современного человека? Связано ли право с моралью и экономикой? Должно ли право руководствоваться принципами экономики или нет? Ответы на эти и другие вопросы можно найти на страницах данной монографии. Работа посвящена критическому анализу нормативной теории максимизации богатства, разработанной американским мыслителем и юристом Ричардом Познером, которого принято относить к основоположникам чикагской школы экономического анализа права. Под нормативным анализом понимается теоретический подход, который может быть использован для проведения правовой политики, основанной на принципах максимизации богатства каждого человека и общества в целом. Экономический анализ права – направление в современной теории и философии права, получившее наибольшее распространение в США, имеющее представителей в Великобритании, Голландии, Германии, Австрии, Италии, Швеции, Норвегии, Бразилии и в других странах.

Монография может представлять интерес для специалистов, студентов юридических и экономических факультетов, а также для всех, кто интересуется проблемами права и экономики.

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСЛАМСКОГО ПРАВА И ФИНАНСОВ» (MAQSUT NARIKBAYEV UNIVERSITY, Г. АСТАНА, 29 ФЕВРАЛЯ 2024 Г.)

А.К. САБДИН,

Руководитель Центра исламского и казахского права
Maqsut Narikbayev University
(г. Астана, Республика
Казахстан)
e-mail: a_sabdin@kazguu.kz

К.М. АЛШИМБАЕВ,

Research Assistant Центра исламского и казахского права
магистрант Maqsut Narikbayev
University (г. Астана,
Республика Казахстан)
e-mail: kanatkz@inbox.ru

В настоящее время на территории Казахстана действуют отдельные нормы исламского права. Положения исламского банкинга, рынка ценных бумаг (сукук), исламского страхования (такафул), туристической и халял индустрий имплементированы в действующее законодательство Республики Казахстан. Количество граждан, которые ориентируются в повседневной жизни на положения исламского права, постоянно растет. Данная тенденция актуализирует вопрос теоретического осмысления и научного исследования исламского права и исламских финансов.

Центр исламского и казахского права MNU (Maqsut Narikbayev University) при содействии МФЦА (Международного финансового центра «Астана») 29 февраля 2024 года провел международную научно-практическую конференцию на тему: «Актуальные проблемы исламского права и финансов».

В конференции приняли участие представители научно-академических организаций, отечественных и зарубежных исламских финансовых институтов, международные эксперты, представители халял-индустрии, халял-туризма, консалтинговых и юридических фирм, а также других заинтересованных организаций.

На конференции обсуждались актуальные проблемы и тенденции по следующим направлениям:

- Современные проблемы исламского права;
- Тренды и инновации в сфере исламского финансирования;
- Этика и устойчивость в современном исламском финансовом секторе;
- Правовые и маркетинговые аспекты исламских банковских продуктов;
- Перспективы сотрудничества субъектов исламского финансового рынка;
- Роль исламского права и финансов в разрешении финансовых проблем населения и снижении социального напряжения.

Конференция дала возможность обмена опытом с ведущими международными экспертами в области исламского права и финансов, обсудить текущие проблемы рынка исламского финансирования Казахстана, а также опубликовать результаты исследований и докладов в сборнике конференции.

В рамках конференции была организована выставка «Көркем жазу» известного отечественного каллиграфа «хаттата» Орынбасар Асылбска.

Модераторами конференции выступили Сабдин Аскар Калимжанович – директор Центра исламского и казахского права МНУ и Тукулова Мадина Маратовна – руководитель направления исламских финансов в МФЦА.

С приветственными словами в адрес участников конференции выступили:

- Пен Сергей Геннадьевич, проректор МНУ;
- Шоканов Сансызбай Курбанович, заместитель Председателя ДУМК, наиб-муфтий;
- Ерназаров Алмас Азимханулы, директор Центра исследований религии при Управлении по делам религии г. Астана
- доктор Нешет Бодур, советник по делам религии Посольства Турецкой Республики в г. Астана.

На конференции с докладом на тему «Взгляд на исламские финансы: пример Казахстана» выступил ректор Египетского университета исламской культуры «Нур-Мубарак» Мухаммад Шаххат аль-Джинди.

В онлайн формате прозвучал доклад доктора Ризвана Малика – руководителя Центра исламских финансов Бахрейнского института банковского дела и финансов («Важность наращивания потенциала»).

Участники конференции заслушали и обсудили доклады:

- на тему «Исламские финансовые продукты в России: богословский анализ» доктора Нургалиева Рустама Маратовича, проректора Российского исламского университета (г. Казань);

- на тему: «На пути к денежной системе со свободными процентами: текущие проблемы исламского права и финансов» профессора, PhD, вице-канцлера Университета Даруссалам Гонтор Хойрул Умам (Индонезия).

Хусниддинов Музаффар Самариддинович – преподаватель кафедры «Исламская экономика, финансы и паломнический туризм» Международной исламской академии Узбекистана ознакомил участников с работой, ведущейся в Узбекистане по созданию законодательства по трем направлениям: исламский банкинг; рынки капитала (сукук); социальные финансы (вакф). Еще один гость из Индонезии, руководитель программы последиplomного образования Университета Даруссалам, профессор, PhD Ахмад Аффанди Махфудз рассказал присутствующим о развитии рынка исламского капитала в Индонезии с правовой и шариатской точек зрения.

О роли исламских финансов в Кыргызстане и его развитии в рамках стран Центральной Азии рассказал генеральный директор «ИслаМиКо Финанс» МКК Керимбаев Талант Калдарович.

Тукулова Мадина Маратовна – руководитель направления исламских финансов МФЦА выступила с докладом на тему «Исламское финансирование – одно из направлений в МФЦА».

От Высшей школы права *Maqsut Narikbayev University* с докладом на тему «Волеизъявление на случай смерти в исламском праве» выступила Бабаджанян Эстер Леоновна.

В рамках конференции был заключен Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере образовательной и научно-исследовательской деятельности между Центром исламского и казахского права АО «*Maqsut Narikbayev University*» и Российским центром исламской экономики и финансов при Российском исламском институте. Стороны выразили свое намерение сотрудничать в области подготовки шариатских советников для исламского банкинга.

Во второй части конференции прозвучали доклады:

- Куановой Лауры Айболовны, PhD, директора научно-образовательного центра исламских финансов КазНУ им. Аль-Фараби на тему «Развитие эффективности исламского социального финансирования и институционального дизайна»;

- преподавателя Египетского университета исламской культуры «Нур-Мубарак», Phd Стамбакиева Нуржана о роли шариатских советов в надзоре за услугами исламских финансовых организаций на примере Казахстана.

Об условиях работы и условиях службы шариатского контроля в исламских банках рассказал Шокай Еркинбек Керимович, директор научно-образовательного центра арабистики КазНУ им. Аль-Фараби.

По теме «Современные тренды и вызовы индустрии исламских финансов Казахстана» выступил старший менеджер по деловым отношениям Администрации МФЦА Жантурин Айдар Абылаевич.

Таймурзаев Мирлан, директор департамента корпоративного финансирования «*Alif Islamic Bank*» прочитал доклад на тему «*Alif Islamic Bank* – исламский банк МФЦА».

Весьма интересной оказалась тема выступления Армана Баева, «Перспективы сотрудничества субъектов исламского финансового рынка», продвигающего на рынке недвижимости исламский вид ипотечного кредитования. В завершение конференции директор CSLaw Kazakhstan Молдабай Диас рассказал о шариатских стандартах и экспертизе в исламских финансовых организациях. С презентацией на тему «Особенности приложения Сажда.кз» выступил основатель приложения Алмаз Адильбек. О развитии экосистемы халая выступил Касимов Айрат Наилович, руководитель HalalGuide.

По итогам конференции была принята резолюция, которую озвучил помощник директора Центра исламского и казахского права MNU Жалгас Сандыбаев.

Для цитирования и библиографии: Сабдин А.К., Алшимбаев К.М. Обзор Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы исламского права и финансов» (Астана, *Maqsut Narikbayev University*, 29 февраля 2024 г.) // Право и государство. № 1(102), 2024. – С. 81-83. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_1_81

Материал поступил в редакцию 28.02.2024.

МАЗМҰНЫ

• *P.V. Губань* Акпараттық тәуекелдер жағдайында жас ғалымдарды даярлаудағы бітімгершілік стратегиясы. Б. 6. • *A.Д. Кадырбеков*. Білікті бірлеу принципі ХХІ ғасыр мемлекеттіктерінде: Конституциялық тәсілдер. Б. 18. • *B.N. Filatov*. Экономикалық құқық бұзушылық істер бойынша салықтық әкімшілік және қылмыстық сот ісін жүргізу. Бизнесі сот арқылы қорғау мәселелері. Б. 31. • *A.Ж. Испергенова*. Халықаралық құқықтағы шарттық нормаларды түсіндірудің бірлігі қағидаты туралы. Б. 48. • *A.A. Ondash*. Жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесі және оның құқық субъектілігі туралы даулар. Б. 55. • *A. Tanatar*. Инвестициялық криптокендардың бағалы қағаздарымен байланысының құқықтық табиғаты. Б. 65. • *A.A. Orazbayeva* (Қазақстан Республикасы, Астана қ.) «Сайлау – мемлекеттік биліктің заңдылығын қамтамасыз ету тетігі ретінде: конституциялық-құқықтық өлшем» республикалық дөңгелек үстелге шолу (Астана, Maqsut Narikbayev University, 1 ақпан 2024 жыл). Б. 77. • *A.K. Sabdin, K.M. Alshimbayev* (Қазақстан Республикасы, Астана қ.) «Ислам құқығы мен қаржысының өзекті мәселелері» Халықаралық ғылыми-практикалық конференциясына шолу (Астана, Maqsut Narikbayev University, 29 ақпан 2024 жыл). Б. 81.

CONTENTS

• *R. Huban*. Peacebuilding Strategy in Training of Young Scientists in conditions of Informational Risks. P 6. • *A. Kadyrbekov*. Separation of Powers Principle in the States of XXI Century: Constitutional Approach. P. 18. • *B.N. Filatov*. Tax administration and criminal proceedings on economic offenses on cases of economic offenses. Problems of judicial protection of business. P. 31. • *A. Ispergenova*. On the Principle of Unity of Interpretation of Treaty Norms in International Law. P. 48. • *A.A. Ondash*. The legal status of artificial intelligence and disputes about its legal personality. P. 55. • *A. Tanatar*. Legal Nature of Security Crypto Tokens in Relation to Securities. P. 65. • *A.A. Orazbayeva* Review of the Republican Round Table on the Topic «Elections As A Security Mechanism Legitimacy of State Power: Constitutional And Legal Dimension», Timed to Coincide With World Election Day. P. 77. • *A.K. Sablin, K.M. Alshimbayev*. Review of the International Scientific and Practical the Conference «Topical Issues of Islamic Law Law and Finance» (Maqsut Narikbayev University, Astana, February 29, 2024). P. 81.

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ

«Құқық және мемлекет» журналына бұрын жарияланбаған ғылыми мақалалар, жазбалар, құқықтанудың әртүрлі салаларындағы зерттеулер нәтижелері туралы хабарламалар (жақсырақ салыстырмалы-құқықтық сипаттағы), жаңа ғылыми заң басылымдарына шолулар, мемлекет және құқық мәселелері жөніндегі маңызды ғылыми конференциялар туралы мақалалар қабылданады.

Жариялану үшін ұсынылатын материалдар келесі талаптарға жауап беруі тиіс:

1. Мемлекет және құқық саласындағы жаңа өзекті ақпаратты және бұрын жарияланбаған және басқа басылымдарда жариялауға арналмаған бірегей ғылыми зерттеулердің нәтижелерін қамтуға тиіс. Автор мақаланы және басқа материалдарды ұсынған кезде редакциялық кеңеске олардың жарияланған-жарияланбағанын әлде басқа басылымдарға ұсынылған-ұсынылмағандығын хабарлауға міндетті.

2. ҚР БҒМ талаптарына сәйкес (2016 жылғы 4 наурыздағы № 13409 бұйрық, өзгертулер және толықтырулармен) Ғылыми мақала – бұрын жарияланбаған және жаңалығы бар авторлық өзірлемелерді, қорытындыларды, ұсынымдарды қамтитын; немесе ортақ тақырыпқа байланысты бұрын жарияланған ғылыми мақалаларды қарауға арналған (жүйелі шолу) ғылыми зерттеудің, эксперименттік немесе талдамалық қызметтің өзіндік тұжырымдары мен аралық немесе түпкілікті нәтижелерін баяндау. Ғылыми мақаланың құрылымы атауынан, аннотациядан, түйін сөздерден, негізгі ережелерден, кіріспеден, материалдан мен әдістерден, нәтижелерден (мақаланың негізгі бөлігі, әдетте, 3-4 бөлімнен тұрады – ред.) талқылаудан, қорытындыдан, қаржыландыру туралы ақпараттан (бар болған жағдайда), әдебиеттер тізімінен тұрады.»

3. Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде жарияланады. Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде жарияланады. Мақаланың басында автордың аты – жөні мен тегі (мақала аудармашысы болған жағдайда аудармашы туралы ақпарат, мақаланың бірнеше авторының жанында корреспондент-автор көрсетіледі), ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы, лауазымы, кафедрасы, ЖОО, автордың жұмыс орны, қаласы, елі, электрондық мекенжайы туралы өзге де ақпарат орналастырылады. Автордың тегінен кейін мақаланың атауы, орыс, қазақ және ағылшын тілдеріндегі үш аннотация (кемінде 5-8 ұсыныс) (авторлардың тегін, аты-жөнін, әр автордың жұмыс орнын және мақала атауын аударып отырып). Аннотацияда тақырыптың өзектілігі, зерттеу тақырыбы, жұмыстың мақсаты, әдістері, жаңалығы және мақаланың негізгі тұжырымдары ашылады. Әр аннотациядан кейін тиісті тілдегі 10 негізгі сөз.

4. А4 форматындағы 10-16 беттен тұратын мақала Microsoft Word мәтіндік редакторында Times New Roman шрифтімен терілуі керек, өлшемі 14, бір интервал арқылы және мақаланың барлық қажетті құрылымдық элементтері болуы керек (жоғарыдағы 2-тармақты қараңыз). Көлемі 16 беттен асатын мақалалар бас редактормен келісіледі.

5. Дереккөздерге сілтемелер мақаланың мәтінде төртбұрышты жақшада беріледі және қажет болған жағдайда бетті көрсете отырып, «Әдебиет» тізімінде келтірілген дереккөзге тиісті библиографиялық сілтеменің нөмірі түрінде ресімделеді, мысалы: [9, 12-бет]. Бірнеше дереккөз нөмірлерін көрсететін мәтіндік сілтемелерде соңғылары бір-бірінен нүктелі үтірмен бөлінеді, мысалы: [7; 19, б. 45; 37, Б.201]. Келтірілетін статистикалық деректерді, нормативтік актілерді, оның ішінде халықаралық және шетелдік актілерді жариялау көздеріне сілтемелер міндетті болып табылады. Мақаланың соңында осы тақырып бойынша негізгі ғылыми, оның ішінде ең жаңа (түпнұсқа тілінде және латын транслитерациясында бөлек) әдебиеттер тізімі берілген. «Құқық және мемлекет» журналының редакциясы бірқатар елдер бойынша салыстырмалы-құқықтық материалды пайдалануды, біздің журналдағы сабақтас тақырыптар бойынша жарияланымдарды зерделеуді (журнал сайтындағы мұрағатты қараңыз) және сіздің жұмысыңыз үшін пайдалыларын әдебиеттер тізіміне енгізуді ұсынады. УДК, ГРНТИ нөмірлері, әдебиеттер тізімі (Алфавиттік тәртіппен) және ескертпелер ГОСТ сәйкес ресімделеді. Интернет-ресурстарға сілтеме жасау кезінде автор, мәтіннің атауы, сайт/портал, материалдың толық электрондық мекенжайы, оның ашылған күні көрсетіледі.

6. Мақаланың соңында «мақала бірінші рет жарияланады, басқа басылымдарға ұсынылмады және ұсынылмайды» деген жазба болуы керек, автордың (авторлардың) күні мен қолы қойылады. Мұнда автор (авторлар) туралы мәліметтер орналастырылады: тегі, аты және әкесінің аты, электрондық мекенжайы, байланыс телефондары.

7. Мақаланың электрондық нұсқасы, автордың фотосуреті (дұрысы деректі емес, көркем сурет) редакцияға онлайн ұсынылады.

Толығырақ ақпарат Журнал сайтында (Сілтеме: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Редакция мекенжайы және байланыс деректері:
010000, Қазақстан Республикасы, Астана қ.
Maqsut Narikbayev University, Қорғалжын тас жолы, 8.
тел: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pravoigos@kazguu.kz

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал «Право и государство» принимаются ранее неопубликованные научные статьи, заметки, сообщения о результатах исследований в различных областях юриспруденции (желательно сравнительно-правового характера), рецензии на новые научные юридические издания, статьи о значимых научных конференциях по проблемам государства и права.

Представленные для опубликования материалы должны отвечать следующим требованиям:

1. Содержать новую актуальную информацию в области государства и права и результаты оригинальных научных исследований, ранее неопубликованных и не предназначенных для публикации в других изданиях. Автор обязан сообщить редколлегии при представлении статьи и других материалов – были ли они опубликованы или представлены в иные издания.

2. В соответствии с требованиями МОН РК (приказ от 4 марта 2016 г. № 13409 с последующими изменениями и дополнениями) «Научная статья – изложение собственных выводов и промежуточных или окончательных результатов научного исследования, экспериментальной или аналитической деятельности, содержащее авторские разработки, выводы, рекомендации ранее не опубликованные и обладающие новизной; или посвященное рассмотрению ранее опубликованных научных статей, связанных общей темой (систематический обзор). Структура научной статьи включает название, аннотации, ключевые слова, основные положения, введение, материалы и методы, результаты (основная часть статьи, как правило, из 3-х – 4-х подразделов – ред.), обсуждение, заключение, информацию о финансировании (при наличии), список литературы».

3. Статьи публикуются на казахском, русском, английском языках. В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (при наличии переводчика статьи – также информация о переводчике, при нескольких авторах статьи указывается автор-корреспондент), ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, иная информация о месте работы автора, город, страна, электронный адрес. После фамилии автора – название статьи, три аннотации (не менее 5-8 предложений) на русском, казахском и английском языках (с переводом фамилии, инициалов авторов, места работы каждого автора и названия статьи). В аннотации раскрываются актуальность темы, предмет исследования, цель работы, методы, новизна и основные выводы статьи. После каждой аннотации – 10 ключевых слов на соответствующем языке.

4. Статья объемом 10-16 страниц формата А4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, размером 14, через один интервал и иметь все необходимые структурные элементы статьи (см. выше пункт 2). Статьи объемом более 16 страниц согласовываются с главным редактором.

5. Отсылки на источники даются в тексте статьи в квадратных скобках и оформляются в виде номера соответствующей библиографической ссылки на источник, приведенной в списке «Литература», с указанием при необходимости страницы, например: [9, с. 12]. В текстовых ссылках, содержащих указание на несколько номеров источников, последние отделяются друг от друга точкой с запятой, например: [7; 19, с. 45; 37, р. 201]. Обязательны ссылки на источники опубликования приводимых статистических данных, нормативных актов, в том числе международных и зарубежных. В конце статьи дается список литературы – основной научной по данной теме, в том числе новейшей (на языке оригинала и отдельно в латинской транслитерации). Редакция журнала «Право и государство» рекомендует использовать сравнительно-правовой материал по ряду стран, изучить публикации по смежным темам в нашем журнале (см. архив на сайте журнала) и включить полезные из них для Вашей работы в список литературы. Номера УДК, ГРНТИ, список литературы (в алфавитном порядке) и примечания оформляются в соответствии с ГОСТом. При ссылках на интернет-ресурсы указывается автор, название текста, сайт/портал, полный электронный адрес материала, дата его открытия.

6. В конце статьи должна быть запись: «статья публикуется впервые, не представлялась и не будет представлена в другие издания», ставится дата и подпись автора (авторов). Здесь же помещаются сведения об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью, электронный адрес, контактные телефоны.

7. В редакцию представляются онлайн: электронная версия статьи, фото автора (желательно – художественный, не документальный портрет).

Более подробная информация на сайте журнала (См.: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Адрес и контактные данные редакции:
010000, г. Астана, шоссе Қорғалжын, 8,
Maqsut Narikbayev University,
тел.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pavoigos@kazguu.kz

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal «Law and State» accepts previously unpublished scientific articles, notes, reports on the results of research in various fields of jurisprudence (preferably of a comparative legal nature), reviews of new scientific legal publications, articles on significant scientific conferences on problems of state and law.

The materials submitted for publication must meet the following requirements:

1. To contain new relevant information in the field of state and law and the results of original scientific research, previously unpublished and not intended for publication in other publications. The author is obliged to inform the editorial board when submitting the article and other materials – whether they have been published or submitted to other publications.

2. In accordance with the requirements of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Order No. 13409 dated March 4, 2016, with subsequent amendments and additions) «Scientific article – a statement of one’s own conclusions and intermediate or final results of scientific research, experimental or analytical activities, containing author’s developments, conclusions, recommendations not previously published and having novelty; or devoted to consideration previously published scientific articles related to a common topic (systematic review). The structure of the scientific article includes the title, annotations, keywords, main provisions, introduction, materials and methods, results (the main part of the article, as a rule, consists of 3 to 4 subsections - ed.), discussion, conclusion, information on financing (if available), references.»

3. Articles are published in Kazakh, Russian, and English. The initials and surname of the author are placed at the beginning of the article (if there is a translator of the article, information about the translator is also provided, with several authors of the article, the corresponding author is indicated), academic degree, academic title, position, department, university, other information about the author’s place of work, city, country, e-mail address. After the author’s surname – the title of the article, three annotations (at least 5-8 sentences) in Russian, Kazakh and English (with translation of the surname, initials of the authors, place of work of each author and the title of the article). The abstract reveals the relevance of the topic, the subject of the study, the purpose of the work, methods, novelty and the main conclusions of the article. After each annotation there are 10 keywords in the corresponding language.

4. An article of 10-16 A4 pages should be typed in a Microsoft Word text editor in Times New Roman font, size 14, with one interval and have all the necessary structural elements of the article (see paragraph 2 above). Articles of more than 16 pages are coordinated with the editor-in-chief.

5. References to sources are given in the text of the article in square brackets and are made out in the form of the number of the corresponding bibliographic reference to the source given in the list of «Literature», indicating, if necessary, the page, for example: [9, p. 12]. In text links containing an indication of several source numbers, the latter are separated from each other by a semicolon, for example: [7; 19, p. 45; 37, p. 201]. References to the sources of publication of the cited statistical data and regulations, including international and foreign ones, are mandatory. At the end of the article, a list of literature is given – the main scientific literature on this topic, including the latest (in the original language and separately in Latin transliteration). The editorial board of the journal «Law and the State» recommends using comparative legal material on a number of countries, study publications on related topics in our journal (see the archive on the journal’s website) and include useful ones for your work in the list of references. The numbers of the UDC, GRNTI, the list of references (in alphabetical order) and notes are drawn up in accordance with GOST. When linking to Internet resources, the author, the title of the text, the website /portal, the full email address of the material, and the date of its opening are indicated.

6. At the end of the article there should be an entry: «the article is published for the first time, has not been submitted and will not be submitted to other publications,» the date and signature of the author(s) are put. Information about the author(s) is also placed here: surname, first name and patronymic in full, e-mail address, contact phone numbers.

7. To the editorial office you must submit online: electronic version of your article and your photo (preferably - casual, not official (3x4) photo).

More detailed information is available on the journal’s website (See: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Editorial office address and contact details:
010000, Republic of Kazakhstan, Astana.
Maqsut Narikbayev University, Korgalzhyn highway, 8.
Tel.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pavoigos@kazguu.kz

«Университет кітабы-2019: әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар» басылымдардың халықаралық байқауында (Қазан қ.) «Мемлекет және құқық» журналы «Ең үздік мерзімдік басылым» номинациясында жеңімпаз атанды.

На Международном конкурсе изданий «Университетская книга-2019: социально-гуманитарные науки» (г. Казань), журнал «Право и государство» победил в номинации: «Лучшее периодическое издание».

РЫЛТАЙШЫ: **Maqsut Narikbayev University**

Журнал Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің Ақпарат және мұрағаттар комитетінде тіркеліп, 25.09.2006 жылы №7742-Ж күйі берілген.

Журнал РФҚД халықаралық ғылым өлшем жүйесіне енген.

ЖУРНАЛ РЕДАКЦИЯСЫ:

А.Б. Дидикин (бас редактор);
Р.А. Жакина (жауапты хатшы);
Н.М. Акпеисова (компьютерлік беттеу және әрлендірме);
А. Ускенбаев (қазақ тіліндегі мәтіннің редакторы).

РЕДАКЦИЯНЫҢ МЕКЕНЖАЙЫ:

010000, Астана қ.,
Қорғалжын тас жолы, 8,
Maqsut Narikbayev University,
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Журналдың толық электрондық нұсқасы және әр жеке мақала журналдың сайтында, РИНЦ-те, IPRbooks-та, Maqsut Narikbayev University репозиторинде орналастырылады және жалпыға қолжетімді болып табылады.

ISSN 2307-5201.
Материалдарды қолдану кезінде «Құқық және мемлекет» журналына сілтеме жасалуы міндетті.

Журналдың материалдарында білдірілген пікірлер редакцияның көзқарасымен сәйкес келе бермейді.

Қолжазба қайтарылмайды.

Журналдың мұқабасын ресімдеу барысында Maqsut Narikbayev University фотосуретінің фрагменті пайдаланған (фотосурет: Жакина Р.).

Жарияланған: 29.03.2024

© Maqsut Narikbayev University, 2024
© «Құқық және мемлекет» журналы, 2024.

УЧРЕДИТЕЛЬ: **Maqsut Narikbayev University**

Государственный регистрационный №7742-Ж выдан 25.09.2006 г. Комитетом информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан.

Журнал включен в международную наукометрическую систему РИНЦ.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

А.Б. Дидикин (главный редактор);
Р.А. Жакина (ответственный секретарь);
Н.М. Акпеисова (компьютерная верстка и дизайн);
А. Ускенбаев (редактор текста на казахском языке).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

010000, г. Астана,
шоссе Коргалжын, 8,
Maqsut Narikbayev University
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Полная электронная версия журнала и каждая статья отдельно размещаются на сайте журнала, в РИНЦ, IPRbooks, в репозитории Maqsut Narikbayev University и являются общедоступными.

ISSN 2307-5201.
При использовании материалов ссылка на журнал «Право и государство» обязательна.

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Рукописи редакцией не возвращаются.

При оформлении первой страницы обложки журнала использован фрагмент фотографии Maqsut Narikbayev University (фотография: Жакина Р.).

Издан: 29.03.2024

© Maqsut Narikbayev University, 2024
© Журнал «Право и государство», 2024.

CHAIRMAN: **Maqsut Narikbayev University**

The state registration №7742-ZH was given on 25.09.2006 by Committee of information and archive of Ministry of culture and information of the Republic of Kazakhstan.

The journal is included in international RSCI (Russian Science Citation Index) system.

THE EDITORS OF THE JOURNAL:

A.B. Didikin (Editor-in-chief);
R. A. Zhakina (Executive secretary);
N.M. Akpeissova (Technical and design manager);
A. Uskenbaev (Text editor of the Kazakh version).

EDITORIAL ADDRESS:

010000, Astana,
8 Korgalzhyn highway
Maqsut Narikbayev University
tel. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

The full e-journal and articles separately are publicly available on the journal's website, Russian Science Citation Index (RINCI), IPRbooks, and in Maqsut Narikbayev University's repository.

ISSN 2307-5201.
In case of citing materials reference to the journal «Law and State» is required.

Opinions expressed in the materials of the journal do not always coincide with the point of view of the editorial office.

Manuscripts will not be returned.

In the design of the first page of the journal cover a fragment of a photo of the Maqsut Narikbayev University (photo by R. Zhakina).

Published: 29.03.2024

© Maqsut Narikbayev University, 2024
© «Law and State» journal, 2024.

